

И. И. Толстой

Портрет
Безруковской
Космицы

1909.

НБ ОНУ імені І.І.Мечникова

К. К. ТОЛСТОЙ.

Корни безпросвѣтнаго

пессимизма.

„Оптимистическая“ философія

Проф. И. И. Мечникова.

„Древо познанія не есть древо
жизни“.

(Байронъ „Манфредъ“)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Евг. Тиле пр.“ Адмиралтейскій кан., 17.

1909.

1846

К

Предисловіе.

Въ наше время, когда неудержимое и ни передъ чѣмъ не останавливающееся стремленіе къ «переоцѣнкѣ цѣнностей» охватило всѣ слои общества, странно было бы закрывать глаза передъ тѣмъ фактомъ, что вѣра, то есть слѣпое довѣріе къ религіозной мистикѣ всѣхъ безъ исключенія древнихъ религій, не выдерживая столкновенія съ современной точной наукою, повсюду видимо падаетъ.

Ни для кого не тайна, я полагаю, что люди, познакомившіеся съ этой наукою, къ какому бы вѣроисповѣданію они не принадлежали, перестаютъ вѣровать въ космогонію и мистическіе догматы, перешедшіе къ нимъ, по наслѣдству, отъ предковъ. Если они, явно, не всегда отпадаютъ отъ соотвѣствующихъ религій, то это дѣлается отчасти «страха ради» (тамъ гдѣ этотъ страхъ оправдывается дѣйствительностью), отчасти—въ силу уваженія къ привычному религіозному ритуалу и воспоминаніямъ, съ нимъ связаннымъ, а главнымъ образомъ—потому что отпасть некуда, такъ какъ точная наука, разрушивъ вѣру, ничего взамѣнъ ее не создала и не только не даетъ исхода религіозному чувству но даже отрицаетъ законность его существованія—отрицаетъ религіозный инстинктъ.

Между тѣмъ нельзя также закрывать глаза и на то, что инстинктъ этотъ, то есть безотчетное ощущение

ніе своего ничтожества передъ величіемъ вселенной, своей полной зависимости отъ на вѣки непостижимыхъ для разума Силъ, ея управляющихъ, а стало быть и безотчетное благоговѣніе передъ этими Силами, оказывается неистребимымъ—продолжаетъ жить въ человѣчествѣ несмотря на увѣренія науки, что она все постигла, все овладѣла, или, по крайней мѣрѣ, достигнетъ и овладѣетъ въ будущемъ.

Какъ бы ни силился человѣкъ вѣрить въ эти ея обѣщанія, но и внутреннее его чувство и разумъ, и дѣйствительная жизнь на всякомъ шагу доказываютъ ихъ невыполнимость. Начать съ того, что для полного пониманія строя вселенной намъ пришлось бы исчерпать ея содержаніе, то есть исчерпать вѣчность и безконечность, а мы воочию видимъ что «сфера извѣстнаго»—по картинному выраженію Проф. Фламариона—«постоянно расширяясь, все въ большемъ и большемъ количествѣ точекъ соприкасается съ неизвѣстнымъ». Мы воочию видимъ, что человѣкъ, изучая природу, все болѣе и болѣе убѣждается въ ея неисчерпаемости для разума—въ томъ, что чѣмъ болѣе онъ узналъ, тѣмъ больше ему узнавать остается. Однимъ словомъ—чѣмъ болѣе человѣкъ овладѣваетъ природою, тѣмъ яснѣе видитъ, что самъ онъ есть только часть ея, находящаяся въ полной зависимости отъ великаго и непостижимаго Цѣлаго. Вѣковѣчный религіозный инстинктъ его, такимъ образомъ, вполне подтверждается и дѣйствительностью и разумомъ, а между тѣмъ наука, въ настоящей стадіи своего развитія, отрицаетъ этотъ инстинктъ, отрицаетъ вѣру, и запрещаетъ руководствоваться ею въ жизни...

Отсюда разладъ между чувствомъ и наукою, обусловливающий распространеніе самаго безотраднaго пессимизма въ человѣчествѣ и пониженіе жизненности

последняго, въ отдѣльныхъ случаяхъ все чаще и чаще доходящее до полного отказа отъ жизни.

Стремясь помочь горю, точная наука, до сихъ поръ только разрушавшая старыя, религіозныя концепціи міроустройства и основанныя на нихъ нормы отношеній человѣка ко вселенной, къ обществу и ближнимъ, пытается теперь построить эти нормы заново, на основаніи тѣхъ космологическихъ концепцій, которыя она сама себѣ составила, руководствуясь однимъ только разумомъ, завѣдомо плохо освѣдомленнымъ и завѣдомо немогущимъ получить полного освѣдомленія. Ясно дѣло, что такія попытки не могутъ привести ни къ чему; частичнымъ, хотя бы вполне точнымъ, пониманіемъ міроустройства, частичнымъ знаніемъ своихъ судьбъ, человѣчество удовлетвориться не можетъ, а полнымъ, это знаніе, завѣдомо никогда не сдѣлается. Религіозному инстинкту, слѣдовательно,—какъ и всякій другой инстинктъ всегда идущему впереди точнаго знанія—долженъ быть данъ исходъ. Необходимость его удовлетворенія должна быть признана самою наукою. За человѣчествомъ должно быть признано право вѣровать во все, что ему подсказывается инстинктомъ и не противорѣчитъ знанію въ тѣхъ его частяхъ, которыя дѣйствительно точно и вполне разработаны.

Одною изъ самыхъ выдающихся, за послѣднее время, попытокъ точной науки построить отношенія человѣка ко вселенной, къ самому себѣ и къ ближнимъ является «оптимистическая» философія Проф. И. И. Мечникова, изложенная въ двухъ недавно вышедшихъ и произведшихъ большое впечатлѣніе книгахъ его: „*Etudes sur la nature humaine*“ и „*Essais optimistes*“*). По мѣрѣ появленія этихъ книгъ въ пе-

*) Теперь уже переведенныхъ на русскій языкъ.

чати, я подвергалъ ихъ посильному анализу на страницахъ «Новаго Журнала» (издаваемого Ѳ. И. Булгаковымъ) а теперь, предполагая, что данный вопросъ можетъ интересовать большую публику, выпускаю свои статьи отдѣльной книжкой.

К. Толстой.

Природа и судьбы челоѵка передъ судомъ точной науки.

I.

Появившись на свѣтъ Божій не по собственному желанію, а по повелѣнію неисповѣдимой для него судьбы; не участвуя ни разумомъ, ни волею въ устройствѣ собственнаго своего организма, и въ опредѣленіи какъ потребностей послѣдняго, такъ и цѣлей его существованія, а между тѣмъ отъ природы склонный искать повсюду причины и цѣли, челоѵкъ, естественно, при первыхъ же шагахъ своихъ на землѣ, долженъ былъ задуматься о своемъ происхожденіи и предназначеніи. Какъ онъ объ этомъ думалъ, какія гипотезы сочинялъ за время своей исторіи—перечислять было бы слишкомъ долго, но въ общемъ всѣ эти гипотезы, основывавшіяся на самонаблюденіи и наблюденіи природы, а главнымъ образомъ на безотчетныхъ стремленіяхъ и ощущеніяхъ, сводились къ творческому акту Высшаго Разума—въ прошломъ, и къ вѣчному участию челоѵка въ жизни вселенной—въ будущемъ.

Несмотря на отсутствіе точныхъ и ясныхъ для разума доказательствъ, гипотезы эти до такой степени овладѣвали умами нашихъ предковъ, что превращались въ твердую увѣренность—въ вѣру, руководившую ими въ жизни и опредѣлявшую всѣ ихъ отношенія къ природѣ, къ ближнимъ и къ самимъ себѣ. Космологія, этика, философія, даже физиологія, медицина и гигиена челоѵчества, чуть не до самаго послѣдняго времени (а у большинства народовъ и теперь), строились и строятся на основахъ мистической, религіозной вѣры.

Разъ увѣровавъ, однако же, разъ опредѣливъ въ главныхъ чертахъ свои отношенія ко вселенной, че-

ловѣкъ не переставалъ все таки изучать послѣднюю. Рядомъ съ инстинктивной, бездоказательной вѣрою, мало-по-малу росла точная наука, сначала считавшаяся «служанкой» теологіи и не смѣвшая ей противорѣчить, но потомъ накопившая такую массу неопровержимыхъ доказательствъ ошибочности господствовавшихъ космологическихъ и многихъ другихъ религіозныхъ концепцій, что молчать о нихъ, терпѣливо снося подчиненное положеніе, уже не могла болѣе, возмущалась и произвела интеллектуальную революцію, длившуюся нѣсколько вѣковъ сряду. Въ концѣ XVIII столѣтія революція эта заключилась полнымъ освобожденіемъ науки изъ подъ власти теологіи.

Не допуская ни творческаго акта въ прошломъ, ни вѣчной жизни въ будущемъ; считая вселенную безначальной, безконечной и безцѣльной, хотя подчиненной неизблѣмымъ законамъ машины, въ которой большую роль играетъ случай; надѣясь рано или поздно изучить всѣ эти законы до малѣйшихъ подробностей и научиться управлять ими на пользу человѣка—наука сочла себя всемогущей, способной не только отвѣтить на всѣ вопросы, задаваемые человѣчествомъ, но даже радикально видоизмѣнить его природу и жизнь.

И, надо отдать ей справедливость, за сто слишкомъ лѣтъ своего господства, она многія изъ своихъ обѣщаній успѣла выполнить. За эти сто лѣтъ внѣшняя обстановка человѣка измѣнилась къ лучшему до неузнаваемости; положительныхъ знаній накоплено столько, сколько не накопилось за всѣ предъидущія тысячелѣтія; вмѣсто бессознательной, инстинктивной эволюціи, жизнь человѣческая вступила на путь сознательнаго прогресса. Но — странное дѣло — чѣмъ дальше идетъ человѣкъ по этому пути, тѣмъ жизнь его становится какъ будто бы тоскливѣе и безотраднѣе; чѣмъ больше мы накапливаемъ положительныхъ знаній, тѣмъ больше убѣждаемся, что исчерпать ихъ запасъ невозможно — что сфера извѣстнаго, постоянно расширяясь, все въ большемъ и большемъ количествѣ точекъ соприкасается съ неизвѣстнымъ; что сознательное видоизмѣненіе собственной нашей природы и жизни можетъ быть совершаемо лишь до извѣстныхъ пре-

дѣловъ, да и то не всегда къ нашей выгодѣ; что полной и рациональной концепціи устройства вселенной наука построить не въ состояніи; что на многие вѣковѣчные вопросы человѣка она не только не отвѣчаетъ, но даже считаетъ ихъ недостойными отвѣта — праздными. А мы отъ нихъ отдѣлаться не можемъ, жить не можемъ безъ ихъ рѣшенія.

Короче — столѣтнее изученіе природы привело насъ къ ясному сознанию, что вполне изучить ее невозможно; столѣтнія старанія подчинить ее своей волѣ привели къ убѣжденію, что мы изъ ея власти все-таки никогда не вырвемся...

Немудрено, поэтому, что за послѣдніе годы на точную науку, не выполнившую данныхъ ею когда-то обѣщаній и видимо не могущую ихъ выполнить, посыпались упреки. Вполнѣ понятно также, что она старается защитить себя отъ этихъ упрековъ, выставляя на видъ свои заслуги передъ человѣчествомъ и категорически настаивая на точности и достаточности для человѣка выработаннаго ею міровоззрѣнія.

Но мнѣ кажется, что такая настойчивость, будучи вполнѣ понятною, не должна, однако же, переходить извѣстныхъ границъ. Разъ чувство остается неудовлетвореннымъ, то разуму, завѣдомо не вполнѣ хорошо освѣдомленному, слѣдовало бы пересмотрѣть свои рѣшенія, постороже опредѣлить предѣлы ихъ обязательности для чувства и даже постараться удовлетворить требованіямъ послѣдняго — войти съ нимъ въ компромиссъ, хотя бы по отношенію къ тому, что находится за предѣлами абсолютнаго точнаго знанія. Слѣдуетъ помнить, что насиліе разума надъ чувствомъ столь же незаконно и столь же вредно для нихъ обоихъ, какъ и насиліе чувства надъ разумомъ.

Къ сожалѣнію, далеко не всѣ представители точной науки дошли до такого сознанія. Опираясь на предполагаемую точность и законченность механистическаго міровоззрѣнія, устраняющаго всякую мистику, большая часть изъ нихъ до сихъ поръ стремится навязать человѣчеству это міровоззрѣніе, не допуская никакихъ отъ него отступленій.

Недавно въ Парижѣ вышла чрезвычайно интерес-

ная книга нашего соотечественника, профессора Пастеровского института И. И. Мечникова, написанная именно съ такою цѣлью. Книга эта издана на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Etudes sur la nature humaine. Essai de philosophie optimiste». Замѣчательна она тѣмъ, что, помимо многихъ новыхъ и интересныхъ взглядовъ на человѣческую натуру, содержитъ въ себѣ еще и попытку дать мотивированный категорическій отвѣтъ на нѣкоторые изъ тѣхъ вопросовъ, которые мучатъ человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ оно впервые задумалось надъ своей судьбою: Откуда мы взялись? Зачѣмъ живемъ? Что насъ ожидаетъ въ будущемъ?

Подробная передача содержания книги проф. Мечникова заняла бы слишкомъ много мѣста, да и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ невозможна — самъ авторъ заявляетъ въ предисловіи, что писалъ ее не для большой публики, а исключительно для ученыхъ биологовъ, — но сущность мнѣній, въ ней высказанныхъ, интересна для всѣхъ и можетъ быть передана на немногихъ страницахъ, при чемъ передающій, несмотря на глубокое свое уваженіе къ наукѣ и проф. Мечникову, не могъ воздержаться отъ возраженій на нѣкоторыя мысли послѣдняго, да и на весь ходъ его разсужденій собственно говоря, а ужъ особенно на тѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ, совершенно несправедливо считая ихъ оптимистическими.

Я вовсе не стремлюсь замѣнить научныя концепціи устройства вселенной и смысла жизни человѣческой какими-нибудь другими, вполне опредѣленными; я хотѣлъ бы только указать на недостаточную основательность первыхъ и возможность — допустимость даже съ научной точки зрѣнія — взглядовъ, основанныхъ на мистическомъ міропониманіи.

II.

Согласно ходу разсужденія, авторъ дѣлитъ свою книгу на три части: въ первой изъ нихъ указываетъ на дисгармоничность натуры человѣка, какъ причину всѣхъ его несчастій; во второй — критикуетъ попытки

религии и философіи сгладить эту дисгармоничность; а въ третьей — подчеркиваетъ роль точной науки въ дѣлѣ такого сглаживанія и дѣлаетъ философскіе выводы изъ всего предыдущаго.

«Несмотря на значительный прогрессъ естественныхъ наукъ, — говоритъ проф. Мечниковъ въ началѣ первой главы своего сочиненія, — онѣ часто вызываютъ нѣкоторое недовольство. Наука, говорятъ обыкновенно, улучшила, конечно, матеріальныя условія человѣческаго существованія, но она бессильна рѣшить тѣ нравственные и философскіе вопросы, которые въ высшей степени интересуютъ культурныхъ людей. Въ этомъ отношеніи наука сумѣла только разрушить религиозныя основы. Она отняла у человѣчества тѣ утѣшенія, которыя давала ему религія, но не смогла замѣнить ихъ чѣмъ-либо болѣе точнымъ и солиднымъ. Современное человѣчество, несомнѣнно, испытываетъ нѣчто въ родѣ общаго недомоганія. Хотя и поставленный въ условіи, болѣе чѣмъ прежде благоприятныя для дѣятельности, человекъ не можетъ теперь ориентироваться при выборѣ направленія этой дѣятельности и опредѣлить своихъ отношеній къ ближнимъ разныхъ категорій (къ семьѣ, государству, расѣ, человечеству вообще)»¹⁾ Благодаря этому онъ становится пессимистомъ или мистикомъ, отрицаетъ возможность счастья, стремится насильственно прекратить свое существованіе и проч. и проч.

Въ такомъ положеніи человекъ оказывается не въ первый уже разъ въ теченіе своей исторіи. Перемена міровоззрѣнія всегда ставила его на распутьи нѣсколькихъ жизненныхъ дорогъ, безъ точнаго знанія по какой изъ нихъ слѣдуетъ идти, какая ведетъ къ истинѣ и наибольшему счастью. Но и положительныя міровоззрѣнія, смѣнявшіяся довольно часто, не будучи основаны на точной наукѣ, тоже не могли дать такого знанія и бросали человека изъ одной крайности въ другую. Не говоря уже про религиозныя вѣрованія, всегда заключавшія въ себѣ элементъ мистическій, наиболѣе недостоверный съ точки зрѣнія точной науки,

¹⁾ Курсивъ вездѣ мой.

даже попытки философов применить эту науку оставались бесплодными, потому что она находилась во младенчествѣ.

Древніе греки, напримѣръ, думали, что «самая натура человѣка даетъ всѣ элементы, необходимые для выработки рациональной этики». А потому натура эта «пользовалась у нихъ большимъ почетомъ», при томъ не съ внѣшней только стороны—формамъ тѣла человѣческаго греки положительно поклонялись,—но и съ внутренней. По ученію Платона, всѣ характерныя черты человѣческой природы считались совершенными, изъ чего Ксенократъ вывелъ, что счастье, а также и добродѣтель, состоятъ лишь въ выполнении ея естественныхъ требованій. Но относительно того, въ чемъ состоятъ самыя эти требованія, древніе философы уже на первыхъ порахъ разошлись: стоики, напримѣръ, говорили, что высшее благо, высшая цѣль жизни и высшее счастье состоятъ въ согласованіи своихъ поступковъ съ высшимъ разумомъ, а эпикурейцы считали такимъ благомъ чувственное наслажденіе.

Борьба между этими двумя quasi-научными мировоззрѣніями, изъ которыхъ каждое ссылалось на естественныя потребности человеческой природы, тянется, собственно говоря, чрезъ всю исторію человѣчества вплоть до нашего времени, при чемъ совершенно въ сторонѣ отъ нея стоятъ мировоззрѣнія мистическія—буддизмъ, христіанство и другія религіи, для которыхъ физическая натура человѣка, съ ея потребностями, вовсе не служитъ критеріемъ истины, блага, счастья и добродѣтели. Эти мировоззрѣнія, напротивъ того, считая земную жизнь нашу простою подготовкой къ жизни вѣчной, заботятся объ удовлетвореніи земныхъ потребностей человѣка лишь постольку, поскольку нужно для воспитанія души—для ея, такъ сказать, созрѣванія. Въмѣсто того, чтобы считать физическую природу человѣка совершенною, поклоняться ей и, такъ или иначе, руководствоваться ея требованіями, они смотрятъ на нее какъ на источникъ всякаго зла, какъ на цѣпи, временно наложенныя на душу. Чѣмъ меньше душа стѣнена этими цѣпями, чѣмъ скорѣе онѣ будутъ сброшены, тѣмъ лучше для человѣка. Не по-

*Философия абстракц. См. Введ. въ философию
Вурдино, Кюльне и др.*

такать, поэтому, совѣтуютъ они плоти, а измощать ее. Не только эпикурейство, а и стоицизмъ, направленный все-таки ко благу земной жизни, ихъ не удовлетворяетъ. Одинъ лишь полный аскетизмъ—умерщвление какъ похотей плоти, такъ даже и всякихъ другихъ, хотя бы высокихъ, но земныхъ, инстинктовъ—считаютъ они достойнымъ существа мыслящаго и предназначеннаго къ жизни вѣчной.

Въ виду такихъ разнорѣчивыхъ взглядовъ на природу человѣка, «играющихъ большую роль при опредѣленіи добра и зла», а также въ виду того, что сама точная наука, устами нѣкоторыхъ своихъ представителей, признаетъ себя неспособной «рѣшить проблемы человѣческаго существованія», авторъ находитъ нужнымъ подвергнуть вопросу «рациональному изученію, при помощи научныхъ методовъ, точныхъ настолько, на сколько точность достижима въ наше время».

III.

Рациональное изученіе человѣческой природы онъ начинаетъ сравненіемъ ея съ природою существъ низшихъ, пробуя отыскать среди послѣднихъ примѣры гармоничности и дисгармоничности устройства организма съ его потребностями и съ окружающей обстановкой.

Прямого опредѣленія этихъ терминовъ—гармонія и дисгармонія—авторъ не даетъ, но, судя по ходу его разсужденій, надо думать, что гармоніей онъ считаетъ не только полную приспособленность организаци къ жизни при данныхъ условіяхъ, но и легкую ея приспособляемость, а дисгармоніей—отсутствіе такой приспособленности и приспособляемости. Такъ, наивысшую гармонію авторъ, повидимому, находитъ въ организаци скорпіоновъ, таракановъ, нѣкоторыхъ моллюсковъ и древовидныхъ папоротниковъ, сохранившихся неизмѣнными съ каменноугольнаго періода до нашихъ временъ; наивысшую же дисгармонію—въ организаци мамонтовъ, мастодонтовъ, нѣкоторыхъ человѣкоподобныхъ обезьянъ и, вообще существъ, не сумѣвшихъ приспособиться къ перемѣнѣ земной обстановки, и потому исчезнувшихъ.

Противъ такого понятія о гармоніи, какъ о полномъ соотвѣтствіи съ окружающими условіями и легкой къ нимъ примѣнимости, нельзя бы было и возражать, если бы авторъ видимо не соединялъ со словомъ «гармонія» понятія о совершенствѣ, если бы онъ не измѣрялъ послѣдняго только степенью подчиненности индивидуума или вида окружающей обстановкѣ. Такая мысль, нигдѣ прямо не высказанная, красной нитью проходитъ по всей книгѣ проф. Мечникова. Съ высоты именно такого понятія о совершенствѣ онъ и судитъ натуру человѣка. Въ этомъ я вижу первую его ошибку, обусловленную чисто механистическимъ взглядомъ на природу, и сильно вліяющую на дальнѣйшій ходъ разсужденій.

Въ самомъ дѣлѣ, самъ проф. Мечниковъ не станетъ, вѣроятно, отрицать, что всѣ живыя существа являются не простыми комками инертной матеріи, а генераторами и носителями особаго рода міровой энергій—*воли*, болѣе или менѣе сознательной, болѣе или менѣе могучей, но всегда направленной къ цѣлесообразному удовлетворенію потребностей индивидуума, всегда дѣятельной и своею дѣятельностью болѣе или менѣе сильно измѣняющей условія, среди которыхъ приходится жить послѣднему. Мы не станемъ теперь касаться сущности этой энергій, но нельзя же не признать, что именно она характеризуетъ все живое, что именно ею обуславливается отличие живыхъ существъ отъ неорганизованной матеріи и что чѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе животное, тѣмъ въ большей степени оно обладаетъ волею, тѣмъ сознательнѣе направляетъ ее на борьбу съ окружающей природою. Но вѣдь гдѣ борьба, тамъ, очевидно, не можетъ быть гармоніи. Значитъ, чѣмъ сильнѣе воля живого существа, тѣмъ оно совершеннѣе какъ таковое, но и тѣмъ менѣе гармонируетъ съ окружающей обстановкой. Гармоничность, такимъ образомъ, является прямой антитезой совершенству, что мы и будемъ имѣть въ виду, слѣдя за дальнѣйшими разсужденіями автора.

Опредѣливъ косвеннымъ образомъ свое понятіе о гармоніи и дисгармоніи, онъ посвящаетъ цѣлую главу примѣрамъ того и другого въ мірѣ низшихъ существъ.

Сначала онъ описываетъ удивительно хорошо приспособленные къ искусственному оплодотворенію цвѣтки орхидей и нравы ось-копательницъ, парализующихъ свою добычу съ помощью укола въ нервные узлы, для чего требуется тонкое, хотя и безотчетное, знаніе анатоміи и физиологіи; затѣмъ упоминаетъ о совершенно бесполезныхъ для жизни, рудиментарныхъ органахъ у тѣхъ же орхидей, о неприспособленности нѣкоторыхъ жесткокрылыхъ къ добыванію себѣ пищи изъ цвѣтовъ, объ аномаліяхъ полового инстинкта у муравьевъ, наконецъ, о гибельномъ для большинства насекомыхъ стремленіи ихъ къ огню и свѣту. Изъ всего этого онъ выводитъ, что въ природѣ, наряду съ гармоничностью организаци, какъ бы нарочно, преднамѣренно кѣмъ то устроенной, встрѣчается дисгармоничность, доказывающая, что никакой преднамѣренности, никакого опредѣленнаго плана при постройкѣ организмовъ не было, и что гармонія послѣднихъ съ окружающими условіями вырабатывалась исподволь, сама собою, при чемъ наиболѣе къ ней способные выжили, блаженствовали и должны были смотрѣть на міръ Божій оптимистически, а наиболѣе неспособные мучились, становились пессимистами и гибли.

Къ какой же изъ этихъ двухъ категорій принадлежитъ человѣкъ?—спрашиваетъ авторъ въ концѣ второй главы своего сочиненія.

Для того, чтобы отвѣтить на такой вопросъ, онъ сначала останавливается на теоріи Дарвина, на сходствѣ человѣка съ антропоморфными обезьянами, неопровержимо доказывающемъ близкое наше съ ними родство¹⁾, а затѣмъ, въ виду отсутствія переходныхъ

¹⁾ Между прочимъ, онъ сообщаетъ здѣсь результаты весьма интересныхъ опытовъ Грюнбаума, произведенныхъ въ 1902 г. Дѣло въ томъ, что сыворотка крови любого млекопитающаго животного, которому предварительно была впрыснута кровь животнаго другого вида, становится, какъ давно уже замѣчено, способною не только растворять кровяные шарики этого послѣдняго и давать осадокъ съ его сывороткой (сыворотки животныхъ одного вида смѣшиваются безъ осадка), но давать такія же реакціи и съ кровью животныхъ, ему родственныхъ. Такъ, сыворотка кролика, привитаго кровью курицы, даетъ осадокъ не только съ сывороткой послѣдней, но и съ сыворот-

формъ отъ обезьяны къ человѣку, пробуетъ опредѣлить, какимъ же образомъ этотъ переходъ совершился, при чемъ доходить до слѣдующаго нѣсколько неожиданныя вывода.

Принимая во вниманіе большее сходство человѣка съ зародышемъ обезьяны, чѣмъ съ взрослымъ животнымъ (форма черепа и развитіе челюстей, распредѣленіе волосъ по тѣлу и проч.), проф. Мечниковъ думаетъ, что человѣкъ появился на свѣтъ вдругъ, въ качествѣ обезьяняго выродка, недоразвившагося зародыша или урода (въ зоологическомъ смыслѣ слова). «Какая-нибудь антропоморфная обезьяна», — говоритъ онъ, — «находясь въ періодѣ измѣчивости специфическихъ признаковъ (periode de variabilite des caracteres specifiques), родила дѣтей, снабженныхъ новыми свойствами. Ненормально большой мозгъ ихъ, помѣщенный въ объемистомъ черепѣ, допустилъ быстрое развитіе умственныхъ способностей, далеко превосходящихъ таковыя же способности родителей и вообще вида. Эта особенность передавалась потомкамъ, а такъ какъ она давала имъ значительныя преимущества въ борьбѣ за существованіе, то новая раса и должна была размножиться, распространиться и подчинить себѣ прочія». Всѣ остальные особенности человѣка развились уже впоследствии, въ силу приспособленія къ новому роду жизни, обусловленному первоначальнымъ его отличіемъ отъ обезьянъ.

Возможность такого внезапнаго и безпричиннаго, повидимому, нарушенія постепенной, механической эволюціи, *ведущаго къ усовершенствованію* (уродъ-то вѣдь оказался болѣе приспособленнымъ къ борьбѣ за существованіе), авторъ доказываетъ, во-первыхъ, мнѣніемъ

кой другихъ птицъ, напримѣръ, голубя. Этимъ свойствомъ специально подготовленныхъ сыворотокъ успѣла даже воспользоваться судебная медицина для открытія происхожденія кровяныхъ пятенъ. Имъ же воспользовался и Грюнбаумъ для доказательства родства человѣка съ обезьянами: прививая животнымъ человѣческую кровь, онъ получилъ сыворотку, дающую осадокъ какъ съ человѣчьей, такъ и съ обезьяньей. Точно такую же реакцію давала и сыворотка животныхъ, привитыхъ кровью любой антропоморфной обезьяны — гориллы, шимпанзе или орангутанга.

Дарвина, допускавшаго такіе «скачки», во-вторыхъ — примѣромъ Иноди (извѣстнаго по своей необыкновенной способности къ вычисленіямъ) и, наконецъ, въ-третьихъ — наблюденіями *de Vries*, который, культивируя въ теченіе пятнадцати лѣтъ американскіе онагры (*Oenotera Lamarekiana*), воочию видѣлъ *внезапное* появленіе на нихъ цвѣтковъ, совершенно непохожихъ на первоначальные, при чемъ изъ сѣмянъ этихъ цвѣтковъ ему удалось получить *дванадцать новыхъ видовъ* онагры.

Не замѣчая, что возможность внезапныхъ скачковъ дѣлаетъ, въ иныхъ случаяхъ, постепенную эволюцію ненужной, авторъ объясняетъ дисгармоничность природы человѣка отсутствіемъ такой эволюціи. По его мнѣнію, человѣкъ, будучи обезьяньимъ уродомъ, недоноскомъ, и въ большой мѣрѣ наследуя натуру своихъ родителей, сразу поставилъ эту натуру въ совершенно неподходящія для нея условія, почему многія ея подробности и оказались лишними, ненужными, мѣшающими, дисгармоничными, обуславливающими всѣ бѣдствія человѣческія.

Обзору этихъ подробностей авторъ посвящаетъ цѣлыя три главы. Сначала онъ говоритъ о пушкѣ и волосахъ, покрывающихъ нашу кожу, неспособныхъ защищать ее отъ холода и вообще ни на что не нужныхъ, а между тѣмъ предрасполагающихъ къ микробнымъ заболѣваніямъ, такъ какъ мѣшочки ихъ представляютъ собою удобныя ворота для вѣдренія микробовъ. Затѣмъ переходитъ къ зубамъ, которые тоже не нужны (въ виду возможности измельчать пищу искусственно) и тоже доставляютъ человѣку одни только страданія, да еще даютъ толчекъ къ самымъ разнообразнымъ заболѣваніямъ, до рака и менингита (воспаленія оболочекъ мозга) включительно.

Отъ зубовъ авторъ переходитъ къ желудку, слѣпой кишкѣ, червеобразному отростку и толстымъ кишкамъ вообще. Всѣ эти органы онъ считаетъ не только абсолютно бесполезнымъ, но даже вреднымъ наследіемъ, полученнымъ нами отъ обезьянъ, которыя сами наследовали ихъ отъ животныхъ травоядныхъ (хотя это и

не совсѣмъ такъ, какъ увидимъ ниже). Только послѣднимъ, поглощающимъ очень много неудобоваримой кѣлѣчатки и принужденнымъ ѣсть въ запасъ, органы эти приносятъ дѣйствительную пользу. Желудокъ у нихъ служитъ резервуаромъ, складочнымъ мѣстомъ (а у иныхъ и мельницей) для такого запаса, который потомъ постепенно переваривается въ кишкахъ, между прочимъ и въ толстыхъ, гдѣ подвергается дѣйствию микробовъ, разлагающихъ кѣлѣчатку и дѣлающихъ ее удобоваримой. Та же толстая кишка служитъ травояднымъ животнымъ и въ качествѣ резервуара для складыванія огромнаго количества пищевыхъ отбросовъ, выводить которые наружу не всегда бываетъ удобно.

Что касается человѣка, то для него, по мнѣнію автора, всѣ эти органы прямо вредны. Работа перевариванія пищи и всасыванія пищевого сока легко можетъ быть выполнена однѣми тонкими кишками; залежаніе пищи въ желудкѣ и пищевыхъ отбросовъ въ толстыхъ кишкахъ ведетъ только къ отравленію организма птомаинами, вырабатывающимися подѣ влияніемъ микробовъ, которые кишатъ въ нижнемъ концѣ кишечнаго канала; какъ этотъ конецъ, такъ, въ особенности, слѣпая кишка и ея придатокъ, являются въ то же время самыми удоборазимыми частями организма: диссентерія, раковыя опухоли, наконецъ—аппендицитъ (воспаленіе червеобразнаго отростка) и множество другихъ болѣзней зарождаются именно въ этихъ частяхъ пищеварительнаго канала. А, между тѣмъ, человѣкъ легко бы могъ жить и безъ нихъ, какъ это доказывается многочисленными случаями ихъ искусственнаго удаленія, въ цѣломъ и по частямъ (авторъ приводитъ нѣсколько такихъ случаевъ).

Указавъ на дисгармоничность въ устройствѣ органовъ пищеваренія, авторъ вскользь упоминаетъ о несовершенствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ (при чемъ ссылается на Гельмгольца и Иоганна Мюллера) и затѣмъ надолго останавливается на органахъ воспріимчивости, хотя, помимо нѣкоторыхъ, ничему не мѣшающихъ остатковъ первобытнаго гермафродитизма, находитъ въ ихъ устройствѣ только двѣ необъяснимыхъ и ненужныхъ,

повидимому, частности: дѣвственную плеву и менструаціи¹⁾.

Надо замѣтить, однако же, что, по его собственному признанію, то и другое не суть наследіе предковъ, а почему-то появилось впервые у человѣка. Чѣмъ объяснить такое появленіе, авторъ не знаетъ, но, основываясь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, думаетъ, что при болѣе раннихъ бракахъ—бракахъ между дѣтьми, какъ это практиковалось у первобытныхъ народовъ—и при болѣе частыхъ беременностяхъ, менструаціи бы не являлись, а дѣвственная плева не подвергалась бы разрыву и, пожалуй, вовсе не была бы замѣчена. При такихъ бракахъ, по его мнѣнію, и роды были бы безболѣзненны, да и протекали бы благополучнѣе²⁾.

IV.

Со всѣми этими разсужденіями проф. Мечникова никакъ нельзя, однакожъ, согласиться. Начать съ того, что мы вѣдь, собственно говоря, не имѣемъ никакого критерія для сужденія объ истинныхъ—особенно очень тонкихъ—нуждахъ организма и принуждены полагаться въ этомъ на указанія самой природы. Лабораторные и клиническіе опыты наши такъ грубы и такъ часто насъ обманывали (на моей памяти, на примѣръ, все ученіе о питаніи, основанное на такихъ опытахъ, радикально измѣнилось), что ихъ можно лишь «принимать во вниманіе», но вполне полагаться на нихъ нельзя. Съ этимъ, я думаю, и самъ проф. Мечниковъ согласится. А за отсутствіемъ дѣйствительно точнаго и дѣйствительно полнаго знанія природы человѣка, намъ остается только внимательно изучать эту природу, не отваживаясь на черезчуръ диктаторское къ ней отношеніе.

Проф. Мечниковъ самъ помнитъ, вѣроятно, къ ка-

¹⁾ Маленькая подробность: проф. Мечниковъ утверждаетъ, что отлечіе людей отъ обезьянъ лежитъ болѣе въ устройствѣ половыхъ органовъ, чѣмъ даже мозга.

²⁾ Что, однако же, вполне противорѣчитъ даннымъ современнаго акушерства.

кимъ результатамъ приводило насъ такое отношеніе, основанное на самыхъ, повидимому, рациональныхъ соображеніяхъ и самыхъ доказательныхъ опытахъ. Вѣдь было, на примѣръ, время, когда мы черный хлѣбъ считали менѣе питательнымъ, чѣмъ бѣлый, на сахаръ смотрѣли исключительно какъ на вкусовое вещество, а мясо, при томъ сырое или полусырое, считали наиболее подходящей пищей для человѣка. А какъ теперь отнесется къ такимъ взглядамъ проф. Мечниковъ? Не лучше ли пока воздержаться отъ черезчуръ категорическихъ заключеній? Если природа даже и представляетъ собою простую, неосмысленную машину (хотя можетъ ли быть машина неосмысленной?), то все же всѣ ея части до такой степени тѣсно другъ съ другомъ связаны причинною связью, что отрицать ихъ необходимость, по произволу плохо-освѣдомленнаго разума, едва ли основательно. Есть у насъ толстая кишка—значитъ, она намъ нужна, хотя, можетъ быть, только пока еще нужна. Если люди живутъ и безъ нея, то вѣдь мало ли безъ чего они способны жить: живутъ и безъ рукъ, и безъ ногъ, и безъ одного легкаго, и безъ одной почки, даже безъ яичниковъ, и безъ матки, и безъ одного полушарія мозга. Вообще мало ли къ чему можетъ приспособиться живой организмъ, но едва ли можно считать бесполезными всѣ тѣ органы, къ отсутствію которыхъ онъ приспосабливается. Опять повторю, мнѣ кажется, что мы слишкомъ еще мало знаемъ условія жизни и работы человеческого организма для того, чтобы относиться къ его устройству такъ категорически—отрицательно. Надо помнить, что мы вѣдь очень еще недавно считали бесполезными и железы, не имѣющія протоковъ, да не только грудную (Thymus), а даже селезенку.

Недаромъ величайшій, пожалуй, изъ біологовъ XIX столѣтія — проф. Гельмгольцъ полагалъ, что понятіе цѣлесообразности въ устройствѣ организмовъ было бы даже не по силамъ человеческому разуму, что мы даже преднамѣренно не могли бы устроить ничего столь совершеннаго во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Въ частности, авторъ считаетъ, на примѣръ, бесполезнымъ для человѣка наследствомъ волосы и пушкы.

Но увѣренъ ли онъ, что то и другое можетъ служить лишь покровомъ отъ холода, а не составляетъ, кромѣ того, въ нѣкоторомъ родѣ твердаго экскрета, съ которымъ, какъ съ мочею и потомъ, выводятся изъ организма ненужныя ему вещества—мышьякъ, на примѣръ, какъ на это существуютъ уже нѣкоторыя указанія? Наконецъ, если волосы суть только наследіе предковъ, то почему женщины и негры въ значительной мѣрѣ лишены этого наследія, а нѣкоторыя исключительныя семьи (и вовсе не изъ особенно близко къ обезьянамъ стоящихъ) черезчуръ обильно имъ снабжены?

Что касается зубовъ, то если они когда-нибудь и станутъ ненужными для жеванія (теперь, однакожь, всякій потерявшій ихъ спѣшитъ вставить), то всегда будутъ необходимы для правильнаго произношенія словъ и для благообразія лица человѣческаго, гармоничностью котораго проф. Мечниковъ самъ восхищается.

Точно также и съ пищеварительнымъ каналомъ. Поручится ли проф. Мечниковъ, что желудокъ дѣйствительно не нуженъ для перевариванія бѣлковыхъ веществъ, что тонкія кишки вполне его замѣняютъ и что въ толстыхъ кишкахъ не заканчивается всасываніе пищевого сока, а можетъ быть и самый химизмъ пищеваренія? Да если бы онъ въ этомъ и поручился, то все-таки за желудкомъ и толстыми кишками остается роль резервуаровъ, безъ которыхъ человѣку такъ же трудно обойтись, какъ и любому животному, не имѣющему возможности безпрестанно принимать пищу и безпрестанно выводить изъ себя ея отбросы, какъ это дѣлаютъ птицы и пресмыкающіяся. Наконецъ, если не нужны толстыя кишки и желудокъ, то тѣмъ въ большей степени ненужными окажутся мочевоі пузырь, желчный пузырь, лоханка почекъ и проч.

Вообще необходимость всѣхъ этихъ органовъ, по моему, прямо-таки очевидна. Но вотъ по отношенію къ слѣпой кишкѣ и ея придатку этого дѣйствительно сказать нельзя. Съ перваго взгляда они дѣйствительно кажутся лишними, при чемъ появленіе первой у человѣка можно еще объяснить давленіемъ застаивающихся въ ней экскрементовъ, принужденныхъ съ этого мѣста подниматься кверху и всей своей тяжестью давящихъ

на дно, такъ сказать, восходящей части ободочной кишки, а появленіе червеобразнаго отростка, даже у тѣхъ животныхъ, которымъ, по мнѣнію проф. Мечникова, онъ нуженъ, ничѣмъ объяснить нельзя. Червеобразный отростокъ—пока еще тайна, и тайна какимъ-то образомъ связанная именно съ человѣкообразной организаціей, потому что онъ есть только у человѣка и высшихъ антропоморфныхъ обезьянъ—у низшихъ видовъ этого семейства его совсѣмъ нѣтъ, а у травоядныхъ есть нѣчто, хотя и болѣе развитое, но мало на него похожее (если судить по словамъ проф. Мечникова). Онъ, значитъ, не по наслѣдству намъ достался, а въ насъ, исключительно для нашихъ надобностей, развился. Мы не знаемъ, каковы эти надобности, но это еще не причина отрицать ихъ существованіе.

Что касается постоянныхъ указаній проф. Мечникова на то, что всѣ инкриминируемые имъ органы служатъ наиболѣе удобными мѣстами въ нашемъ тѣлѣ, то едвали и съ этимъ можно согласиться. Раковые опухоли, на примѣръ, особенно часто развиваются у женщинъ на грудяхъ и внутреннихъ половыхъ органахъ, которыхъ ужъ никакъ нельзя назвать ненужными или отживающими. Равнымъ образомъ ракъ часто развивается въ печени, пищеводѣ, почкахъ, да и въ тонкихъ кишкахъ. Эти послѣднія, между прочимъ, служатъ мѣстомъ развитія холеры и брюшнаго тифа—болѣзней, которыя по частотѣ и губительности не уступятъ не только аппендициту, но и диссентеріи. Наконецъ, указывая на мѣпочки волосъ, какъ на ворота для микробовъ, авторъ забываетъ, повидимому, о сальныхъ и потовыхъ железахъ, о носѣ, съ окружающими его пещерами и пазухами, а также о легкихъ, представляющихъ собою уже не ворота, а цѣлый открытый дворъ.

Вообще указанія автора на дисгармоничность устройства тѣла человѣческаго крайне натянуты и едва ли могутъ быть признаны сколько-нибудь основательными, да и не представляютъ особаго интереса съ философской точки зрѣнія. Гораздо интереснѣе его указанія на дисгармоничность инстинктовъ человѣка съ его действительными потребностями и обстановкой—дисгар-

моничность, зависящую будто бы отъ того, что одни изъ этихъ инстинктовъ (низшіе, матеріальные) унаслѣдованы отъ обезьяны и не подходятъ къ условіямъ человѣческой жизни, а другіе (вышіе, психическіе)—слишкомъ новы, не успѣли окрѣпнуть и развиваться надлежащимъ образомъ.

V.

Психическимъ инстинктамъ—семейному, общественному и жизненному—авторъ посвящаетъ особыя главы, а относительно матеріальныхъ ограничивается замѣчаниями, сопровождающими обзоръ каждой отдѣльно системы органовъ.

Говоря, на примѣръ, о пищеварительномъ аппаратѣ человѣка, авторъ указываетъ на ошибки послѣдняго при инстинктивномъ выборѣ пищи, на то, что онъ не узнаетъ примѣси къ ней нѣкоторыхъ ядовъ—спорыньи въ хлѣбѣ, рыбаго яда и проч.; что онъ самъ сознательно отравляется алкоголемъ, эфиромъ, опиумъ, морфіемъ и проч.; что дѣти его тащутъ себѣ въ ротъ все, что найдутъ, и часто, будто бы, гибнутъ отъ этого; вообще, что инстинктъ, будто бы, слишкомъ плохо руководитъ человѣкомъ при выборѣ пищи, тогда какъ животнымъ, и въ особенности обезьянамъ, онъ служитъ гораздо вѣрнѣе.

Не говоря уже о неслѣдовательности, заключающейся въ этихъ упрекахъ инстинкту (разъ онъ полученъ въ наслѣдство отъ предковъ), автору, какъ русскому человѣку, слѣдовало бы, мнѣ кажется, вспомнить, что на его родинѣ крысъ весьма удачно травятъ фосфорнымъ тѣстомъ, волковъ—стрихниномъ, а вполнѣ гармоничныхъ таракановъ—мышьякомъ; что куры, гуси, утки, также какъ и дѣти, весьма часто объѣдаются ягодами изъ-подъ наливки (безъ особаго вреда впрочемъ); что лошадь, медвѣдь, свинья и пчела почти также склонны упиваться алкоголемъ, какъ человѣкъ, и не вслѣдствіе ошибки, а по прямому стремленію природы; что щенки и даже взрослыя собаки, подобно ребенку, все тащатъ себѣ въ ротъ—бумагу, сургучъ и проч.,—хотя и они,

совершенно также какъ ребенокъ, отнюдь ничѣмъ этимъ не питаются, а попробуютъ да и выплюнуть ¹⁾).

Вообще, инстинктъ выбора пищи, у человѣка, какъ и у животныхъ, не есть что-либо вполне совершенное и нуждается иногда въ помощи опыта, но однако же, раньше появленія точной науки, то-есть въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, и даже раньше накопленія опыта, не только послѣднимъ, но даже и первому не на что больше было положиться, а полагаясь на инстинктъ, человѣкъ не погибъ, размножился и жилъ, пожалуй, здоровѣе теперяшняго, съ чѣмъ и самъ авторъ въ концѣ своей книги соглашается. Не смотря на свое несовершенство, инстинктъ, стало быть, и человѣку служить прекраснымъ руководителемъ, даже лучшимъ, чѣмъ для другихъ животныхъ, такъ какъ научилъ его не только выбирать себѣ пищу, а и варить и готовить ее. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ, какъ кажется, превзошелъ и самую науку, которая, какъ выше сказано, одно время учила насъ ѣсть сырую говядину, да и вообще склонна къ преждевременнымъ выводамъ изъ очень несовершенныхъ данныхъ. Со временемъ она окажется, можетъ быть, лучшимъ руководителемъ, чѣмъ инстинктъ, но это случится лишь тогда, когда мы будемъ въ состояніи сказать, что до малѣйшихъ подробностей изучили работу человѣческаго организма, и что ничего непонятнаго въ немъ для насъ не осталось.

Говоря о дисгармоничности полового инстинкта, авторъ упоминаетъ о преждевременномъ появленіи, частыхъ извращеніяхъ и слишкомъ позднемъ иногда исчезновеніи его. Но жизнь человѣческая настолько теперь усложнилась, она руководится такимъ множествомъ внѣшнихъ условій, случайностей, болѣе или менѣе основательныхъ соображеній, что роль инстинкта въ этой кашѣ мотивовъ иногда даже открыть трудно. Развѣ инстинктомъ руководствовались римляне временъ упадка, объѣдаясь до того, что ихъ рвало? Вѣдь пища имѣ-

¹⁾ Будучи земскимъ врачомъ, я даже удивлялся, какъ рѣдко деревенскія дѣти, остающіяся безъ всякаго надзора, объѣдаются чѣмъ-нибудь неподходящимъ. За все двѣнадцать лѣтъ моей земской службы въ разныхъ губерніяхъ я не видалъ ни одного такого случая.

вѣроятно, въ горло уже не шла, а они все-таки ѣли. Развѣ инстинктомъ руководятся развратники всякаго рода, возбуждая въ себѣ похоть? Какой ужъ тутъ инстинктъ! Тутъ скорѣе насильственное противодѣйствіе инстинкту или искусственное его разжиганіе во имя болѣзненной погони за наслажденіями, порожденной неправильною, въ большей части случаевъ праздною жизнью. Инстинктъ противится, обыкновенно, всякаго рода излишествами, но человѣкъ заглушаетъ или разжигаетъ его, смотря по надобности, искусственными средствами, къ числу которыхъ принадлежатъ, между прочимъ, даже идеи, основанныя на невѣрномъ пониманіи смысла жизни, какъ это яснѣе будетъ видно въ приложеніи къ инстинктамъ болѣе отвлеченнаго характера, къ которымъ я теперь и перехожу.

VI.

Семейный инстинктъ проявляется въ отношеніяхъ индивидуума къ совершенно бесполезнымъ для него и даже обременительнымъ маленькимъ дѣтямъ и старикамъ, а говоря болѣе отвлеченно—къ прошлымъ и будущимъ поколѣніямъ своего рода. Будучи весьма узокъ и слабо развитъ въ царствѣ животныхъ, онъ впервые появляется во всемъ своемъ объемѣ у человѣка, выражаясь въ безотчетномъ стремленіи заботиться не только о собственныхъ дѣтяхъ, но и о внукахъ, маленькихъ и взрослыхъ, и о самомъ отдаленномъ потомствѣ, а также въ безотчетномъ уваженіи не только къ живымъ еще старикамъ, но и къ самымъ отдаленнымъ предкамъ. Дисгармоничность его проф. Мечниковъ видитъ въ дѣтоубійствѣ и отцеубійствѣ, открыто совершаемыхъ нѣкоторыми дикими народами; въ такихъ же дѣяніяхъ, тайно продѣлываемыхъ народами цивилизованными; наконецъ—въ искусственномъ прекращеніи беременности и таковомъ же ей воспрепятствованіи, недавно вошедшемъ въ моду именно среди послѣднихъ. Всему этому онъ представляетъ примѣры.

Но въ чемъ же тутъ, собственно, проявляется дисгармоничность? Въ томъ ли, что инстинктъ не со-

отвѣтствуетъ потребностямъ индивидуума, или въ томъ, что онъ несомѣстимъ съ условіями, окружающими послѣдняго? Что, собственно, хотѣлъ сказать авторъ своими примѣрами—стѣсняетъ человѣка семейный инстинктъ и не нуженъ ему какъ какая-нибудь прямая кишка или, напротивъ того, слишкомъ слабо развитъ, какъ инстинктъ выбора пищи?

Судя по тому, что проф. Мечниковъ совершенно справедливо относитъ этотъ инстинктъ къ числу новыхъ, явившихся впервые у человѣка, надо думать, что онъ считаетъ его слишкомъ еще слабо развитымъ. Но въ такомъ случаѣ упрекъ въ дисгармоничности самъ собою отпадаетъ, такъ какъ чѣмъ меньше развиты самобытныя потребности организма, тѣмъ въ большей гармоніи онъ окажется съ окружающими условіями, потому что насиловать ихъ не будетъ. Тяжело возиться съ ребенкомъ или старикомъ, ну и въ воду ихъ! Просто и гармонично.

Вообще, эти понятія—гармонія, дисгармонія—только путаютъ, по моему, изложеніе автора. Никакой инстинктъ не можетъ быть дисгармониченъ съ потребностями данной натуры, потому что онъ есть безотчетное выраженіе этихъ самыхъ потребностей. А съ обстановкой онъ всегда будетъ и долженъ быть дисгармоничнымъ, такъ какъ она или инертна или прямо ему враждебна: никто и ничто не станетъ даромъ служить чужимъ потребностямъ и для удовлетворенія ихъ, всегда и всякому придется прибѣгать къ борьбѣ, то есть къ открытому нарушенію гармоніи.

Если же мы отбросимъ эти неподходящія къ дѣлу понятія автора и взглянемъ на семейный инстинктъ съ точки зрѣнія его совершенства и несовершенства въ качествѣ проявленія одной изъ сторонъ жизненной энергіи, то, конечно, найдемъ его не вполне совершеннымъ, какъ и все на свѣтѣ, впрочемъ¹⁾. Дѣтоубійство и отцеубійство, совершаемыя какъ дикими, такъ и цивилизованными народами,—въ особенности послѣдними,

¹⁾ Хотя такой выводъ можетъ зависеть отъ несовершенства той мѣрки, съ которою мы приступаемъ ко всякимъ вообще явленіямъ.

—конечно, указываютъ на сравнительную слабость семейнаго инстинкта, но не слѣдуетъ забывать, что слабость эта во всякомъ случаѣ только сравнительная. Если бы человѣкомъ руководилъ одинъ лишь семейный инстинктъ, то тогда можно бы было говорить о его силѣ у разныхъ народовъ и индивидуумовъ, но въ инстинктовъ у каждого много, и всѣ они равноправны и всѣ они постоянно борются между собою. А помимо инстинктовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, у человѣка есть и еще двигатели, не менѣе сильные. У него есть, на примѣръ: *разумъ*, то есть способность различать предметы, и явленія, опредѣлять ихъ, сравнивать другъ съ другомъ, замѣчать связь между ними, вообще познавать истину; *совѣсть*, то-есть способность классифицировать свои инстинкты, сообразуя ихъ съ закономъ нравственнымъ или высшими безотчетными стремленіями, кажется, одному только человѣку свойственными, вообще—способность познавать добро; *эстетическій вкусъ*, то-есть способность познавать красоту; наконецъ—*воображеніе*, то-есть способность представлять себѣ несуществующую нравственную или матеріальную обстановку и стремиться къ ея осуществленію. Поступки человѣка всегда обусловливаются взаимодействіемъ между этими двигателями—коллизіей между ними — причемъ побѣда* всегда остается за болѣе сильными въ данную минуту коалиціями или союзами ихъ.

Семейный инстинктъ, на примѣръ (или какой-нибудь другой), будучи поддержанъ разумомъ, совѣстью и вкусомъ, несомнѣнно проявится сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда будетъ лишенъ такой поддержки (какъ у животныхъ). Если же разумъ, да еще въ союзѣ съ инстинктами чисто матеріальными, категорически возстанетъ противъ него, то можетъ и заглушить его окончательно, хотя, разумѣется, лишь на время, такъ какъ инстинкты неистребимы и измѣняются только по мѣрѣ измѣненія самой натуры, проявленіемъ которой служатъ.

Если дѣтоубійство и отцеубійство открыто совершались и совершаются у народовъ первобытныхъ и дикихъ, такъ на то эти народы и дикіе, то-есть руководимые

преимущественно инстинктами материальными, обостряемыми тяжелой обстановкой. Въ этой послѣдней могутъ заключаться условія, всецѣло заглушающія большинство инстинктовъ высшаго порядка. Дикарь-кочевникъ физически не можетъ таскать за собою, при своихъ переходахъ, больныхъ, дѣтей, и стариковъ. Онъ поневолѣ, иногда, принужденъ бросать ихъ на произволъ судьбы. Но это вовсе не значитъ, чтобы онъ былъ лишенъ семейнаго инстинкта, напротивъ—кто знаетъ, какихъ трудовъ и лишеній стоитъ ему поддержаніе семьи. Если бы такіе труды выпали на нашу долю, то мы, можетъ быть, давно бы уже передумали не только нашихъ отцовъ и дѣтей, но даже и другъ друга.

Что касается народовъ цивилизованныхъ, съ бытомъ которыхъ мы болѣе знакомы, то они-то очевидно заглушаютъ свой прирожденный семейный инстинктъ во имя различныхъ болѣе или менѣе важныхъ житейскихъ причинъ, а иногда и ошибочныхъ идей, или, просто стремленія безвозбранно наслаждаться (когда такое стремленіе поддерживается сбитымъ съ толку разумомъ).

Развѣ мать, бросающая своего ребенка въ прудъ, или сынъ, покидающій старика отца на произволъ судьбы изъ-за какихъ-нибудь *forces majeures*, не жалуютъ ихъ во время самаго совершенія этихъ дѣяній? Развѣ супруги, принимающіе мѣры противъ беременности, изъ-за тѣхъ же причинъ, не чувствуютъ въ глубинѣ души, что поступаютъ дурно (отдѣльныя, исключительныя личности—не въ счетъ)? Вотъ эта-то жалость, это чувство неловкости и есть голосъ инстинкта, заглушаемый житейской нуждою, а иногда даже якобы разумомъ. Я бы и хотѣлъ, можетъ быть, имѣть дѣтей и люблю моего старика-отца, но что же мнѣ дѣлать, когда меня, съ одной стороны—преслѣдуетъ нужда или обуреваютъ страсть къ наслажденіямъ, а, съ другой стороны—точная наука, устами такихъ своихъ представителей, какъ Мальтусъ, Поль Бэръ, а, пожалуй, и самъ проф. Мечниковъ (какъ увидимъ ниже) нашептываетъ мнѣ, что цѣль жизни есть счастье (ощущеніе личнаго благосостоянія тожъ), что многочадіе гибельно для рода человѣческаго и даже безнравствен-

но, или что «старикъ заслуживаетъ всяческихъ заботъ и уваженія, но *продленіемъ его жизни общество не должно болѣе интересоваться*». Даже «не должно болѣе» (*ne doit plus*) видите ли.

Хорошо если у меня есть силы для того, чтобы бороться съ нуждою, совѣсть—достаточно могучая, чтобы бороться со страстью, и разумъ, достаточно развитой, чтобы отвѣтить точной наукой такъ, какъ она того заслуживаетъ въ данномъ случаѣ, а если ничего этого нѣтъ, то я «скрѣпя сердце» (это ужъ почти всегда!) пойду туда, куда меня толкаетъ нужда, страсти и наука. Мало лично мы дѣлаемъ «скрѣпя сердце», но именно въ необходимости «скрѣплять» его и лежитъ доказательство того, что инстинктъ живъ. Онъ тутъ, но не встрѣчаетъ ни откуда поддержки и потому оказывается слишкомъ слабымъ, чтобы дѣйствовать на волю.

VII.

Покончивъ съ семейнымъ инстинктомъ, авторъ переходитъ къ общественному. Общественный инстинктъ, по справедливому мнѣнію проф. Мечникова, проявляется во врожденной симпатіи людей другъ къ другу и въ стремленіи ихъ жить обществами. Проф. Мечниковъ думаетъ, что при правильномъ и высокомъ развитіи этой симпатіи, ея одной было бы достаточно, чтобы сдѣлать людей счастливыми и послужить основой естественной этики, не нуждающейся ни въ какихъ мистическихъ санкціяхъ. Нѣкоторыя философскія системы дѣйствительно и основываютъ нравственность на общественномъ инстинктѣ; авторъ приводитъ въ примѣръ мнѣнія *Buechner'a*, *Haeckel'я* и *Sutherland'a* хотя могъ бы сослаться на всѣхъ вообще позитивистовъ.

Но «инстинктъ, побуждающій человѣка къ общенію, слишкомъ еще новъ въ человѣчествѣ», по словамъ проф. Мечникова, такъ какъ у животныхъ млекопитающихъ, не исключая антропоморфныхъ обезьянъ, онъ развитъ очень слабо и, слѣдовательно, не могъ быть полученъ человѣкомъ по наслѣдству. И вотъ, благодаря своей сравнительной новизнѣ, онъ часто является дисгармоничнымъ—люди симпатизируютъ другъ другу не въ

тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ бы слѣдовало, и обращаютъ свои симпатіи не туда, куда слѣдуетъ. Такъ, съ одной стороны, для слиянія человѣчества въ одно нераздѣльное цѣлое, въ общину, подобную муравейнику (что было бы идеальнымъ проявленіемъ общественнаго инстинкта), у большинства не хватаетъ симпатіи, а съ другой—«общественный инстинктъ закоренѣлаго убійцы можетъ быть вполне удовлетворенъ привязанностью его къ сообщникамъ, такимъ же убійцамъ».

«Теоретики, — говоритъ авторъ, — часто настаиваютъ на солидарности всего рода человѣческаго, вѣруя въ возможность относиться съ одинаковой симпатіей къ расамъ, наиболѣе удаленнымъ отъ типа цивилизованнаго человѣка. Но въ странахъ, населенныхъ различными расами, эта теоретическая концепція, сталкивается съ практическими препятствіями. Такъ, въ Америкѣ и многихъ другихъ странахъ существуютъ законы, стѣсняющіе китайцевъ и отказывающіе имъ въ симпатіи, распространяемой на другія народности. Равнымъ образомъ вопросъ о неграхъ очень усложнился» — ужь подлинно усложнился! — «въ тѣхъ странахъ, гдѣ послѣдніе живутъ среди бѣлыхъ».

Однимъ словомъ, въ теоріи, цивилизованныя націи въ высшей степени гуманно относятся къ нецивилизованнымъ, а на практикѣ смотрятъ на нихъ какъ на собакъ. Теперь даже и среди теоретиковъ стали встрѣчаться люди болѣе откровенные. *Sutherland*, на примѣръ, авторъ новѣйшаго (1902 г.) трактата о происхожденіи и развитіи нравственнаго инстинкта, прямо говоритъ, что бѣлая раса обязана захватывать территории расъ цвѣтныхъ и что «нравственное поведение состоитъ въ рациональномъ компромиссѣ между инстинктами индивидуальнымъ и общественнымъ», то-есть, другими словами, въ *разсчетѣ*, при которомъ общественный инстинктъ является обязательнымъ во имя индивидуальнаго—*люби ближнихъ, для того, чтобы тебѣ было хорошо*.

Такъ вотъ, значитъ, до какой степени не надеженъ общественный инстинктъ въ качествѣ основы нравственности! Съ одной стороны—убійцы, будучи вѣрны своимъ сообщникамъ, ненавидятъ весь остальной міръ,

а съ другой—цивилизованные и добропорядочные люди, усиливаясь любить этотъ міръ, додумываются только до подчеркнутаго мною правила (въ которомъ, конечно, никакой симпатіи ни къ кому не заключается) и хотятъ основать на немъ всю этику.

Что же изъ этого слѣдуетъ? По мнѣнію проф. Мечникова, изъ этого слѣдуетъ, что общественный инстинктъ, будучи еще слишкомъ новымъ и слишкомъ мало развитымъ для того, чтобы служить руководителемъ поведенія, самъ нуждается въ руководствѣ со стороны науки. Послѣдняя должна указать ему цѣли и обязать его стремиться къ нимъ.

«Недостаточно, стало быть, — говоритъ авторъ, — обладать общественнымъ инстинктомъ, свойственнымъ всякому индивидууму. Нужно еще опредѣлить—по отношенію къ кому изъ нашихъ ближнихъ инстинктъ этотъ *долженъ* проявляться. А вотъ тутъ-то и начинается затрудненіе, которое не могло быть устранено ни рационалистическими теоріями, ни религіозными ученіями. Слѣдуетъ ли распространять нашу симпатію только на родственниковъ, близкихъ и дальнихъ, или также на согражданъ, на соотечественниковъ, наконецъ,—на всѣхъ людей, бѣлыхъ и черныхъ, злыхъ и добрыхъ? Или, можетъ быть, симпатія эта должна распространяться на единовѣрцевъ по религіи? На людей, держащихся одинаковыхъ съ нами убѣжденій? *Инстинктивное чувство молчитъ на этотъ счетъ*, а между тѣмъ въ этомъ-то и состоитъ главный, подлежащій рѣшенію вопросъ».

Вотъ то-то, что инстинктивное чувство никогда не молчитъ на этотъ счетъ—каждый изъ насъ симпатизируетъ тому, къ кому *неволью* чувствуетъ симпатію, а къ кому-нибудь онъ непременно ее чувствуетъ. Но дѣло-то въ томъ, что каждый изъ насъ стремится сдѣлать свои симпатіи обязательными для всѣхъ, подчинить чужіе инстинкты своему собственному, для чего пользуется внушеніемъ, рациональными мотивами, которые у каждаго всегда найдутся, а иногда и просто насиліемъ. Благодаря этому вопросъ и рѣшался въ разные времена разнo—смотря по настроенію и нравственной,

умственной или физической силѣ лицъ, бравшихся его рѣшать отъ имени всего человѣчества.

Теперь вотъ онъ рѣшается, повидимому, во имя «раціональныхъ мотивовъ» и, согласно смыслу выше-подчеркнутого мною правила, въ пользу лицъ, связанныхъ съ нами матеріальной выгодой. А немножко раньше онъ, во имя тѣхъ же мотивовъ, рѣшался нѣсколько иначе: та же наука проповѣдывала намъ демократизмъ, социализмъ, космополитизмъ, коммунизмъ — во имя гуманности, а въ концѣ книги мы увидимъ, что авторъ, отъ имени науки, рекомендуетъ намъ новое направленіе общественнаго инстинкта — въ сторону единомышленниковъ по вѣрѣ во всемогущество послѣдней. Все вѣдь это суть ученія, опредѣляющія, въ какую сторону обязательно должны быть направлены наши симпатіи, ради чего должны быть заглушаемы наши природныя стремленія.

Имѣетъ ли право, однако же, наука, или вообще разумъ, командовать инстинктами, игнорировать ихъ, смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто ненормальное, дисгармоничное, подлежащее заглушенію во имя «раціональныхъ мотивовъ»? По моему — не имѣетъ. Онъ долженъ, напротивъ того, изучать ихъ, какъ проявленіе подлинныхъ свойствъ природы, какъ данныя для пониманія природы.

Инстинктъ есть безотчетная воля организма, какъ химическое сродство есть воля неорганизованной матеріи. Никому не придетъ въ голову осуждать металлъ калий и считать его дисгармоничнымъ за то, что онъ жадно соединяется съ кислородомъ и не хочетъ соединяться съ азотомъ. Точно такъ же нельзя считать дисгармоничной и любовь убійцы къ своимъ сообщникамъ, при ненависти ко всему остальному міру. Это только фактъ, который надо отмѣтить и съ которымъ надо считаться. У природы есть на все свои причины, и не ея вина, что мы этихъ причинъ не знаемъ.

Сознательная воля человѣка есть, однако же, одинъ изъ факторовъ этой природы, и факторъ очень могущественный — одна изъ міровыхъ энергій, хотя и проявляющаяся, повидимому, только въ обстановкѣ земли.

Цѣлесообразное вмѣшательство этой энергій въ зем-

ныя дѣла не только неизбежно, но даже обязательно для нея. Въ этомъ, можетъ быть, и состоитъ весь смыслъ человѣческаго существованія. Не приспособляться только къ природѣ долженъ человѣкъ, а приспособлять ее къ своимъ потребностямъ. Потребности же эти указываются ему инстинктами, то-есть безотчетными стремленіями, въ число которыхъ, входитъ не одно только стремленіе къ матеріальному благополучію, но и къ добру, красотѣ, справедливости.

Роль воли человѣка, какъ міровой энергій, состоитъ въ томъ, чтобы осуществлять эти стремленія, борясь за нихъ не только съ окружающей природою, но и съ своей собственной, поскольку послѣдняя оказывается инертною или недостаточно приспособленною къ активности. Въ этомъ залогъ прогресса, то-есть сознательной эволюціи. Роль разума при такой эволюціи состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ цѣли безотчетныхъ стремленій (отнюдь ихъ не насилуя) и помогать волѣ, изобрѣтая средства для веденія борьбы, указывая наиболее удобные пути, выясняя свойство враговъ, съ которыми приходится имѣть дѣло.

А такъ какъ въ числѣ этихъ враговъ можетъ оказаться и собственная натура, даже сами инстинкты, если они, при всей своей настоятельности, будутъ слѣпы, неосмыслены, черезчуръ распушены (какъ у животныхъ), то разумъ можетъ судить даже ихъ, только судъ этотъ, чтобы быть справедливымъ, долженъ основываться на подробномъ и внимательномъ изученіи дѣла, на завѣдомо точномъ и полномъ подборѣ данныхъ, да и приговоръ его ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть, для воли, значенія декретивнаго, а только консультативное.

Будучи органомъ совѣшательнымъ — государственнымъ совѣтомъ души, разумъ долженъ лишь преподносить свой приговоръ на благоумотрѣніе комитета властей законодательныхъ, то-есть совокупности безотчетныхъ стремленій, отъ которыхъ зависитъ приведеніе приговора въ исполненіе. Правда, что въ большей части случаевъ власти эти, хотя и «скрѣпя сердце», слушаются разума, такъ какъ привыкли довѣрять ему безгранично; правда, что онъ въ большей части случа-

евъ и заслуживаетъ такого довѣрія; но правда также и то, что онъ, во-первыхъ, тоже способенъ ошибаться, а во-вторыхъ, избалованный довѣріемъ, онъ по временамъ становится очень заносчивъ—ставить свои приговоры слишкомъ категорично и не всегда основательно.

Особенно заносчивъ онъ сталъ съ тѣхъ поръ какъ въ Парижѣ—сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ—на мѣстѣ алтарей Объекту вѣковѣчнаго религіознаго инстинкта, разрушенныхъ по его же наущенію, былъ воздвигнутъ алтарь ему самому. Признавъ самое существованіе религіознаго инстинкта незаконнымъ (оскорбленіе величества, даже болѣе того,—царевѣнство), обвинивъ его передъ законодательной коллегіей безотчетныхъ стремленій въ различныхъ заблужденіяхъ и интригахъ противъ матеріальнаго благосостоянія человѣчества (въ чемъ былъ отчасти правъ), разумъ успѣлъ добиться отъ этой коллегіи (въ которой матеріальные инстинкты составляютъ крупную партію) смертнаго приговора своему противнику. Послѣдній признанъ былъ несуществующимъ, и хотя живъ до сихъ поръ, но въ придворныхъ, такъ сказать, сферахъ интеллекта считается мертвымъ.

Справившись съ однимъ инстинктомъ (пожалуй, самымъ сильнымъ), разумъ сталъ командовать не только остальными его товарищами, но и другими, природой данными способностями человѣка—совѣстью, эстетическимъ вкусомъ и проч., уже не испрашивая ни чьей санкции. Подъ угрозой смерти отъ руки палача, онъ предписалъ людямъ любить другъ друга по-братски, считать всѣхъ равными и цѣнить выше всего политическую свободу. Подъ угрозой осмѣянія, предписалъ считать истиной не то, что очевидно, а то, что логически доказано; добромъ—не то, что смягчаетъ и возвышаетъ душу, а то, что полезно и выгодно; красотою—не то, что нравится, а то, что соответствуетъ отвлеченному понятію о прекрасномъ. Затѣмъ, опредѣливъ научнымъ путемъ, что слѣдуетъ отвлеченному человѣку ѣсть и пить, сколько времени работать и спать, какъ относиться къ семьѣ, обществу, націи, государству и роду человѣческому, что любить и что не-

навидѣть, вообще—регламентировавъ всю жизнь согласно своему теоретическому ея пониманію, онъ предался разработкѣ науки.

И надо отдать ему справедливость—въ этомъ послѣднемъ отношеніи, то-есть работая въ районѣ своей естественной компетенціи, разумъ достигъ результатовъ изумительныхъ, о которыхъ и распространяться не стоитъ, потому что они у всѣхъ на глазахъ.

Но попытка его замѣнить собою инстинкты, совѣсть и вкусъ кончилась тѣмъ, что мы теперь чуть не каждая десятая лѣтъ мѣняемъ направленіе своей этики и эстетики; что сбитое съ толку «человѣчество испытываетъ нѣчто въ родѣ общаго недомоганія»; что человѣкъ, «хотя и поставленный въ условія, больше чѣмъ прежде благопріятныя для дѣятельности, не можетъ ориентироваться при выборѣ направленія этой дѣятельности»... почему «становится пессимистомъ или мистикомъ, отрицаетъ возможность счастья и стремится насильственно прекратить свое существованіе».

Стараясь искоренить суевѣрія, разумъ лишилъ человѣка вѣры; стараясь обуздать инстинкты, дѣйствительно совсѣмъ было переставшіе съ нимъ совѣтоваться, онъ убилъ въ человѣкѣ всякое непосредственное желаніе; стараясь подчинить жизнь логикѣ, онъ превратилъ ее въ скучную канцелярскую службу.

Такъ и должно было случиться, конечно. Руководствуясь одними разнузданными инстинктами, человѣкъ превращается въ полное жизни, но дикое животное, а руководствуясь одной лишь логикой—въ благонаправнаго манекена. Это Сцилла и Харибда, между которыми приходится проходить какъ каждому изъ насъ въ отдѣльности, такъ и цѣлымъ обществамъ, всему роду человѣческому; а такъ какъ держаться середины ни въ какомъ дѣлѣ почти невозможно, то и каждый изъ насъ и весь родъ человѣческой поперемѣнно попадаетъ то въ одну крайность, то въ другую.

Теперь мы, то-есть цивилизованные европейцы, сидимъ въ Харибдѣ—стараясь жить одной логикой, поэтому-то точная наука, устами проф. Мечникова (между прочимъ, конечно) и стремится предписывать законы общественному инстинкту. По его словамъ, для того,

чтобы дать этому инстинкту незыблемую опору, слѣдуетъ точно опредѣлить его цѣль тѣми же способами, какими наука теперь опредѣляетъ цѣли инстинктовъ полового, семейнаго и при выборѣ пищи.

Такой цѣлью можетъ быть только счастье большинства людей, рѣшаетъ авторъ, основываясь на томъ, что общественный инстинктъ есть инстинктъ альтруистическій. Но, постановивъ такое рѣшеніе, проф. Мечниковъ сразу наталкивается на вопросъ: что такое счастье? «Есть ли это ощущеніе благосостоянія, испытываемое самимъ индивидуумомъ, или мнѣніе другихъ людей о пріятности его ощущеній? Анализируя такой вопросъ, авторъ, конечно, сейчасъ же отбрасываетъ послѣднее предположеніе (а вмѣстѣ съ нимъ, мнѣ кажется, и всякую возможность рѣшить вопросъ объективно); что же касается перваго, то ему онъ противопоставляетъ тотъ фактъ, что ощущеніе наивысшаго благосостоянія является иногда симптомомъ прогрессивнаго паралича. «А такъ какъ прогрессивный параличъ, — прибавляетъ проф. Мечниковъ, — есть слѣдствіе сифилиса, то, стало быть, намъ пришлось бы содѣйствовать распространенію этой болѣзни, чтобы доставить большинству людей ощущеніе величайшаго счастья».

Не успѣвъ, такимъ образомъ, ни объективно, ни субъективно опредѣлить, что такое счастье большинства людей—единственная, по его мнѣнію, возможная цѣль общественнаго инстинкта—авторъ рекомендуетъ обратиться къ научнымъ методамъ опредѣленія. Какъ эти методы, мы увидимъ въ концѣ книги.

Не забѣгая впередъ, я долженъ признаться, что и вышеприведенныя разсужденія автора не кажутся мнѣ особенно убѣдительными. Я, во-первыхъ, думаю, что хотя общественный инстинктъ и очень еще новъ въ человѣческомъ родѣ, но наука новѣе его—она-то ужъ, конечно, слишкомъ еще молода для того, чтобы предписывать законы безотчетнымъ стремленіямъ природы, такъ что этика никоимъ образомъ не можетъ быть на ней основана. Во-вторыхъ, я не вижу почему единственной возможной цѣлью общественнаго инстинкта можетъ быть только счастье большинства людей, когда самъ же авторъ нѣсколькими строками рапѣе говоритъ,

что «слишкомъ распространенная (*poissée trop loin*) симпатія можетъ быть вредной», и что «общественный инстинктъ часто долженъ быть сдерживаемъ именно въ интересахъ группы людей, соединившихся для общей цѣли». Разъ этотъ инстинктъ основанъ не на разумѣ (какъ и всѣ инстинкты), а на искреннемъ чувствѣ, на симпатіи, то мнѣ именно кажется, что онъ не можетъ быть распространенъ на большинство, такъ какъ искренно симпатизировать большинству невозможно.

Во-третьихъ, о какомъ большинствѣ идетъ рѣчь—о большинствѣ людей нынѣ живущихъ или о будущихъ поколѣніяхъ, такъ какъ вѣдь это два дѣла разные¹⁾: заботясь исключительно о своемъ счастьи, отцы могутъ сдѣлать дѣтей несчастными, а заботясь исключительно о нихъ, могутъ сами стать таковыми.

Наконецъ, достижимо ли прочное и незыблемое счастье для большинства? Не похоже ли оно вообще на тотъ единственный цвѣтокъ нѣкоторыхъ видовъ пальмъ и кактусовъ, ради появленія котораго нѣсколько лѣтъ сряду работаетъ все растение? Не нужно ли и людямъ работать нѣсколько поколѣній сряду для того, что-бы какое-нибудь одно изъ нихъ расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ счастья? Да и что оно такое, въ самомъ дѣлѣ, это самое счастье, въ чемъ состоитъ? Можно ли теоретически составить рецептъ счастья, который удовлетворялъ бы большинство людей всѣхъ эпохъ, возрастовъ, націй и положеній въ обществѣ? Можно ли быть счастливымъ по какому-нибудь рецепту?

Вообще, дѣйствительно ли цѣль общественнаго инстинкта есть какое-либо и чье бы то ни было особое счастье? Если людей тянетъ другъ къ другу, если они соединяются въ общества, то не ради ли именно этого самого, на симпатіи основаннаго общенія, которое, однако жъ, вовсе не есть особое счастье, а только одно изъ необходимыхъ условій существованія человѣка, какъ ѣда, напимѣръ, или сонъ.

Развѣ не слачиваются люди во имя общаго горя? Есть вѣдь дѣла—и они-то сильнѣе всего слачиваются

¹⁾ Обстоятельство, постоянно упускаемое изъ виду при всѣхъ расчетахъ на большинство.

людей другъ съ другомъ—при совершеніи которыхъ о какомъ бы то ни было и чѣмъ бы то ни было счастья, въ смыслѣ пріятнаго самочувствія, нѣтъ и помина.. Таковы, напримѣръ, всѣ подвиги людей во имя отвлеченнаго долга, все равно правильно или неправильно понимаемаго. Развѣ во имя счастья (пріятнаго ощущенія тожъ) первые христіане сплывались между собою и терпѣли гоненія за вѣру? А крестовые походы? А рыцарство, монашество? А большинство войнъ? А политическое и религіозное сектанство?

Короче, цѣлью общественнаго инстинкта—стимуломъ взаимной симпатіи между людьми—чаще служило, мнѣ кажется, общее горе, чѣмъ общее счастье. Но ужъ во всякомъ случаѣ холодное рѣшеніе разума,—наука, расчетъ—никогда такими стимулами не были и не будутъ, хотя они, конечно, могутъ помогать расширенію сферы сочувствія между людьми, расширяя кругозоръ послѣднихъ, увеличивая познанія, вводя инстинктъ въ новыя условія, среди которыхъ ему приходилось бы ориентироваться. Но самая эта ориентировка должна быть вполне свободною—наука не имѣетъ права предписывать законы инстинкту, хотя бы потому только, что не можетъ его принудить—не можетъ заставить меня любить того, кого я не люблю.

Такимъ образомъ общественный инстинктъ чловѣка едва ли можетъ быть обвиненъ въ дисгармоничности, то-есть въ несоотвѣтствіи съ потребностями природы, не только данной индивидуальной, но и всего рода чловѣческаго. Если я *хочу* ѣсть, то, значить, это мнѣ *нужно*; если я *люблю* даннаго субъекта и не люблю остальныхъ, то, значить, *этому такъ и быть слѣдуетъ*. А если я, индивидуумъ, поступаю такъ, какъ мнѣ слѣдуетъ, (по крайней мѣрѣ при внутренней и внѣшней обстановкѣ данной минуты), то значить и роду чловѣческому нужно, чтобы я (отнюдь не всѣ—каждый по-своему) такъ поступалъ, потому что поступки людей находятся въ общей связи и другъ друга обуславливаютъ.

Вотъ съ точки зрѣнія отвлеченнаго совершенства общественный инстинктъ чловѣка, пожалуй, и можетъ быть обвиненъ въ слабомъ развитіи, особенно по

сравненію съ общественнымъ инстинктомъ пчелъ и муравьевъ. Но вѣдь такое обвиненіе было бы празднымъ. Муравьи и пчелы совсѣмъ иначе устроены и живутъ при иныхъ условіяхъ. Перенимать ихъ нравы и обычаи намъ не приходится. Имъ, можетъ быть, и нужно такое исключительное развитіе общественнаго инстинкта, а чловѣкъ могъ бы развитъ его въ себѣ только цѣною превращенія своего въ пчелу или въ муравья, что едва ли было бы для него почетно и выгодно. Я, по крайней мѣрѣ, предпочитаю оставаться чловѣкомъ и цѣною общественный инстинктъ больше по его силѣ и искренности, чѣмъ по объему.

Да и вообще—скорѣе плохо освѣдомленный разумъ нашъ (вмѣстѣ съ наукой, его созданиемъ) можетъ ошибиться въ опредѣленіи потребностей рода чловѣческаго, чѣмъ ошибется инстинктъ, особенно когда дѣло идетъ о данномъ субъектѣ и данной минутѣ. Потому-то разуму почти никогда и не удается подчинить себѣ *поведеніе* толпы, хотя бы онъ и подчинилъ ея *мысль*. Сколько разъ, напримѣръ, какъ дважды-два—четыре, доказывали чловѣчеству, что люди всѣ равны между собою и что ко всѣмъ къ нимъ надо относиться одинаково. Согласно такой концепціи, равенство не разъ было торжественно устанавливаемо въ разныхъ чловѣческихъ группахъ (большой частью при помощи *укорачиванія* черезчуръ крупныхъ личностей), а въ результатъ оно не только нигдѣ не удержалось, но даже не успѣвало установиться, такъ какъ сами укорачиватели тотчасъ же распадались на крупныхъ и мелкихъ.

Вообще разумъ всегда былъ хорошимъ совѣтникомъ, но плохимъ командиромъ. «Рациональные мотивы» на чувство почти не дѣйствуютъ, а чловѣкъ руководится въ жизни именно чувствомъ. Инстинкты, поэтому, могутъ быть лишь временно заглушаемы рациональными мотивами, но растутъ они, видоизмѣняются, развиваются почти исключительно подъ вліяніемъ внушенія, то-есть такихъ же безотчетныхъ стремленій, только болѣе сильныхъ и общихъ. Въ былые годы инстинктами большинства управляли люди, которые сами обладали могучимъ чувствомъ—Будды, Моисеи, Магометы и проч. Къ «рациональнымъ мотивамъ» они

не прибѣгали. Нѣтъ никакого сомнѣнія—для меня по крайней мѣрѣ—что такъ будетъ и впредь, хотя рациональные мотивы и могутъ исподволь готовить почву для такихъ людей.

VIII

Послѣднимъ изъ инстинктовъ, обвиняемыхъ авторомъ въ дисгармоничности, является инстинктъ самосохраненія или инстинктъ жизни (*Instinct de la vie*), какъ, безразлично, называетъ его проф. Мечниковъ. Дисгармоничность этого инстинкта проявляется, будто бы, во-первыхъ, въ томъ, что несмотря на твердую увѣренность человѣка въ неизбежности смерти, стремленіе жить никогда его не покидаетъ, а, во-вторыхъ, въ томъ, что стремленіе это очевидно неудовлетворимо. Голодь, жажда, половой инстинктъ—способны не только насыщаться, а даже пресыщаться, жизненный же инстинктъ, напротивъ того, растетъ по мѣрѣ насыщенія. Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше жить хочется. Старики и больные дорожатъ жизнью больше, чѣмъ молодые и здоровые. Неизбѣжность смерти какъ кошмаръ давитъ cadaго изъ насъ и превращаетъ жизнь въ бессмысленную, безцѣльную каторгу. Все это авторъ подкрѣпляетъ цитатами изъ Сакія-Муни, Руссо, Гонкура, Байрона Л. Н. Толстого, и проч.

По-моему, однако жъ, онъ не совсѣмъ правъ. Во-первыхъ, инстинктъ самосохраненія и инстинктъ жизни—два дѣла разные, мнѣ кажется, и даже иногда другъ другу противоположныя. Первый есть простой рефлексъ, побуждающій не только человѣка, но и всякое другое животное избѣгать страданія, опасностей, даже непривычныхъ положеній, хотя бы не сопровождающихся ни страданіемъ, ни смертью (о которой, кстати, по собственнымъ словамъ автора, животныя не могутъ имѣть никакого понятія). Что же касается второго, то онъ, повидимому, свойственъ одному только человѣку и выражается въ стремленіи жить во что бы то ни стало, и при томъ жить *вѣчно*, хотя бы не теперешней земной жизнью.

Стремленіе это, у большинства людей, руководящихся преимущественно инстинктами, доходитъ до степени полной увѣренности, до твердаго убѣжденія, основаннаго не на логикѣ, а на непосредственномъ ощущеніи, до того яркомъ и сильномъ, что во имя его большинство оказывается способнымъ заглушать въ себѣ чисто животный инстинктъ самосохраненія. Не говоря уже о всякаго рода религіозныхъ и идейныхъ мученикахъ, добровольно и безстрашно идущихъ на смерть и страданія ради вѣчной жизни или категорическаго императива, имѣющаго вѣчный вселенскій смыслъ, большинство воиновъ, моряковъ, вообще лицъ, часто подвергающихся смертельной опасности, и даже мирныхъ гражданъ, медленно, но сознательно гибнущихъ во имя любви или долга, заглушаютъ въ себѣ инстинктъ самосохраненія яркимъ сознаниемъ вѣчности совершаемаго или дѣла, при чемъ все равно, какъ они понимаютъ эту вѣчность—въ формѣ ли безконечной эволюціи личности или въ формѣ вселенскаго, неумирающаго значенія этой личности.

«Милый другъ, я умираю
«Оттого, что былъ я честенъ.
«Но зато родному краю
«Вѣрно буду я известенъ».

Въ послѣдней строкѣ вѣдь несомнѣнно выражается твердая вѣра въ вѣчное значеніе совершеннаго подвига, иначе не стоило и совершать его. Если родной край мой, вмѣстѣ со всѣмъ родомъ человѣческимъ, съ землею и солнечной системой, обреченъ на скорую и *безсмысленную* гибель; если вся жизнь его есть лишь случайный эпизодъ въ исторіи безначальнаго, безцѣльнаго и безконечнаго хаоса, *которому все равно, какъ ни протечь*, то съ какой стати я буду жертвовать собою для того, чтобы онъ протекъ такъ, а не иначе?

Но Добролюбовъ былъ однимъ изъ передовыхъ рационалистовъ, считавшій истиной лишь то, что можетъ быть логически доказано, и только поэтому жизненный инстинктъ или стремленіе къ вѣчной жизни выразилось у него въ такой формѣ; а у большинства, у среднихъ людей, такъ же какъ у спиритуалистовъ разныхъ толковъ, оно выражается въ формѣ безотчетной

вѣры въ будущую жизнь личности, на тотъ или другой образецъ.

Вѣра эта инстинктивна (съ чѣмъ согласенъ и самъ авторъ), то-есть основана не на логическихъ доказательствахъ, а прямо на ощущеніи, какъ у Ивана Ильича, въ моментъ самой смерти почувствовавшего что этой послѣдней нѣтъ.

Такъ вотъ, значитъ, передъ нами два совершенно разнородныхъ инстинкта, изъ коихъ одинъ есть не что иное какъ полученный въ наслѣдство отъ предковъ нервный рефлексъ, появляющійся вслѣдъ за раздраженіемъ, которое его вызвало, и вполне удовлетворяемый достиженіемъ цѣли, а другой—благопріобрѣтенный, намъ только свойственный, постоянно пребывающій, отнюдь не рефлекторный, и дѣйствительно неудовлетворимый въ земной жизни, сколько бы она ни продолжалась.

Который же изъ нихъ дисгармониченъ и почему именно?

О дисгармоничности перваго, конечно, и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ сохраненіе жизни, разъ она есть, не можетъ не соответствовать потребностямъ этой самой жизни. Значитъ, дисгармониченъ второй. Чѣмъ это доказывается? Во-первыхъ—страхомъ передъ неизбежностью смерти, а во-вторыхъ—очевидной невозможностью удовлетворенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ проф. Мечниковъ.

Но вѣдь страхъ смерти является только въ видѣ рефлекторнаго движенія, сопровождающаго иногда самыя пустяковыя неожиданности. Очень нервные люди даже не въ силахъ бывають справиться съ такимъ рефлексомъ—бѣгутъ съ поля сраженія, отступаютъ при всякой опасности, и прочее. Но вѣдь они точно съ такимъ же чувствомъ убѣгутъ и отъ зубного врача, когда придется дергать зубъ, и даже отъ невѣсты, какъ Подколесинъ.

У такихъ людей, конечно, всякое упоминаніе о смерти можетъ вызвать соответствующій рефлексъ, но ихъ сравнительно немного. Большинство умѣетъ справляться со своими рефлекторными движеніями, хотя опять-таки нельзя поручиться, чтобы такое движеніе

не появилось у нихъ въ послѣднюю минуту. Астраханскій митрополитъ Іосифъ, на примѣръ,—стойко обличавшій сообщниковъ Стеньки Разина, выдержавшій пытку огнемъ, увѣренный, что его убьютъ, и добровольно шедшій на смерть—когда его столкнули съ раската, все же рефлекторно схватился за близъ стоявшаго казака. Значитъ ли это, что онъ испугался смерти? Помоему, это значитъ только, что онъ не могъ справиться со своими нервами и точно также схватился бы за кого-нибудь, если бы его, шутя, сталкивали просто въ воду, въ купальню.

Не таковъ инстинктъ жизни собственно такъ называемый. Онъ проявляется не только въ безотчетномъ стремленіи жить вѣчно, а и въ твердой, хотя не имѣющей никакихъ разумныхъ основаній, увѣренности, что это именно такъ и будетъ—увѣренности, вполне устраняющей всякій страхъ.

Въ качествѣ врача, я часто видалъ умирающихъ и безповоротно приговоренныхъ къ смерти людей; многіе изъ близкихъ мнѣ лицъ умерли на моихъ рукахъ; нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ обязаны были рисковать жизнью по профессіи; наконецъ, самому мнѣ два раза приходилось быть, что называется, на волосокъ отъ смерти, не говоря уже о постоянномъ сознаніи ея неизбежности, и я могу сказать, что страха передъ нею—передъ уничтоженіемъ *земной* индивидуальности—я ни въ комъ не встрѣчалъ, и самъ не испытываю ничего кромѣ боязни предсмертныхъ страданій и жалости разстаться съ существующей обстановкою, то-есть съ близкими людьми и дорогимъ дѣломъ. Но вѣдь такая боязнь относится только къ боли, а такая жалость появилась бы у меня при всякой крутой перемѣнѣ жизни—при отъѣздѣ куда-либо, на примѣръ.

У всѣхъ лицъ, которыхъ я видѣлъ умирающими, ощущеніе вѣчности жизни было, но въ разной степени, да и смыслъ они ему придавали разный, въ зависимости отъ развитія разума и отъ направленія, въ которомъ послѣдній привыкъ работать. Убѣжденные спиритуалисты и люди искренней вѣры ожидали личнаго безсмертія, а убѣжденные материалисты, подобно Добролюбову—безсмертнаго значенія ихъ земной работы, а

равно и бесконечной эволюции материи и энергии, входящих в состав их существа. Только циники, которых теперь довольно много, умирают со злобой и проклятиями судьбы, ни на что в будущем не рассчитывая.

Но *страха* смерти я не видалъ ни у кого. Было иногда сожалѣніе о прошломъ, боязнь за судьбу остающихся близкихъ, досада на невозможность огенчить дѣла, благоговѣйный трепетъ передъ наступающей великой переменой, пожалуй—страхъ адскихъ мученій,—у вѣрующихъ, считавшихъ себя великими грѣшниками—но страха, опять повторяю, малодушнаго страха передъ полнымъ уничтоженіемъ, передъ необходимостью перестать жить, я ни у кого не видалъ, кромѣ лицъ, застигнутыхъ смертью внезапно и не сумѣвшихъ справиться съ животнымъ инстинктомъ самосохраненія, да и они быстро успокаивались, если хватало на то времени.

Большинство людей, умирающихъ отъ болѣзней хроническихъ, то-есть такихъ, которыя еще задолго до смерти дѣлаютъ организмъ никуда негоднымъ и превращаютъ жизнь въ мучительное прозябаніе, даже желали смерти, призывали ее какъ избавительницу отъ страданій. Слова Некрасова, сказанныя имъ незадолго до кончины: «хорошо умереть—тяжело умирать», лучше всего выражаютъ настроеніе лицъ, умирающихъ отъ такихъ болѣзней.

Отъ острыхъ, лихорадочныхъ процессовъ люди умираютъ въ большей части случаевъ безъ сознанія, но, приходя въ себя, надѣются обыкновенно выздороветь, такъ какъ чувствуютъ, что въ ихъ организмѣ сохранилось еще достаточно силъ для жизни.

Вообще стремленіе жить земной жизнью сохраняется въ человѣкѣ лишь до тѣхъ поръ, пока организмъ его еще жизнеспособенъ, а при полномъ безсиліи оно само собой исчезаетъ, замѣняясь тѣмъ самымъ «инстинктомъ смерти», который профессоръ Мечниковъ, какъ мы увидимъ ниже, желалъ развить въ человѣкѣ искусственно. Но надежда на жизнь будущую, даже прямо-таки ощущеніе близости этой жизни, никогда, по мо-

ему, не покидаетъ человѣка. Она проглядываетъ даже въ богохульствѣ и проклятіяхъ, посылаемыхъ циниками судьбѣ передъ смертью. Проклятія эти обуславливаются, по-моему, борьбою инстинкта съ разумомъ, при чемъ послѣдній, привыкшій требовать на все логическихъ доказательствъ, возмущается отсутствіемъ ихъ по отношенію къ загробной жизни, инстинктивная увѣренность въ которой не исчезаетъ. Иногда борьба эта, за нѣсколько минутъ или часовъ передъ смертью, вдругъ прекращается полной побѣдой инстинкта. Проникнутый увѣренностью въ томъ, что смерть есть лишь эволюція, умирающій сразу затихаетъ и умираетъ. Я знаю два такихъ случая. Бываетъ, впрочемъ, и наоборотъ. Человѣкъ, всю жизнь вѣровавшій въ воскресеніе за гробомъ, вдругъ, передъ смертью, усомнится въ немъ—какъ тотъ священникъ, о которомъ профессоръ Мечниковъ упоминаетъ въ своей книгѣ.

Мнѣ кажется, что такіе внезапные переходы отъ вѣры къ невѣрію и обратно, свойственны именно лицамъ, черезчуръ категорически и на основаніи разума утверждавшимъ или отрицавшимъ загробную жизнь въ теченіе жизни земной. Передъ смертью, у первыхъ, разумъ сразу отказывается отъ того, что онъ, съ большой натяжкой, дѣлая насиліе надъ самимъ собою, утверждалъ; а у вторыхъ онъ возмущается необходимостью отказаться отъ логики, которою всю жизнь руководствовался, то-есть, въ сущности, отъ самого себя.

Такъ относятся къ смерти люди, стоящіе на краю могилы. Что же касается людей здоровыхъ и только думающихъ о необходимости умереть когда-нибудь, то отношеніе ихъ къ этой необходимости зависитъ, сколько я могъ замѣтить, во первыхъ—отъ темперамента, во-вторыхъ—отъ міровоззрѣнія, а въ-третьихъ—отъ обстановки.

Даже среди искренно вѣрующихъ встрѣчаются люди такіе нервныя, что всякое упоминаніе о смерти вызываетъ въ нихъ рефлекторный ужасъ, котораго они даже скрыть не могутъ. Но такихъ людей вообще не много и встрѣчаются они почти исключительно среди избалованныхъ жизнью фланеровъ, хотя бы развитыхъ

и талантливыхъ, — вообще среди лицъ, обеспеченныхъ отъ борьбы за существованіе¹⁾.

Затѣмъ, люди менѣ впечатлительные, если они спиритуалисты, то думаютъ о смерти съ умиленіемъ и съ увѣренностью въ безконечной эволюціи или даже съ полнымъ знаніемъ, въ чемъ это эволюція будетъ заключаться (если они послѣдователи какой-либо религіи). Что касается матеріалистовъ, то они или совсѣмъ о смерти не думаютъ, или сердятся на жизнь, ничего не дающую, кромѣ полного уничтоженія въ перспективѣ.

Среди простого народа—рабочихъ людей, съ которыми мнѣ преимущественно приходилось имѣть дѣло въ качествѣ земскаго врача, я матеріалистовъ не встрѣчалъ (кромѣ одного, весьма уродливаго случая). Мужикъ относится къ смерти просто, какъ къ дѣлу, хотя и не особенно пріятному, потому что оно разстраиваетъ житейскіе расчеты, но неизбѣжно, и въ концѣ концовъ даже необходимому: какъ къ возвращенію домой съ оконченной, пріятной и выгодной работы. Тургеневъ, такъ боявшійся смерти, прекрасно это подмѣтилъ и описалъ. «Чего ужъ меня лѣчить, батюшка! Я умираю» — добродушно смѣясь, говорили мнѣ деревенскіе старики.

Мужикъ, пока здоровъ, не любитъ говорить о смерти, но не потому, чтобы боялся ея, а потому, что это — праздная болтовня. Да и о чемъ толковать въ самомъ дѣлѣ? Работай и живи, пока живется, а потомъ — извѣстное дѣло — умрешь, душа пойдетъ къ Богу, а тѣло съѣдятъ черви. Никакихъ сомнѣній и ничего интереснаго. Вотъ о загробной жизни души доморощенные богословы и философы поговорить любятъ, особенно, когда имъ стукнетъ за пятьдесятъ, но увѣренность въ этой жизни, у всѣхъ полная, и не на чьемъ-либо авторитетѣ, а прямо на ощущеніи основанная. Авторитетъ опредѣляетъ только формы этой жизни, къ которымъ простой человѣкъ относится критически лишь тогда, когда переноситъ свою вѣру съ одного авторитета на другой.

¹⁾ Я, напримѣръ, встрѣчалъ такихъ среди старухъ-богадѣлокъ, притомъ искренно религіозныхъ.

Такъ относятся къ смерти—я увѣренъ—девять десятыхъ всего народонаселенія Земного Шара, причемъ только понятія о формахъ загробной жизни мѣняются, смотря по религіи и національности. Мысль о смерти не стоитъ кошмаромъ надъ жизнью простого человѣка, а самая смерть—особенно «безболѣзненная, непостыдная, мирная» и благовременная—является для него даже радостною.

Въ результатѣ, мучениками идеи о смерти, жертвами предполагаемой авторомъ дисгармоничности жизненнаго инстинкта, являются только баловни судьбы—развинченные фланеры или рационалисты, заглушающіе инстинктъ насильственно. Но вѣдь не смерть же сама и не жизненный инстинктъ въ этомъ виноваты, а именно нервная развинченность, да неумѣстный рационализмъ, требующій на все неопровержимыхъ доказательствъ, а за отсутствіемъ ихъ стремящійся заглушить инстинктъ, признавъ его дисгармоничнымъ.

Изъ-за горстки людей, совершающихъ умственную ошибку, нельзя же отрицать законность безотчетнаго стремленія. Это послѣднее не нуждается въ положительныхъ доказательствахъ своей удовлетворимости, такъ какъ для него она очевидна. Всякій инстинктъ окажется дисгармоничнымъ, если мы потребуемъ отъ него доказательствъ удовлетворимости. Пріисканіе послѣднихъ зависитъ отъ самого разума, а дѣло инстинкта состоитъ только въ томъ, чтобы заявлять о потребностяхъ натуры, хотъ бы голословно, но твердо и неуклонно. Отъ голоднаго человѣка, какъ и отъ голоднаго волка, нельзя требовать неопровержимыхъ доказательствъ того, что они хотятъ ѣсть въ данную минуту, равно какъ и неопровержимыхъ доказательствъ удовлетворимости этого желанія. Пріискать то и другое—дѣло разума, науки. И если послѣдняя не можетъ удовлетворять такимъ требованіямъ, то это только доказываетъ ея несовершенство, такъ какъ голодъ есть непреложный фактъ, долженствующій имѣть достаточныя причины и ведущій къ осозательнымъ послѣдствіямъ.

Точно также и съ инстинктомъ вѣчной жизни. Разъ онъ есть, и составляетъ явленіе всеобщее (какъ увидимъ ниже), то разумъ не можетъ требовать доказательствъ

его основательности, а обязанъ выяснитъ послѣднюю и позаботиться о его удовлетвореніи. Въ случаѣ же неспособности къ этому, разумъ не долженъ, по крайней мѣрѣ, отрицать законность требованій инстинкта. Тѣмъ болѣе, что самъ не въ состояніи будетъ категорически доказать ихъ неудовлетворимость въ какой бы то ни было формѣ.

Опять долженъ повторить, что я совсѣмъ не понимаю этой идеи автора. По-моему никакой инстинктъ не можетъ быть дисгармоничнымъ, и бѣдствія рода человѣческаго зависятъ вовсе не отъ дефектовъ въ организации человѣка, матеріальной или психической, а отъ того, что природа ничего не даетъ ему даромъ — все у нея приходится брать съ боя. Ну, а гдѣ бой, тамъ и боль.

Но вѣдь въ этомъ-то бою съ природою — въ приспособленіи ее къ нашимъ потребностямъ — и лежитъ, мнѣ кажется, весь смыслъ и вся прелесть жизни. Вѣдь не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, свинья, блаженствующая въ навозѣ, припасенномъ для нея людьми, служить идеаломъ для послѣднихъ. Не могутъ они желать, чтобъ судьба припасла для нихъ все готовое, хотя только въ такомъ случаѣ инстинкты ихъ и были бы гармоничны какъ съ потребностями, такъ и съ обстановкой, потому что удовлетворялись бы сполна и безъ всякой борьбы. Едва ли кто-нибудь согласился бы жить при такихъ условіяхъ, такъ какъ тогда-то именно жизнь и потеряла бы всю свою цѣну.

Въ необходимости бороться за удовлетвореніе потребностей, хотя бы даже кажущихся неудовлетворимыми, лежитъ залогъ нашей эволюціи, или, лучше сказать, сознательнаго прогресса, матеріальнаго, нравственнаго и умственнаго. Сама наука есть вѣдь не что иное, какъ плодъ безотчетнаго стремленія къ знанію, которое тоже, очевидно, неудовлеторимо, потому что никогда не можетъ быть удовлетворено вполне. *Per aspera ad astra!* Бой — такъ бой! Боль — такъ боль! Лишь бы не даромъ.

Вотъ въ этомъ-то вопросѣ — даромъ или не даромъ — и лежитъ, собственно говоря, вся суть современнаго разлада между умомъ и чувствомъ — современнаго разнобѣжія между материалистами и спиритуалистами. Рѣшать

мы его будемъ впоследствии, вмѣстѣ съ авторомъ, а теперь пока перейдемъ вмѣстѣ съ нимъ, ко второй части его труда — къ опредѣленію роли философіи и религіи въ дѣлѣ... добросовѣстнаго обмана (какъ полагаетъ проф. Мечниковъ) человѣческихъ инстинктовъ, направленнаго къ тому, чтобы дать имъ достижимыя, хотя бы иллюзорныя цѣли вмѣсто недостижимыхъ реальныхъ.

IX.

«Стремленіе жить, сохранять свое здоровье, удовлетворять своимъ инстинктамъ и координировать ихъ — говоритъ проф. Мечниковъ, — уже на первыхъ стадіяхъ сознательной жизни заставило человѣка изобрѣтать средства противъ несовершенствъ своей природы», изъ коихъ самымъ выдающимся является ея непрочность, эфемерность, подвластность смерти,

Стремясь согласовать требованія жизненнаго инстинкта съ неизбежностью разрушенія организма, первобытные люди поспѣшили создать анимистическую гипотезу, то-есть предположить, что за видимой и постоянно разрушающейся матеріей всюду стоитъ невидимый, неразрушимый и вѣчный духъ — субстанція (выражаясь языкомъ современной философіи), по отношенію къ которой все существующее представляетъ собою лишь акциденціи. Изъ этой гипотезы, по словамъ автора, развились все религіи и философскія системы міра, не потерявшія значенія и до сего времени.

Установивъ такимъ образомъ главный исходный пунктъ религіи и философіи, проф. Мечниковъ посвящаетъ всю вторую часть своего сочиненія поверхностному обзору ихъ постепенной эволюціи: слѣдитъ за развитіемъ идеи вѣчной жизни въ язычествѣ, буддизмѣ (при чемъ останавливается надъ разъясненіемъ понятія о нирванѣ), юдаизмѣ, конфуціанствѣ, христіанствѣ, въ ученіяхъ Платона, Аристотеля, стоиковъ, Спинозы, Канта, Шопенгауэра, Гартмана и проч., при чемъ указываетъ, какъ неблагоприятно вліяла эта идея на дѣйствительную жизнь, и какъ она свелась, мало помалу, къ современнымъ пессимистическимъ взглядамъ, въ сущности, отрицающимъ всякую возможность за-

гробнаго существованія и рекомендующимъ человѣку тупую покорность неумолимой и бессмысленной судьбѣ.

Все это вполне вѣрно, поскольку относится къ философскимъ учениямъ, то-есть, въ сущности, къ наукѣ, такъ какъ вѣдь философія всегда была синтезомъ научныхъ знаній даннаго времени и во всякомъ случаѣ представляетъ собою созданіе чистаго разума. Этотъ послѣдній, въ самомъ дѣлѣ, никогда не могъ примирить требованія инстинкта вѣчной жизни съ дѣйствительностью въ томъ видѣ, въ какомъ она ему представляется. Въ былые годы философія и наука, считавшіяся «служанками» теологіи, изъ силъ выбивались, стараясь угодить своей госпожѣ подыскиваніемъ неопровержимыхъ логическихъ доказательствъ къ тѣмъ положеніямъ, которыя она принимала на вѣру. Но послѣ эмансипаціи разума, о которой я говорилъ выше, наука отказалась унижаться такимъ образомъ; открыто признала требованія теологіи неудовлетворимыми и замѣнила мистическое міропониманіе, свойственное религиознымъ учениямъ, своею собственной космологіей, въ которой мистикъ не оказалось мѣста.

Вотъ эта-то научная космологія, претендующая на абсолютную точность, отразившись на философскихъ ученияхъ прошлаго столѣтія, дѣйствительно привела ихъ къ безвыходному пессимизму.

Что же касается ученій религиозныхъ, мистическихъ, то они и теперь далеки отъ этого послѣдняго, какъ всегда были (не исключая и нирваны, которая вовсе не есть отказъ отъ жизни вообще, а только отъ жизни плотской), и теперь служатъ единственной поддержкой и утѣшеніемъ девяти десятыхъ народонаселенія Земного Шара, чему самъ же проф. Мечниковъ приводитъ примѣры. «Многіе изъ первобытныхъ народовъ,—говоритъ онъ, цитируя Леббока,—питаютъ абсолютную вѣру въ догматы своей религіи и смотрятъ на обѣщаніе загробной жизни, какъ на несомнѣнную дѣйствительность. Такъ, туземцы острововъ Фиджи убѣждены, что возродятся, за гробомъ, какъ разъ въ томъ состояніи, въ которомъ покинули этотъ міръ», почему и стремятся умереть въ полномъ расцвѣтѣ силъ и способностей. А такъ какъ трудно сохранить то и

другое до старости, то, чувствуя приближеніе послѣдней, «они или сами себя убиваютъ, или возлагаютъ эту заботу на своихъ дѣтей». Обычай этотъ до такой степени распространенъ, что «есть города со многими сотнями жителей, изъ коихъ ни одинъ не дожилъ до сорока лѣтъ»... «Понятно, что при такой горячей вѣрѣ,—добавляетъ авторъ,—люди нисколько не боятся умереть».

Разумѣется, вполне понятно. Но вѣдь это-то и требовалось доказать, какъ говорится. Вѣрна или нѣтъ концепція загробной жизни у фиджійцевъ, она, во всякомъ случаѣ, достигаетъ цѣли, то-есть вполне удовлетворяетъ требованіямъ жизненнаго инстинкта и устраняетъ изъ земной жизни кошмаръ, преслѣдующій цивилизованныхъ европейцевъ нашего времени. Не только обѣщаетъ, но и даетъ полное успокоеніе.

Да вѣдь и не одни фиджійцы или вообще первобытные народы такъ вѣруютъ, а всѣ, собственно говоря, искренно религиозные люди, къ какой бы религіи они ни принадлежали.

Человѣкъ, въ сущности, всегда былъ мистикомъ¹⁾ какъ авторъ это блистательно доказываетъ по отношенію даже къ такимъ расамъ (евреи, китайцы, индусы), которыя считались до сихъ поръ чуждыми мистицизма, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ о безсмертіи души и загробной жизни. Мистикомъ онъ былъ, мистикомъ и теперь остался, не смотря на то, что современная наука, устами проф. Мечникова (да и не его одного, конечно), называетъ мистическія концепціи вселенной «ребяческими и ошибочными», придуманными для того, чтобы сгладить дисгармоничность природы человѣка, и теперь окончательно отвергнутыми.

¹⁾ «Какъ бы глубоко мы ни погружались въ исторію индоевропейской расы,—говоритъ Фюстель-де-Куланжъ,—изъ которой вышли племена греческія и италійскія, мы не отыщемъ свидѣтельства, что было когда-либо время, когда эта раса вѣрила, что все кончено для человѣка послѣ этой краткой земной жизни. Самыя древнія поколѣнія, задолго до появленія какихъ-либо философовъ, вѣровали во вторую жизнь послѣ смерти», и вѣра эта, говоритъ онъ далѣе, была результатомъ непосредственнаго инстинкта.

Съ тѣмъ, что, несмотря на это, родъ человѣческій и до сихъ поръ остается мистикомъ, согласенъ и самъ авторъ. Цитируя слова Спенсера: «Надо признаться, что... почти всё, если не всё, питаютъ твердую или смутную увѣренность въ воскресеніе мертвыхъ (du double de l'homme mort)», онъ и отъ себя прибавляетъ: «Безполезно доказывать ложность того мнѣнія, что треть человечества исповѣдуетъ матеріалистическія убѣжденія, въ которыхъ нѣтъ мѣста для идеи загробной жизни. Совершенно ясно, напротивъ того, что громадное большинство людей вполнѣ вѣруеть въ то, что смерть не есть конецъ существованія, и что земная жизнь представляетъ собою только переходную ступень, за которой слѣдуетъ жизнь вѣчная». А въ IX главѣ своей книги онъ указываетъ и на то, что «въ современномъ человечествѣ неоспоримо замѣчается стремленіе вернуться къ вѣрѣ»... «Люди бросаются въ мистицизмъ, думая, что изъ него можно добыть что-нибудь менѣе угнетающее, чѣмъ полное уничтоженіе, предлагаемое людьми науки».

Если приходится «возвращаться» или вновь «бросаться», то, значить, рѣчь идетъ о тѣхъ, кто «ушелъ» отъ мистики, то-есть о позитивистахъ и матеріалистахъ, пожалуй даже о представителяхъ той самой науки, которая считаетъ мистику окончательно пережитой человечествомъ и похороненной. Это и совершенно справедливо. Развѣ не мистиками, хотя и агностическими, обазываются не только философы послѣдняго времени — на примѣръ, Тейхмюллеръ, Гюйо, Спенсеръ и Нитцше, но и такіе ученые, какъ Круксъ, Бутлеровъ и прч?

Что же это значитъ, однако? Что значитъ такое упорное коснѣніе рода человѣческаго въ невѣжество? Почему человѣкъ не можетъ разстаться если не съ вѣрованіями, то съ настроеніемъ, которое безвозвратно и, повидимому, вполнѣ справедливо осуждено его разумомъ? Да не только не можетъ разстаться, а даже разставшись, даже совсѣмъ не будучи знакомъ съ нимъ (у многихъ современныхъ людей и привычки къ мистицизму не было, такъ какъ молодежь на Западѣ давно ужъ воспитывается безъ религіи), вновь за нихъ хватается, вновь ихъ изобрѣтаетъ?

По-моему, это именно и значить, что мистическія вѣрованія основаны на непобѣдимомъ инстинктѣ, на непосредственномъ ощущеніи, безъ всякаго опыта и доказательствъ утверждающемъ, во-первыхъ, единство вселенной, какъ сознательнаго, находящагося подъ контролемъ Высшаго Разума и Высшей Воли организма, а во-вторыхъ, неотдѣлимость человѣка отъ этой вселенной и вѣчное участіе матеріальныхъ и психическихъ элементовъ его натуры во вселенской жизни.

Понятное дѣло, что на такомъ общемъ и неопредѣленномъ фонѣ разумъ и воображеніе человѣка могутъ выводить любые узоры. Понятное дѣло, также, что узоры эти вполнѣ зависятъ отъ умственного и нравственнаго развитія того, кто ихъ выводитъ, а потому могутъ быть даже уродливыми; но за узорами нельзя не видѣть фона и, отрицая первые, нельзя отрицать второй, какъ данный въ инстинктѣ, тѣмъ болѣе, что при абсолютномъ его отрицаніи, по собственнымъ словамъ автора, «люди, становятся пессимистами, не находятъ смысла въ жизни и спѣшатъ отъ нея отдѣлаться».

Правда, на это можно возразить, что, во-первыхъ, инстинктъ, о которомъ я говорю, не абсолютно всеобщъ, такъ какъ все же есть люди, повидимому, имъ не обладающіе — вотъ хоть бы тѣ же позитивисты, изъ коихъ пока далеко еще не всё стали пессимистами, а, во-вторыхъ, что распаденіе человѣческой индивидуальности на матеріальные и психическіе элементы (если бы даже послѣдніе и могли существовать отдѣльно), во всякомъ случаѣ разрушаетъ индивидуумъ, а слѣдовательно, прекращаетъ и его участіе въ жизни вселенной.

Но вѣдь инстинктами люди вообще надѣлены не одинаково, а ужъ въ особенности высшими. Есть люди, у которыхъ и половой инстинктъ такъ слабо развитъ, что почти не проявляется, а такихъ, у которыхъ слабо развиты инстинкты семейный и общественный, даже очень много. Наконецъ, и при нормальномъ развитіи инстинкта, онъ можетъ быть временно или постоянно заглушаемъ какъ другими безотчетными стремленіями, такъ и разумомъ. Даже животный инстинктъ самосохраненія — одинъ изъ самыхъ сильныхъ — сплошь

и рядомъ заглушается семейнымъ, общественнымъ, половымъ, а то и просто идеей.

Въ былыя времена—во времена господства мистической вѣры—инстинктъ вѣчной жизни, *поддерживаемый* разумомъ и тогдашней наукою, былъ всеобщимъ и заглушалъ всѣ прочіе. Изъ-за него люди становились аскетами, морили себя голодомъ, отказывались отъ половыхъ наслажденій, шли на плаху и на костеръ. Да и теперь еще, мѣстами, мы видимъ то же самое. Давно ли, на примѣръ, религіозные сектанты на Югѣ Россіи зарылись живыми въ землю, чтобы не принять «антихристовой печати» и не погубить своей души?

Но въ европейскомъ цивилизованномъ обществѣ разумъ, съ нѣкотораго времени, лишилъ своей поддержки мистическую вѣру и даже, какъ мы видимъ, отрицаетъ существованіе мистическаго инстинкта или, по крайней мѣрѣ, его право на существованіе. Ослабленный, такимъ образомъ, даже болѣе того—преслѣдуемый, инстинктъ этотъ легко теперь заглушается другими стремленіями, въ большей части случаевъ чисто матеріальными, хотя мститъ за свое заглушеніе видимымъ одичаніемъ цивилизованнаго общества¹⁾ и развитіемъ въ его средѣ беспросвѣтнаго унынія или уродливаго, болѣзненнаго мистицизма (спиритизмъ, черныя мессы и проч.). Вотъ потому-то теперь такъ много развелось безпринципныхъ эпикурейцевъ, кончающихъ самоубійствомъ, и торгашей, поклоняющихся одному лишь золотому тельцу. Поэтому же и философская мысль додумалась до обоготворенія торжествующей свиньи, въ лицѣ Цезаря Борджіа—веселаго, бѣлокураго животнаго, ничѣмъ не стѣсняющагося.

Но все это только крайности—пѣна на волнахъ взбаломученнаго моря умовъ человѣческихъ, а въ глубинѣ его все тихо—громадное большинство людей, какъ это мы видѣли выше, обладаетъ инстинктомъ вѣчной жизни и старается жить согласно съ его требованіями.

¹⁾ Которое даже Спенсеръ отмѣтилъ въ своихъ «Facts and comments».

Вотъ что касается распаденія индивидуальности и отдѣльнаго существованія психическихъ элементовъ человѣка, при участіи ихъ въ жизни вселенной, какъ особаго духовнаго недѣлимаго,—этого дѣйствительно, современная наука не только понять или объяснить, но даже допустить не можетъ, такъ какъ духъ, или, что все равно, силу, энергію, она допускаетъ только въ формѣ свойства или атрибута матеріи (въ данномъ случаѣ—организованной). Въ этомъ и лежитъ главный поводъ къ разладу между инстинктомъ и разумомъ. Послѣдній, основываясь на всѣхъ накопленныхъ имъ до настоящаго времени знаніяхъ, въ самомъ дѣлѣ не видитъ возможности признать чаянія инстинкта основательными и соотвѣствующими дѣйствительности.

Но вѣдь, во-первыхъ, инстинктъ вовсе не предрѣшаетъ формы, въ которой человѣческая индивидуальность должна участвовать въ вѣчной жизни вселенной; онъ только утверждаетъ, что такое участіе необходимо, обязательно. А, во-вторыхъ, мало ли чего плохо освѣдомленный разумъ человѣческій не могъ допустить въ былые годы и что, однако же, впоследствии, оказалось дѣйствительностью. Было время, когда и шарообразная форма Земли и движеніе ея вокругъ Солнца казались разуму недопустимыми нелѣпостями; было время, когда Гальвани, открывшаго ту энергію, при помощи которой человѣкъ управляетъ своими мышцами, называли «танцмейстеромъ лягушекъ»; было время—и я его помню—когда умъ человѣческій не могъ допустить передачи мыслей на разстояніи безъ всякихъ проводовъ (хотя телеграфъ уже существовалъ). На моей, также, памяти извѣстную стигматичку, Луизу Лато¹⁾ всѣ считали обманщицей, такъ какъ вѣковѣчная способность наша къ самовнушенію оставалась еще незамѣченной наукою. Не дальше, какъ лѣтъ десять тому назадъ, человѣка, увѣрявшаго, что онъ можетъ получить фотографическое изображеніе въ абсолютной темнотѣ, всѣ бы признали сумасшедшимъ. Наконецъ, даже всего только три года тому назадъ,

¹⁾ У которой по пятницамъ появлялись кровоточивыя язвы на мѣстахъ, соотвѣствующихъ ранамъ Іисуса Христа.

наука не могла бы допустить возможности проявления световой энергии в формѣ потока матеріальныхъ частицъ, такъ же, какъ траты ея, повидимому, безъ всякаго эквивалентнаго возмѣщенія откуда-либо, а вотъ теперь мы видимъ то и другое на примѣрѣ радія.

Вообще, ни сущность матеріи и энергии, ни ихъ первоначальныя причины, ни взаимныя отношенія между ними до сихъ поръ наукѣ неизвѣстны, да врядъ ли когда-нибудь и станутъ вполне извѣстными. Надо же, наконецъ, сознаться, что разумъ нашъ, постоянно обогащаясь знаніями, все-таки никогда не можетъ считать себя исчерпавшимъ безконечный ихъ запасъ — подмѣтившимъ все безконечное разнообразіе явленій, совершающихся или имѣющихъ совершиться во вселенной — *существующихъ въ возможности*. Ему самому извѣстно, что есть на свѣтѣ многое, чего онъ не способенъ видѣть и никогда не увидитъ. Онъ самъ говоритъ, что *nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*, а *sensus* нашъ, какъ мы тоже хорошо знаемъ, весьма несовершененъ. Слѣдовательно, разумъ человѣческій навсегда обреченъ оставаться сравнительно плохо освѣдомленнымъ и можетъ только поручиться за логическую правильность своихъ заключеній, а отнюдь не за точность и полноту данныхъ, на которыхъ эти заключенія основаны.

Но разъ это такъ, то разумъ не имѣетъ права категорически не допускать чего-либо противорѣчающаго его выводамъ: какъ бы ни былъ правильно построены силлогизмъ, а новыя посылки всегда могутъ измѣнить его заключеніе.

Что же касается этихъ новыхъ посылокъ, то вѣдь онѣ далеко не всегда добываются самимъ разумомъ, съ предвзятой цѣлью разяснить или доказать что-либо, какъ это дѣлаетъ наука. Случай, инстинктъ, воображеніе весьма часто подсказываютъ разуму, наводятъ его на новые пути для изслѣдованія. Я не ошибусь, пожалуй, если скажу, что новые-то пути, именно, всегда и открываются съ помощью воображенія или случая. Что, какъ не случай, подхваченный воображеніемъ, помогъ намъ открыть гальваническіе токи

силу пара, рентгеновскіе и катодные лучи, радій и проч. и проч? Развѣ не на воображеніи основаны были первобытная астроніомія, физика, химія? Развѣ не на немъ строятся научныя гипотезы, то-есть, въ сущности, все позитивное (такъ же какъ и всякое другое) міровоззрѣніе?

Точное знаніе служитъ вѣдь только фундаментомъ для такихъ построекъ, а надстраиваются онѣ и расширяются почти исключительно по милости случая, да по заказу инстинктовъ и воображенія. Разумъ является лишь плотникомъ и каменщикомъ въ наукѣ (не говоря уже про жизнь вообще); архитекторомъ же служитъ воображеніе, тогда какъ заказчиками, хозяевами, всегда были, есть и будутъ непосредственныя требованія человѣческой природы, выражающіяся въ формѣ инстинктовъ.

И если каменщикъ можетъ иногда докладывать черезчуръ увлекающемуся архитектору, что проектъ, созданный послѣднимъ, невыполнимъ, то командовать хозяевами онъ не имѣетъ права. Онъ можетъ только отказаться отъ выполненія ихъ требованій, подъ предлогомъ невыполнимости послѣднихъ при помощи тѣхъ средствъ, которыя находятся въ его рукахъ, но для признанія ихъ навѣки невыполнимыми никогда не будетъ обладать достаточнымъ количествомъ данныхъ, такъ какъ самъ не знаетъ, какія средства окажутся въ его распоряженіи завтра.

Но если разумъ не имѣетъ права признавать требованія природы навѣки невыполнимыми, то тѣмъ менѣе у него правъ отрицать ихъ законность, считать дисгармоничными, подлежащими отмѣнѣ, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ не судья. Требованія природы суть ея неотъемлемыя свойства, хотя, можетъ быть, не всегда достаточно опредѣленно выраженные, а потому постоянно ищущія, такъ сказать, свой объектъ и весьма часто при этомъ исканіи ошибающіяся. Роль разума состоитъ въ томъ, чтобы помогать имъ въ этихъ исканіяхъ и устранять ошибки.

X.

Итакъ, въ данномъ случаѣ, опираясь на точную науку, разумъ докладываетъ инстинкту вѣчной жизни, что созданныя ему въ угоду предположенія объ устройствѣ вселенной недопустимы, а потому и чаянія, на этихъ предположеніяхъ основанныя, слѣдуетъ считать иллюзорными.

Совершенно вѣрно. Но вѣдь, во-первыхъ, надо еще знать, достаточно ли разумъ компетентенъ, чтобы давать такія категорическія заключенія, а во-вторыхъ, если бы компетентность его была внѣ всякаго сомнѣнія, то изъ этого слѣдовало бы только, что нужно создать новыя предположенія, болѣе соотвѣтствующія дѣйствительности, такъ какъ самыя-то требованія инстинкта—не иллюзія. Они отмѣнены не будутъ и быть не могутъ, какъ не можетъ быть отмѣненъ голодъ или половой инстинктъ, хотя бы въ виду полной невозможности ихъ удовлетворенія или даже совершенной неосновательности съ точки зрѣнія разума. Слѣдуетъ помнить, что вѣдь было же время, когда голодъ и половой инстинктъ на самомъ дѣлѣ считались подлежащими заглушенію, какъ несоотвѣтствующіе дѣйствительнымъ цѣлямъ жизни—дисгармоничные. Христіанскіе и буддійскіе аскеты до сихъ поръ смотрятъ на нихъ такимъ образомъ, а все-таки совершенно отмѣнить или заглушить ихъ не успѣли.

Но у аскетовъ, по крайней мѣрѣ, матеріальные инстинкты заглушаются инстинктомъ же—безотчетнымъ стремленіемъ спасти душу. Тутъ идетъ совершенно естественная борьба между равноправными членами одной и той же правительствующей психической коллегіи, при чемъ беретъ верхъ сильнѣйшій въ данное время, остальные же подчиняются добровольно, а потому, несмотря на крайнія стѣсненія, на постоянный ропотъ, дѣло весьма рѣдко доходитъ до открытаго бунта. А когда инстинктъ стѣсняется извнѣ—жизнейскими обстоятельствами, на примѣръ, или плохо освѣдомленнымъ, ошибающимся, государственнымъ совѣтомъ души—разумомъ, то бунтъ, въ формѣ ли бурной реакціи, или въ формѣ полного отказа отъ жизни, не-

избѣженъ. Какъ прежде люди бросались во все тяжкія или стрѣлялись и вѣшались отъ неудовлетвореннаго полового инстинкта, такъ теперь они распутничаютъ, стрѣляются и вѣшаются отъ неудовлетворенности инстинкта вѣчной жизни — отъ ошибочнаго убѣжденія въ его абсолютной неудовлетворимости. И при томъ именно *вѣчной*, такъ какъ временная, земная, обставлена у этихъ распутниковъ и самоубійць (въ большей даже части случаевъ) лучше, чѣмъ у кого-нибудь другаго. «Жить не стоитъ!»—вотъ кликъ, все чаще и чаще теперь срывающійся съ устъ, не успѣвшихъ даже прикоснуться къ кубку жизни.

Да вѣдь и дѣйствительно не стоитъ. Ну—сытъ, ну пьянъ, ну—трехъ французенокъ содержу, ну—знаменитъ, какъ ученый или общественный дѣятель, даже благодѣтель человѣчества (того самаго, которому, согласно весьма вѣроятнымъ предсказаніямъ точной науки, суждено не въ очень далекомъ будущемъ *безслѣдно* исчезнуть, вмѣстѣ со всеми моими благодѣянiami и съ землей, на которой оно обитаетъ), ну, пожалуй, даже содѣйствовалъ появленію сверхъ-человѣка или самъ имъ сталъ, но вѣдь и сверхъ-человѣкъ тоже не великая шишка для вселенной, и не безсмертенъ. Приписать ему самодѣльное земное безсмертіе, самодѣльное всемогущество и самодѣльное безконечное совершенствованіе значило бы, пожалуй, пойти дальше фиджійцевъ по пути къ нелѣпости, такъ какъ ничто, существующее въ *известныхъ матеріальныхъ и пространственныхъ предѣлахъ*, не можетъ стать безконечнымъ и безпредѣльнымъ. А разъ сверхъ-человѣкъ будетъ все-таки несовершенъ и смертенъ, разъ смерть для него, какъ и для насъ, окажется полнымъ уничтоженіемъ—сведеніемъ къ нулю—какъ индивидуума, такъ и всѣхъ дѣлъ его (земля-то тоже вѣдь уничтожится, а вселенная-то есть вѣдь лишь хаосъ, для котораго рѣшительно все равно, какъ протекли отдѣльные его эпизоды), то стоитъ ли огородъ городить? Не превратится ли при этомъ все величіе сверхъ-человѣка въ мыльный пузырь, а все его труды и усилія—въ простое толченіе воды или въ сказку про бѣлаго бычка? Стоятъ ли все прелести жизни той работы, которая тратится на ихъ приобрѣтеніе,

и того горя, которымъ онѣ обыкновенно сопровождаются? Не лучше ли запитъ или застрѣлиться?

„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ“, „Какая пустая и глупая шутка“.

Конечно, пустая и глупая—для того, кто смотритъ на нее, какъ на нѣчто цѣльное, само себѣ довлѣющее. Если посмотрѣть такимъ образомъ на солнечную систему, то и она покажется пустой и глупой шуткой: бѣгаютъ остывшіе шарики вокругъ раскаленнаго, Богъ вѣсть зачѣмъ! Но вѣдь если посмотрѣть такимъ образомъ и на маховое колесо паровика большой ткацкой фабрики или даже на самый этотъ паровикъ, отдѣльно взятый, то и они покажутся глупыми игрушками. Одно—вертится неизвѣстно зачѣмъ, а другой—пыхтитъ и тужится безъ всякаго смысла. Для того, чтобы увидать смыслъ въ ихъ работѣ, нужно обозрѣть всю фабрику, да и этого мало—нужно имѣть понятіе о торгово-промышленной дѣятельности человѣчества, такъ какъ иначе безконечное тканье все одного и того же ситца опять-таки покажется безсмысленнымъ.

Съ другой стороны, жизнь, конечно, должна показаться «пустой и глупой шуткой» тому, кто смотритъ на нее съ однимъ только «холоднымъ вниманьемъ», потому что послѣднему доступны лишь внѣшнія формы явленій, не имѣющія смысла безъ внутренняго содержанія, постигаемаго только при помощи чувства. Попробуйте-ка взглянуть съ однимъ только «холоднымъ вниманьемъ» на внѣшнія проявленія любви, на примѣръ, хотя бы на поцѣлуй...

Такъ вотъ, значить, заглушать жизненный инстинктъ, считать его незаконнымъ, дисгармоничнымъ, несоответствующимъ дѣйствительнымъ нуждамъ природы, наука не имѣетъ ни права, ни основаній. Но что касается формъ, въ которыхъ этотъ инстинктъ воплощаетъ свои чаянія—тѣхъ космологическихъ концепцій, которыя созданы ему въ угоду, тѣхъ узоровъ, которые выводятся воображеніемъ на фонѣ инстинктивной потребности, то къ нимъ наука, конечно, имѣетъ право относиться критически.

Для того, однако же, чтобы критика была основательна, нужно, во-первыхъ, строго отграничить то,

что ей подлежить, отъ того, что не подлежить; а, во-вторыхъ, нужно, чтобы исходные ея пункты—тотъ аршинъ, которымъ наука измѣряетъ достовѣрность мистическихъ концепцій вселенной, самъ былъ завѣдомо достовѣренъ и непогрѣшимъ.

Самый инстинктъ вѣчной жизни, какъ мы выше видѣли, научной критикѣ не подлежить. Наука должна принять его какъ фактъ (съ чѣмъ и профессоръ Мечниковъ, кажется, согласенъ), какъ нѣчто данное природою и подлежащее только изученію и разъясненію. Но въ чемъ же, именно, состоитъ неподлежащая критикѣ сущность этого инстинкта? Въ чемъ наука не смѣетъ отказывать человѣчеству, подъ угрозой пониженія жизненности послѣдняго и развитія въ его средѣ «общаго недомоганія»?

Въ чистомъ видѣ, освобожденный отъ всякихъ узоровъ, созданныхъ въ угоду ему воображеніемъ и плохо освѣдомленнымъ разумомъ, инстинктъ вѣчной жизни, какъ мы видѣли, требуетъ признанія, что земная жизнь человѣка не есть случайный, безсмысленный и безслѣдный эпизодъ въ исторіи безначальнаго, безконечнаго, безцѣльнаго, бездушнаго и слѣпотаго хаоса, а есть необходимое звено въ цѣпи событій, составляющихъ осмысленный вселенскій процессъ; что земныя дѣянія человѣка не безразличны для этого процесса; что сущность природы человѣческой—будетъ ли то сознаніе, или воля, или совокупность всѣхъ психическихъ способностей, или, наконецъ, та бессознательная сила, которая строитъ его организмъ по извѣстному плану и обуславливаетъ всѣ безотчетныя его стремленія—что эта сущность есть особая форма міровой энергіи и неразрушима, какъ таковая¹⁾; что человѣкъ, однимъ словомъ, есть вѣчный, пусть даже

¹⁾ На всѣ претензіи такого рода, въ наукѣ принято отвѣчать, что психика человѣческая есть функція нервныхъ клѣтокъ, а такъ какъ послѣднія не вѣчны, то и функція ихъ не можетъ быть вѣчною. Но вѣдь и гальванической токъ можно разсматривать какъ функцію батареи или динамо-машины, а онъ, гѣмъ не менѣе, есть часть міровой энергіи, которая считается неразрушимою. Разбивъ стеклянный экранъ, фосфоресцирующій подъ рентгеновскими лучами, мы не уничтожимъ этимъ самые лучи, а только сдѣлаемъ ихъ невидимыми.

самый незначительный участник хотя бы непонятной для него, но все же осмысленной, живой и разумной организаци.

Короче: мнѣ нужно оправдать разумомъ безотчетное мое ощущеніе принадлежности къ такой организаци. Законно или незаконно, но твердо и неуклонно вѣровало и до сихъ поръ вѣруетъ въ это большинство людей, даже *quia absurdum*. А, разъ увѣровавъ, человекъ легко мирится со смертью, общающейся ему, вмѣсто безконечной и бессмысленной сказки про бѣлаго бычка, приправленной все однимъ и тѣмъ же «счастьемъ», хотя бы трудовое и самое незначительное, но вѣчное и разнообразное участіе въ полной смысла жизни вселенной.

Человѣку нужно безсмертіе, но отнюдь не земное, съ вѣчнымъ сохраненіемъ все одной и той же психофизической организаци и все съ тѣмъ же именемъ «Ивана Ивановича». Быть вѣчнымъ Иванъ Ивановичемъ я не соглашусь, если бы даже наука гарантировала мнѣ, вмѣстѣ съ вѣчной молодостью (которая, кстати сказать, для матеріальнаго и пространственнаго существа невозможна по тѣмъ же причинамъ, по которымъ невозможно *perpetuum mobile*), и рябчиковъ, и французенокъ, и званіе благодѣтеля человечества, и даже беконечное усовершенствованіе моей природы. Что сталъ бы я тогда дѣлать съ моимъ безконечно большимъ прошлымъ, переполненнымъ фактами—причинами, обязывающими меня выполнять акты—слѣдствія? Вѣдь одно только безконечно большое количество женъ и дѣтей моихъ, на примѣръ, или наложило бы на меня безконечно большое количество различныхъ обязательныхъ къ нимъ отношеній (связавъ меня по рукамъ и ногамъ), или заставило бы меня отказаться отъ всякихъ понятій о родственной связи, о любви (сколько-нибудь превышающей простой половой позывъ), о долгѣ, о чести, о совѣсти, да и вообще отъ какихъ бы то ни было прочныхъ нравственныхъ отношеній въ кому или чему бы то ни было. Свело бы меня, однимъ словомъ, на уровень животнаго, и даже не млекопитающаго и не насѣкомаго (вонъ у пчелъ и у муравьевъ есть такія отношенія), а какого-нибудь

одноклѣточного организма. Но вѣдь на такую жизнь даже Э. П. Карамазовъ не согласится.

Что касается безконечнаго совершенствованія моей природы въ земной жизни, то, не говоря уже про его невозможность въ матеріальныхъ предѣлахъ, я все-таки никогда бы не достигъ ни полнаго совершенства, ни полнаго знанія вселенной, а потому постоянно чувствовалъ бы себя игралищемъ непонятной для меня судьбы и вновь оказался бы недовольнымъ пессимистомъ, вновь бы воскликнулъ, что жизнь есть «пустая и глупая шутка».

Между тѣмъ, эта самая шутка, эта сказка про бѣлаго бычка, всначалующаяся смертью, сразу приобретаетъ для меня и глубокій смыслъ, и вполне удовлетворяющее жизненному инстинкту значеніе, разъ я взгляну на нее такъ, какъ подсказываетъ этотъ инстинктъ, то-есть, какъ на необходимое звено въ цѣпи событій, составляющихъ осмысленный вселенскій процессъ—какъ на маховое колесо или даже самый незначительный винтикъ въ паровикѣ громадной фабрики, хотя бы смысла работы этой фабрики я не понималъ, за невозможностью сразу обозрѣть ее.

XI.

Имѣетъ ли право точная наука воспретить мнѣ такой взглядъ на дѣло? По-моему, на основаніи собственныхъ законовъ разума, не имѣетъ.

Изучая вселенную, она, правда, не успѣла еще открыть въ ней ни опредѣленныхъ цѣлей, ни даже цѣлесообразной координаціи явленій, свойственной осмысленному органическому процессу. Въ наукѣ принято думать, что природа не отвѣчаетъ на вопросъ: «для чего?» а отвѣчаетъ только на вопросъ: «почему»? Но это, во-первыхъ, несправедливо, а, во-вторыхъ, если бы и было справедливымъ, то отрицательныя доказательства ничего не доказываютъ.

Несправедливо это потому, что цѣлей мы не видимъ только въ природѣ неорганической, да и то, можетъ быть, благодаря нашей неспособности обозрѣть ее всю сразу. Мы не можемъ, въ самомъ дѣлѣ, сказать,

для чего остывшіе мячики вертятся вокруг раскаленного, или для чего металлъ калій не хочет соединиться съ азотомъ, но вѣдь, если бы мы, опять-таки, изъ всей ткацкой фабрики видѣли только одно маховое колесо паровика, то тоже не могли бы сказать, для чего оно вертится. Причину его вращенія—поршень—мы, однако же, скоро бы замѣтили при внимательномъ изученіи, а продолжая это изученіе далѣе—*въ предѣлахъ для насъ доступныхъ, то-есть не выходящихъ изъ поля нашего зрѣнія въ ту и другую сторону*—мы наткнулись бы на цѣлый рядъ причинъ и дошли бы по нимъ до топки паровика. Этотъ послѣдній предсталъ бы тогда передъ нами въ видѣ весьма стройной и подчиненной незыблемымъ законамъ причинности машины, но для чего вертится маховое колесо и почему въ топкѣ горятъ дрова, мы такъ бы и не узнали, ибо цѣль причинъ и слѣдствій уходила бы отъ насъ въ недоступную для нашего глаза даль.

Наткнувшись въ обоихъ концахъ нашего изслѣдованія на «невѣдомое», мы непременно раздѣлились бы на партіи, изъ коихъ одна видѣла бы повсюду только цѣли, а другая—только причины. Но такъ какъ ни та, ни другая не могли бы довести своего изслѣдованія до конца, то, первую причину и конечную цѣль, каждой изъ нихъ пришлось бы изобрѣтать, причемъ сторонники причинъ принуждены были бы сослаться на случай, а сторонники цѣлей—на первую попавшуюся мечту, подсказанную воображеніемъ. Первые сказали бы, можетъ быть, что въ топкѣ паровика случайно скопились дрова, а такъ какъ тамъ случайно была высокая температура, то они и загорѣлись, обусловивъ этимъ все дальнѣйшее; послѣдніе же нашли бы, пожалуй, соотвѣтствіе между вращеніемъ махового колеса и погодой, — сказали бы, что отъ него зависяетъ дождь и вѣтеръ.

Развѣ не такими, именно, путями развивалась космологія въ сознаніи человѣчества? Развѣ не таковъ смыслъ разнорѣчія, существующаго между мистиками и позитивистами, спиритуалистами и материалистами?

Разнорѣчіе это, однако же, является понятнымъ

лишь до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о природѣ неорганической, о макрокосмѣ, объ устройствѣ вселенной, въ которой мы наблюдаемъ лишь одинъ ничтожный уголокъ—даже не паровикъ на фабрикѣ, а всего только, можетъ быть, одинъ винтикъ въ маховомъ колесѣ. Но по отношенію къ микрокосму, къ существамъ организованнымъ, къ числу которыхъ принадлежимъ мы сами, такому разнорѣчію, казалось бы, не должно быть мѣста. Поскольку неорганизованная природа не отвѣчаетъ на вопросъ: «для чего?»—постольку же организованная упрямо не хочетъ отвѣчать на вопросъ: «почему?»

«Для чего» у меня глаза, носъ, ротъ, зубы, кишечный каналъ, мозгъ, нервы, мышцы, руки, ноги и проч.—я ясно вижу, и вижу даже, что трудно бы было устроить все это съ большею цѣлесообразностью (не во гнѣвъ будь сказано профессору Мечникову, который уже самой своей критикой человѣческой натуры показываетъ, что видитъ ея цѣлесообразность). Но «почему» все это развилось такъ, а не иначе—объ этомъ я могу только гадать болѣе или менѣе приблизительно. Вѣдь для объясненія причинъ такого, а не иного, развитія организмовъ мы лишь недавно придумали весьма красивую, но шаткую, въ сущности, теорію эволюціи путемъ подбора и борьбы за существованіе, которая и теперь уже трещитъ по швамъ, повсюду допуская безпричинные скачки, какъ это мы видѣли выше, и на всякомъ шагу предлагая объясненія чисто гадательныя—возможныя, допустимыя (при настоящемъ состояніи науки), но не подкрѣпляемыя ни наблюденіемъ, ни опытомъ. Просто по аналогіи¹⁾. Значитъ, если бы наука не задалась предвзятой

¹⁾ Спѣшу оговориться: отрицая повсемѣстную приложимость теоріи эволюціи, я этимъ вовсе не хочу сказать, что считаю ее совсѣмъ неприменимой—напротивъ! Все въ природѣ, очевидно, измѣняется, подъ вліяніемъ измѣняющихся условій, и такое измѣненіе есть, конечно, эволюція. Но вѣдь, во-первыхъ, для того, чтобы *измѣняться*, нужно предварительно *существовать*; а во-вторыхъ—всякому измѣненію есть предѣлъ; кристаллъ горнаго хрустала ни при какихъ условіяхъ, я полагаю, не превратится въ таракана. Эволюціей, слѣдовательно, никакъ нельзя объяснять ни первоначальнаго возникновенія чего бы

мыслью ¹⁾ доказать отсутствіе цѣлей въ природѣ, то она могла бы даже тутъ, на землѣ, увидать ихъ образчикъ на частномъ примѣрѣ организованныхъ существъ, не только цѣлесообразно созданныхъ, но и цѣлесообразно дѣйствующихъ. А отъ частнаго примѣра, по той же аналогіи, легко бы было заключить и о цѣлесообразности вселенной, признавъ послѣднюю за осмысленный организмъ, хотя, конечно, ни о формѣ, ни о предназначеніи, ни о дѣятельности этого организма никакого понятія мы все-таки получить не могли бы.

Во всякомъ случаѣ, изъ предыдущихъ разсужденій слѣдуетъ, мнѣ кажется, что основныя положенія мистиковъ и спиритуалистовъ, не только данныя въ инстинктѣ, но даже подтверждаемыя прямымъ наблюдениемъ—если только производить послѣднее безъ предвзятой мысли—никакъ не могутъ считаться иллюзорными, нарочно сочиненными—какимъ-то добросовѣстнымъ (еще и за то спасибо!) обманомъ, филантропическимъ шулерствомъ, а суть попытки, хотя, можетъ быть, и неудачныя, рѣшить вопросъ по догадкамъ и аналогіи, то-есть точно такъ же, какъ поступаетъ и сама наука въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, отказъ науки признать основательными чаянія инстинкта вѣчной жизни въ чистомъ его видѣ, то-есть безъ опредѣленія формъ этой жизни, есть злоупотребленіе авторитетомъ съ ея стороны, точно такъ же, какъ отказъ догматики нѣкоторыхъ религій (не религіознаго инстинкта, однако же!) въ признаніи законности половыхъ стремленій. Если мы не можемъ опредѣлить ни первоначальныхъ причинъ, ни конечныхъ цѣлей въ природѣ (можетъ

то ни было, ни такихъ различій, которыя существенно измѣняютъ характерныя свойства предмета. Мнѣ, напримѣръ, кажется, что даже обезьяна едва ли могла быть родоначальницей человека (да это еще съ полной точностью и не доказано), а вѣдь мы теперь свободно толкуемъ о происхожденіи всего животнаго и растительнаго міра не только изъ простой клѣточки, а даже изъ неорганическихъ веществъ.

¹⁾ Происхожденіе этой предвзятости вполне понятно: въ былые годы наука слишкомъ много терпѣла отъ мистиковъ и спиритуалистовъ, такъ что теперь поневолѣ увлеклась реакціей

быть, только временныхъ—для извѣстнаго періода), то это еще не значить, чтобы ихъ не было. Если наука теперь не видитъ никакихъ оснований къ тому, чтобы признать вселенскій процессъ органическимъ, осмысленнымъ и цѣлесообразнымъ, то это еще не значить, чтобы онъ не былъ такимъ на самомъ дѣлѣ и чтобы наука завтра же, можетъ быть, сама съ этимъ не согласилась, въ виду открытія новыхъ данныхъ (или болѣе правильнаго освѣщенія старыхъ, давно извѣстныхъ, прибавлю я въ скобкахъ).

Но къ опредѣленнымъ формамъ космологическихъ концепцій она, конечно, можетъ относиться критически, потому что въ инстинктѣ онѣ не даны.

Посмотримъ, однако же, на сколько точенъ, достовѣренъ и вообще пригоденъ къ дѣлу тотъ аршинъ, съ которымъ она подходитъ къ вышеупомянутымъ концепціямъ.

Не дальше, какъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, весьма многимъ изъ адептовъ точной науки казалось, что тайнъ для нея въ природѣ больше нѣтъ, что суть космическаго процесса ею уже уловлена и что впередъ намъ придется открывать только подробности этого процесса, легко подводимыя подъ извѣстные уже законы и, классифицируемыя по изученнымъ уже категоріямъ. Всего десять двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, Гюйо, въ своей «*L'irreligion de l'avenir*» писалъ, что «хотя вселенная и безконечна, а стало быть, и матеріаль для изученія тоже безконеченъ, но что тѣмъ не менѣе вселенная управляется небольшимъ количествомъ очень простыхъ законовъ, которыми мы все болѣе и болѣе овладѣваемъ». Не думаю, чтобы проф. Мечниковъ, при всей его вѣрѣ во всемогущество науки, рѣшился теперь повторить эти слова. Мнѣ кажется, что теперь едва ли кто-нибудь усомнится въ томъ, что мы не только не успѣли еще изучить и понять космическій процессъ, но даже и не приступали къ такому изученію. Мы судимъ объ устройствѣ вселенной лишь по аналогіи съ устройствомъ того маленькаго клочка ея, который доступенъ нашему наблюденію, хотя и этого клочка еще, какъ слѣдуетъ, не изучили.

Разъ мы не знаемъ точнаго числа планетъ и астероидовъ (каждый годъ открываются новые), съ ихъ взаимными другъ къ другу отношеніями; не знаемъ, изъ чего они состоятъ, въ какихъ условіяхъ живутъ, населены или нѣтъ; не можемъ предсказать появленія новыхъ кометъ; не объяснили себѣ движенія солнечной системы къ созвѣздію Геркулеса и проч. и проч., то, значить, мы не знаемъ, какъ слѣдуетъ, ни анатоміи, ни физиологіи этой системы. Разъ мы не знаемъ, изъ чего состоитъ ядро земли, не можемъ предсказывать землетрясеній и вулканическихъ изверженій, не знаемъ доподлинно, чѣмъ обусловливается поднятіе и опусканіе почвы въ разныхъ мѣстахъ Земного Шара, никогда не видали его полюсовъ, плохо изучили даже его поверхность, не понимаемъ, какъ образовались нѣкоторыя части его коры (нефть, напимѣръ, или гвѣздовыя желѣзныя руды), едва лишь успѣли замѣтить его электромагнитную жизнь и проч. и проч., то мы, значить, не знаемъ ни его анатоміи, ни физиологіи. Разъ мы не знаемъ, зачѣмъ человѣку волосы и зубы, толстая кишка и червеобразный отростокъ, также какъ и множество другихъ подробностей въ устройствѣ его организма (мозжечекъ, напимѣръ); разъ мы не можемъ объяснить себѣ достаточно основательнымъ образомъ не только механизма его психическихъ способностей (памяти, напимѣръ), но и механизма питанія тканей и проч. и проч., то, значить, мы не знаемъ ни анатоміи, ни физиологіи человѣка. Разъ мы безпрестанно встрѣчаемся съ такими сюрпризами, какъ открытіе гелія, неона, криптона, радія, катодныхъ лучей и проч. и проч., то, значить, не успѣли еще замѣтить ни всѣхъ формъ матеріи, ни всѣхъ формъ энергіи, существующихъ и функционирующихъ на томъ маленькомъ клочкѣ вселенной, который доступенъ нашему наблюденію.

Вообще, при ближайшемъ разсмотрѣніи, свѣдѣнія наши объ этомъ клочкѣ оказываются хотя безспорно точными, но въ высшей степени отрывочными и неполными, а мы на нихъ уже успѣли построить космологію, претендующую на полноту и точность.

Но если бы даже мы могли быть увѣрены, что

подмѣтили и изучили въ солнечной системѣ все, доступное нашимъ чувствамъ и разуму, то кто же намъ поручится, что въ природѣ, насъ окружающей, и даже въ насъ самихъ не совершаются явленія ни первымъ, ни послѣднему недоступныя? Кто поручится, что наши чувства, вооруженныя всѣми аппаратами, которыми можетъ снабдить и вооружить ихъ разумъ, могутъ подмѣтить *всѣ* явленія, какія только существуютъ и даже прямо на насъ вліяютъ, какъ катодные лучи, напимѣръ, которые мы, подвергаясь ихъ вліянію десять тысячъ лѣтъ, вчера только замѣтили?

Представимъ себѣ, однако же, что мы не только до малѣйшихъ подробностей изучили природу солнечной системы, но и вполне увѣрены, что ничего для насъ неизвѣстнаго, неожиданнаго, опрокидывающаго всѣ наши концепціи относительно ея жизни и устройства, въ ней положительно нѣтъ и быть не можетъ. Кто же, все-таки, поручится намъ, что законы природы на всемъ пространствѣ вселенной одинаковы, или, лучше сказать, что въ ней нѣтъ такихъ законовъ, которые не находятъ на землѣ приложенія? Вѣдь мы даже на этой послѣдней, до появленія на ней человѣка, обязаны допустить существованіе такихъ условій, которыхъ теперь на ней не встрѣчаемъ и о которыхъ не можемъ имѣть никакого понятія. Откуда, напимѣръ, и при какихъ условіяхъ, на голомъ, только-что прокаленномъ гранитѣ или сіенитѣ, покрытомъ стерилизованной при Богѣ вѣстѣ какой высокой температурѣ водой, въ присутствіи только-что образовавшагося воздуха или угольной кислоты, могла возникнуть жизнь? При чемъ тутъ эволюція, когда эволюционировать было еще нечему?

А разъ даже на землѣ мы принуждены допустить существованіе въ прошломъ такихъ условій, какихъ никогда не наблюдали и понять не можемъ, то что же говорить о вселенной? Вѣдь, въ ней могутъ быть такіе уголки, въ которыхъ самые основные законы нашей земной физики нарушаются, благодаря особымъ условіямъ обстановки. Почему не допустить, напимѣръ, что гдѣ-либо, можетъ быть, не дальше, какъ на нашемъ Солнцѣ, существуетъ такой жаръ или холодъ,

такое высокое или низкое давление, вообще — такая условія, при которыхъ матерія исчезаетъ, сплошь превращаясь въ энергію или наоборотъ? Почему не допустить даже, что то и другое исчезаетъ безслѣдно или возникаетъ изъ ничего, то-есть, въ сущности, изъ «невѣдомаго»?*)

Вѣдь мы пугаемся такихъ допущеній исключительно въ силу привычки (всего лишь столѣтней) думать, что матерія и энергія неразрушимы, — привычки, обусловленной только отрицательными доказательствами, да научнымъ взглядомъ на вселенную, въ свою очередь такую привычку обуславливающимъ (petitio principii), а для разума человѣческаго, разума, повсюду ищущаго причинъ и цѣлей, во всемъ видящаго волю, такое допущеніе почти неизбѣжно. Оно сразу дало бы намъ и первыя причины и конечныя цѣли, такъ какъ самопроизвольное зарожденіе, или довременное существованіе свободной и разумной воли — «въ началѣ бѣ слово» — пожалуй, гораздо понятнѣе самопроизвольнаго зарожденія или довременнаго существованія инертной матеріи и подзаконной энергіи. Разумную-то волю мы вѣдь видимъ въ насъ самихъ, а разъ она есть въ насъ, то должна быть и во вселенной, такъ какъ мы суть часть послѣдней.

Все это я говорю лишь къ тому, чтобы указать, какъ ничтожны еще наши знанія о природѣ и до какой степени шатко, стало быть, основанное на нихъ научно-космологическое міровоззрѣніе, несмотря на полную точность фактовъ и логическую правильность идей, послужившихъ для него матеріаломъ. Слишкомъ мало этихъ фактовъ, слишкомъ узки и коротки эти идеи — вотъ въ чемъ бѣда.

А между тѣмъ это самое міровоззрѣніе претендуетъ на абсолютную неизблемость и служитъ аршиномъ при оцѣнкѣ или критикѣ разныхъ мистическихъ и спиритуалистическихъ концепцій вселенной. Слѣдуетъ признаться, положимъ, что, будучи созданы во времена сравнительнаго младенчества разума, эти концепціи, въ

*) Теперь ученые уже говорятъ объ «исчезновеніи матеріи» (Густавъ Лебонъ) и о томъ что она есть «явленіе временное» (Лоджъ).

большинствѣ случаевъ и такой критики не выдерживаютъ, особенно въ томъ, что касается разработки подробностей. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мистика вообще была недопустима и несомѣстима съ наукою, чтобы она была только «насъ возвышающимъ обманомъ». Согласно требованіямъ инстинкта вѣчной жизни, разумъ, по-моему, обязанъ создать ее, какъ онъ создаетъ теперь различныя соціологическія гипотезы въ угоду инстинкту общественному или семейному. Для того, чтобы наука ужилась рядомъ съ мистикой, она должна только отказаться отъ излишней узости, прямолинейностей и предвзятыхъ идей, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о созданіи всеобъемлющихъ гипотезъ, составляемыхъ при участіи чувства и воображенія. Мистикъ же придется тогда быть нѣсколько сдержаннѣе и дать въ своихъ концепціяхъ мѣсто разуму, вооруженному положительными знаніями, которымъ эти концепціи отнюдь не должны противорѣчить. Мистика, однимъ словомъ, начнется тамъ, гдѣ кончается наука, то-есть именно на границахъ извѣстнаго съ «невѣдомымъ». Она должна стать рабочей гипотезой науки, при чемъ послѣдняя, изъ «служанки» въ прошломъ и довольно-таки грубой, деспотической госпожи въ настоящемъ, превратится въ равноправную сотрудницу и помощницу мистики. Идя врозь, какъ теперь, другъ друга не признавая, онѣ до истины никогда не доберутся и концепціи, создаваемыя каждою изъ нихъ въ отдѣльности, всегда будутъ оказываться односторонними, не удовлетворяющими то разуму, то чувству — вполне равноправнымъ орудіямъ познания истины.

Примѣромъ можетъ служить вотъ хоть бы то рѣшеніе нѣкоторыхъ вѣчныхъ вопросовъ, которое предлагаетъ проф. Мечниковъ въ третьей части своей книги.

XV.

Первая глава этой части посвящена сравненію заслугъ религіи и точной науки передъ человѣчествомъ. Пытаясь сгладить дисгармоничность природы человѣка,

проявляющуюся, между прочимъ, въ наклонности организма къ порчѣ, къ заболѣванію, всѣ религіи, съ древнѣйшихъ временъ, заботились о мѣрахъ къ предупрежденію болѣзней—создавали гигиену и діететику, основанныя на догмахъ и вводимыя въ ритуаль; предписывали людямъ воздержаніе отъ всякаго рода излишествъ и страстей, особенно сильно разрушающихъ здоровье, и даже выработали особую терапію, которая, однако же, не шла далѣе жертвоприношеній, молитвъ и разнаго рода мистическихъ актовъ, направленныхъ къ изгнанію изъ больного злыхъ духовъ, отъ которыхъ болѣзни считались зависящими.

Съ тѣмъ, что въ гигиеническихъ предписаніяхъ различныхъ вѣроучителей встрѣчается много весьма разумнаго, основаннаго на опытѣ, согласенъ и самъ авторъ, но мистическая терапія и таковая же санитарія, по его мнѣнію, принесли человѣчеству больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ спасти людей отъ смерти не могли, а развитію научной терапіи и санитаріи препятствовали. Оспа, проказа, холера и, въ особенности, чума опустошали когда-то Европу, и только послѣ эмансипаціи науки, приложившей свои методы къ ихъ изслѣдованію, могли быть прекращены. Въ настоящее время мы уже не боимся этихъ бичей человѣчества, такъ же какъ и всякихъ другихъ инфекціонныхъ заболѣваній (дифтерита, напимѣръ, а также гнилостныхъ процессовъ, сопровождающихъ роды, травматическія поврежденія всякаго рода и проч.), а кромѣ того, можемъ надѣяться и на то, что наука сладитъ, наконецъ, и съ тѣми болѣзнями, которыя до сихъ поръ ускользали отъ ея воздѣйствія (ракъ, туберкулезъ и проч.).

Все это правда, конечно, и за все это—какъ и за многое другое—человѣчество должно быть вѣчно благодарнымъ точной наукѣ. Но благодарность не исключаетъ критики, такъ какъ иначе она превратилась бы въ слѣпое обожаніе. Сама наука, основанная на критикѣ и сомнѣніи, не можетъ этого для себя требовать. Какъ ни много сдѣлала она для человѣчества, но, должно быть, самое главное позабыла — иначе люди не испытывали бы теперь «общаго недомоганія» и

не стремились бы отдѣлываться отъ жизни, устроенной, повидимому, такъ рационально и счастливо.

Авторъ и самъ это сознаетъ. Передавая сѣтованія Ж. Ж. Руссо, Л. Н. Толстого и Брюнетьера на то, что наука не выполнила своихъ обѣщаній—разъ навсегда, самымъ неоспоримымъ образомъ рѣшить для человѣка тѣ *вѣчные* вопросы, безъ рѣшенія которыхъ онъ жить не можетъ, профессоръ Мечниковъ соглашается, что это правда, и даже спрашиваетъ себя: «Не лучше ли будетъ остановить разрушительное движеніе науки впередъ», такъ какъ «стремленіе людей къ свѣту знанія столь же вредно для нихъ, можетъ быть, какъ стремленіе ночныхъ бабочекъ къ огню».

Прежде чѣмъ отвѣтить на такой вопросъ, онъ считаетъ нужнымъ, однако же, изучить факты, относящіеся къ дѣлу, что и выполняетъ въ двухъ слѣдующихъ главахъ, представляющихъ высокій научный интересъ, почему я ограничусь простой передачей ихъ содержанія.

XVI.

Исходя изъ той мысли, что наука, успѣвшая болѣе или менѣе справиться съ однимъ изъ послѣдствій дисгармоничности человѣческой природы—съ ея болѣзненностью, не только не справилась еще съ другими такими послѣдствіями—старостью и смертью, но даже ничего почти не знаетъ объ этихъ явленіяхъ, авторъ полагаетъ, что настало время изучить ихъ поподробнѣе.

О первомъ изъ нихъ, мы, по его словамъ, знаемъ лишь слѣдующее:

Какъ люди, такъ и высшія животныя, по мѣрѣ приближенія къ старости, худѣютъ, сѣдѣютъ, ослабѣваютъ, теряютъ зубы—однимъ словомъ, подвергаются старческой атрофіи, вслѣдствіе чего организмъ ихъ становится менѣе стойкимъ и легко уступаетъ всякимъ болѣзненнымъ вліяніямъ. Бываютъ даже случаи, когда причину смерти глубокихъ стариковъ трудно опредѣлить, такъ что она считается *естественной*, то-есть послѣдовавшей не отъ болѣзни, а отъ естественнаго прекращенія всѣхъ функцій организма.

Тѣ же самыя явленія замѣчаются и у растений. Но вотъ у животныхъ низшихъ, напримѣръ, у инфузорій, старческое истощеніе имѣетъ нѣсколько другой характеръ. Во-первыхъ, оно замѣчается у нихъ лишь послѣ длиннаго ряда поколѣній (инфузоріи размножаются, какъ извѣстно, простымъ распаденіемъ недѣлимаго на два новыхъ животныхъ), а во вторыхъ—совершенно изглаживается спариваніемъ: два истощенныхъ индивидуума спариваются и затѣмъ вновь оказываются вполне жизнеспособными. Такой же эффектъ получается иногда отъ простого прибавленія бульона, или мозговой вытяжки къ культурамъ истощенныхъ инфузорій. Это явленіе нельзя, стало быть, считать настоящимъ старчествомъ, а скорѣе простой усталостью. Но въ чемъ же состоитъ собственно старость, то-есть неисправимое, ведущее къ смерти, измѣненіе тканей и функций организма?

Описавъ всѣмъ извѣстныя внѣшнія проявленія старости у обезьянъ, собакъ и птицъ, авторъ говоритъ, что самое характерное для нея измѣненіе представляетъ собою *склерозъ*, то-есть ненормальное разрастаніе соединительной ткани, въ ущербъ специфическимъ клѣткамъ различныхъ органовъ. Помимо склероза, начинающагося чаще всего со стѣнокъ артерій, у стариковъ замѣчается еще окостенѣніе хрящей и уменьшеніе количества минеральныхъ составныхъ частей въ костяхъ, почему послѣднія становятся болѣе хрупкими.

Въ общемъ, согласно изслѣдованіямъ самого профессора Мечникова, *старость характеризуется атрофіей благородныхъ, специфическихъ элементовъ тканей и замѣщеніемъ ихъ гипертрофированной соединительной тканью*. Въ мозгу, напримѣръ, исчезаютъ нервныя клѣтки, въ печени—печеночныя, и такъ далѣе, повсюду замѣняясь индифферентными, никакихъ специфическихъ функций невыполняющими клѣтками соединительной ткани. Такая замѣна сопровождается, конечно, ослабленіемъ всѣхъ функций организма и въ концѣ концовъ — смертью.

Но чѣмъ же, однако, весь этотъ процессъ обусловливается? Почему специфическія клѣтки тканей уступаютъ все мѣсто индифферентнымъ?

Опять таки, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ самого автора, подъ старость въ организмѣ происходитъ ожесточенная борьба между специфическими клѣтками разныхъ органовъ и такъ называемыми *фагоцитами*, роль которыхъ, вообще, лишь недавно начала выясняться.

Эти фагоциты суть сравнительно независимыя, въ большей части случаевъ подвижныя клѣточки, распространенныя по всему тѣлу. Однѣ изъ нихъ—маленькія, зарождающіяся въ костномъ мозгѣ и свободно плавающія въ крови (бѣлые кровяные шарики или лейкоциты), называются *микрофагами*, а другія, большія, сидящія въ тканяхъ—*макрофагами*. Въ здоровомъ тѣлѣ микрофаги служатъ защитниками организма отъ микробовъ разнаго рода. Какъ только гдѣ нибудь покажутся послѣдніе, такъ они, цѣлыми толпами, спѣшатъ напасть на врага и пожрать его.

Что касается макрофаговъ, то они гораздо больше по размѣрамъ, менѣе свободны (такъ какъ распространены главнымъ образомъ въ тканяхъ, а не въ жидкостяхъ) и занимаютъ преимущественно избавленіемъ организма отъ послѣдствій травматическаго поврежденія (кровяныхъ сгустковъ, выпотовъ разнаго рода и проч.), которыя они пожираютъ. Какъ макро, такъ и микрофаги обладаютъ, какъ будто бы, своей собственной чувствительностью и даже свободой выбора: «смотря по полученному впечатлѣнію, они приближаются къ тѣлу, которое его произвело, удаляются отъ него или остаются индифферентными»,—говоритъ авторъ.

Вотъ эти-то макро-и микрофаги, преимущественно первые, при наступленіи старости, и объявляютъ войну специфическимъ клѣткамъ организма. Авторъ ставалъ ихъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія—пожирающими почечныя клѣточки одного девяностолѣтняго старика, и мозговыя клѣточки столѣтней старухи. То же явленіе—главнымъ образомъ пожирание фагоцитами нервныхъ клѣтокъ—было замѣчено у старыхъ собакъ и попугаевъ.

Такую же роль играютъ фагоциты и въ процессѣ сѣднія волосъ. «Въ извѣстную минуту (а ин-

moment donné), — говоритъ авторъ, — клѣточки мякоти волоса начинаютъ возбуждаться; онѣ выходятъ изъ бездѣятельнаго состоянія, набрасываются на зерна пигмента (красящаго вещества волосъ) и пожираютъ ихъ», а потомъ «выходятъ изъ волоса или въ кожу, или наружу. приче́мъ волосъ становится обезцвѣченнымъ — сѣдымъ¹⁾).

Старость характеризуется, стало быть, оживленіемъ дѣятельности фагоцитовъ и борьбою ихъ уже не съ врагами организма, а съ его существенными, специфическими клѣточками.

Не задаваясь вопросомъ, почему, именно, въ данную минуту, фагоциты такъ оживляются и, вмѣсто защиты родного организма, бросаются его разрушать, авторъ пробуетъ только сблизить результаты причиняемаго ими разрушенія съ тѣмъ, которое обуславливается различными болѣзнями (алкоголизмомъ, сифилисомъ и проч.), приче́мъ приходитъ къ заключенію, что результаты эти одинаковы. Болѣзненный склерозъ похожъ на старческій; болѣзненное перерожденіе почекъ и нервной ткани похоже на то, которое является результатомъ старческаго. А если такъ, то старость, по мнѣнію автора, не можетъ считаться явленіемъ нормальнымъ, физиологическимъ и тоже есть особаго рода болѣзнь, съ которою, стало быть, слѣдуетъ бороться.

Изъ того, что сущность этой болѣзни состоитъ въ ослабленіи специфическихъ клѣточекъ организма, благодаря чему онѣ дѣлаются жертвами прожорливости фагоцитовъ, ясно слѣдуетъ и планъ борьбы со старостью. Планъ этотъ очень простъ: нужно предотвращать ослабленіе благородныхъ форменныхъ элементовъ тѣла, а буде оно уже совершилось, то стараться подкрѣпить ихъ чѣмъ-нибудь въ борьбѣ съ фагоцитами. Определенныхъ средствъ для того и другого въ наукѣ еще не существуетъ, но они мыслимы.

Принимая во вниманіе, что ослабленіе дѣятель-

¹⁾ Всѣ вышеописанные процессы иллюстрированы въ книгѣ снимками съ подлинныхъ препаратовъ.

ности специфическихъ клѣточекъ съ его послѣдствіями — склерозомъ и проч., совершается, вѣроятно, подъ вліяніемъ птомаиновъ (животныхъ ядовъ), выделяемыхъ микробами, кишачими въ кишечномъ каналѣ (подобно тому, какъ тѣ же измѣненія совершаются подъ вліяніемъ яда сифилитическаго, тоже микробнаго), слѣдуетъ прежде всего, культивировать флору и фауну кишекъ, не допуская развитія въ ней анаэробовъ (особенно вредныхъ видовъ) и покровительствуя развитію аэробныхъ микроорганизмовъ, скорѣе помогающихъ пищеваренію, чѣмъ разстраивающихъ его¹⁾. Съ этой цѣлью, по мнѣнію автора, мы во-первыхъ, должны держаться преимущественно растительной и молочной пищи, какъ менѣе подверженной развитію гнилостныхъ процессовъ; во-вторыхъ — не ѣсть ничего сырого, то-есть неподвергнутаго предварительной стерилизаціи, а въ третьихъ — вводить въ свой организмъ только такихъ микробовъ, которые устраняютъ гніеніе, содѣйствуя развитію кислотъ (главнымъ образомъ — молочной), что достигается употребленіемъ въ пищу кумыса, кефира или простокваши.

При помощи такихъ мѣръ, по мнѣнію автора, можно было бы задержать наступленіе старости, а стало быть и продлить жизнь человѣка.

Но если старость уже наступила, если благородные клѣтки тканей начинаютъ уже становиться жертвами фагоцитовъ, то и тогда еще не все потеряно: наука, можетъ быть, дастъ намъ средство подкрѣпить ихъ и ослабить ихъ противниковъ.

Такимъ средствомъ, по словамъ автора, могутъ служить специально подготовленные сыворотки, такъ называемыя *цитотоксическія*.

Подготавливаются эти сыворотки всегда одинаково: эмульсія, сдѣланная изъ растертыхъ клѣточекъ какого-

¹⁾ По поводу роли микробовъ въ кишечномъ каналѣ между учеными идетъ споръ. Одни полагаютъ, что эти микробы вообще необходимы для перевариванія пищи, а другіе считаютъ ихъ вредными. Тѣ и другіе доказываютъ справедливость своихъ мнѣній опытами. Авторъ держится средняго мнѣнія — аэробовъ считаетъ повидному полезными, а анаэробовъ — вредными.

нибудь органа (мозга, печени, почек и проч.) любого животного; прививается животному другого вида: послѣ нѣсколькихъ такихъ впрыскиваній, сыворотка крови послѣдняго животного становится ядовитой именно для тѣхъ клѣточекъ, которыя были взяты для прививки (убиваетъ или растворяетъ ихъ), но лишь тогда, когда она будетъ впрыснута въ большемъ количествѣ, а въ маломъ, напротивъ, усиливаетъ ихъ жизнедѣятельность. Для того, чтобы подкрѣпить нервныя, печеночныя или другія какія-нибудь клѣтки старѣющаго организма, стоитъ только, слѣдовательно, ввести въ этотъ организмъ *небольшое* количество соотвѣтствующей цитотоксической сыворотки.

По отношенію къ краснымъ кровянымъ шарикамъ человѣка, теорія эта уже подкрѣплена опытомъ: количество ихъ дѣйствительно увеличивается подъ вліяніемъ впрыскиванія сыворотки, подготовленной прививкою человѣческой крови лошадямъ. Но по отношенію къ тканямъ другихъ органовъ, такіе опыты не могли еще быть произведены, такъ какъ при теперешнемъ способѣ обращаться съ трупами (вскрытіе можетъ быть произведено только 24 часа спустя послѣ смерти) весьма трудно достать совершенно свѣжія ткани для составленія эмульсии. Авторъ горько и вполне справедливо жалуется на такіе порядки.

Что касается предположенія о зависимости старческихъ измѣненій отъ птомаиновъ, выделяемыхъ въ кишечномъ каналѣ микробами, то оно тоже подкрѣпляется какъ тѣмъ фактомъ, что птицы, не обладающія толстыми кишками, живутъ сравнительно дольше, чѣмъ тѣ, которыя ими обладаютъ (бѣгающія—страусы, напримѣръ), такъ и тѣмъ, что задержка фекальныхъ массъ въ кишкахъ человѣка и вообще гнилостныя процессы, въ нихъ совершающіеся, всегда сопровождаются выдѣленіемъ съ мочою разныхъ ненормальныхъ и вредныхъ для организма веществъ— фенола, крезола, индола, скатола и проч.

Планъ борьбы со старостью оказывается, такимъ образомъ, весьма основательнымъ и вполне рациональнымъ, въ особенности что касается діететической ея части. Легко можетъ быть, что люди дѣйствительно

сокращаютъ свою жизнь неподходящимъ питаніемъ и излишествами всякаго рода. Легко можетъ быть, также, что діета, предписываемая профессоромъ Мечниковымъ, дѣйствительно избавитъ ихъ отъ поступленія въ кровь вредныхъ птомаиновъ. Но, вѣдь, такая діета не представляетъ собою чего либо новаго на практикѣ: растительное питаніе, кислое молоко, умѣренность, развѣ не то же самое издревлѣ предписывали всѣ религіи своимъ адептамъ? Недаромъ, встарину, люди, исполнявшіе эти предписанія, жили дольше, чѣмъ мы живемъ теперь, что и самъ профессоръ Мечниковъ доказываетъ. Ново и весьма интересно тутъ только объясненіе причинъ такого явленія. Мы давно знали, что нужно быть умѣренными и ѣсть поменьше мяса, наука даже когда-то возставала противъ такого эмпирическаго знанія (вспомнить хотя бы нападки ея на посты, предписываемые религіей), но мы не знали почему. Теперь профессоръ Мечниковъ весьма остроумно и основательно объяснилъ намъ это. Спасибо ему, конечно.

Но причемъ же тутъ, все таки, дисгармоничность человѣческой природы, на которую онъ, въ концѣ концовъ, опять жалуется? «Наше страстное стремленіе жить,—говоритъ онъ,—находится въ противорѣчій съ недугами старости и краткостью жизни. Въ этомъ состоитъ величайшая дисгармонія природы человѣческой», зависящая будто бы почти исключительно отъ присутствія въ нашемъ организмѣ толстыхъ кишекъ, переполненныхъ вредными микробами. Но вольно жъ намъ переполнять ее ими. Вольно жъ намъ ѣсть то, что не слѣдуетъ, ѣсть больше, чѣмъ слѣдуетъ, даже не то, что мы хотимъ и больше чѣмъ хотимъ, да еще не заботиться о своевременномъ опростаніи толстыхъ кишекъ. Вѣдь жили же люди, встарину, гораздо дольше, несмотря на то, что обладали послѣдними; живутъ и теперь до ста лѣтъ и болѣе, не жалуясь ни на какихъ микробовъ. Не въ кишкахъ, значитъ, сила, а въ нашемъ неумѣннн пользоваться ими какъ слѣдуетъ, въ нашемъ презрѣннн (иногда на предразсудкахъ точной науки основанномъ) къ отчасти эмпирическимъ, отчасти инстинктивнымъ знаніямъ.

Можно злоупотреблять не только толстой кишкой, но даже и сердцемъ, и мозгомъ: попробуйте, напимъ, постоянно переутомляться физически или умственно и у васъ ни сердце, ни мозгъ не выдержатъ, но изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что они не нужны для человѣка или дисгармоничны.

Что касается вѣры автора въ спасительность цитотоксическихъ сыворотокъ, то про основательность ея, мнѣ вѣжется, ничего еще нельзя сказать. Поживемъ — увидимъ. Но во всякомъ случаѣ — честь и слава наукѣ за ея настойчивость въ объясненіи причинъ чловѣческаго горя вообще и въ присканіи средствъ въ его устраненію.

Не слѣдуетъ, однакожъ, и ей быть слишкомъ одностороннею: отыскивая причины старческаго ослабленія специфическихъ клѣтокъ организма, авторъ видитъ ихъ какъ будто бы въ однихъ птомаинахъ, выдѣляемыхъ микробами толстой кишки. А между тѣмъ, если хорошенько поискать, то найдутся, можетъ быть, и другіе агенты, не менѣе — если не болѣе — могущественные. Взять хоть бы, напимъ, различныя психическія воздѣйствія — горе, заботу, черезчуръ интенсивную борьбу за существованіе, скорѣе чѣмъ что либо другое изнашивающія организмъ. Развѣ человѣкъ, отъ внезапнаго горя, не сдѣлетъ иногда въ одну ночь (я самъ знаю такіе факты)? Развѣ беззаботные и обеспеченные люди не живутъ — *saetatis patibus* — дольше заботливыхъ и нуждающихся? Птомаины тутъ, я полагаю, ни при чемъ, равно какъ и сыворотки.

XVII.

И такъ, точная наука, устами профессора Мечникова, обѣщаетъ намъ продлить нашу жизнь, задержать наступленіе старости и сдѣлать послѣднюю безболѣзненной. Все это возможно, разумѣется, и очень хорошо, но вѣдь все это не устраняетъ смерти, а потому не можетъ удовлетворить инстинкту *вѣчной* жизни, не избавить насъ отъ страха и не сдѣлаетъ нашу земную жизнь болѣе осмысленной, не похожей на сказку про

блага бычка, «Пустая и глупая шутка» станетъ тогда лишь тянуться нѣсколько дольше.

Проф. Мечниковъ самъ это понимаетъ, и потому, въ третьей главѣ третьей части своей книги, переходитъ къ ближайшему разсмотрѣнію «проблемы смерти», сообщая предварительно, что, именно, наука знаетъ объ этой послѣдней.

Оказывается, что біологи, при ближайшемъ разсмотрѣніи этой проблемы, «тщетно искали доказательствъ» неизбѣжности смерти для всякаго живого существа. Они нашли, напротивъ того, что инфузоріи, и, вообще, всѣ одноклѣточные организмы *на самомъ дѣлѣ безсмертны*, го-есть, по крайней мѣрѣ, естественной смерти, какъ явленія фізіологическаго, внутренне-обязательнаго, для нихъ не существуетъ, хотя, конечно, они и гибнутъ миллиардами отъ причинъ *внѣшнихъ*, травматическихъ — отъ насилій.

Наблюдая жизнь этихъ существъ подъ микроскопомъ, изслѣдователи видѣли только постоянное и безпрестанное ихъ размноженіе, но ни одного *трупа* никогда не видали. Усталость, устраняемую спариваніемъ, о которомъ говорилось выше, нельзя конечно считать смертью. Теорія безсмертія низшихъ организмовъ «принята, поэтому, почти всѣми».

Но не одни только одноклѣточные животныя пользуются привилегіей безсмертія. Многіе полипы, черви, размножающіеся дѣленіемъ (аннелиды), также какъ клѣточки чловѣческаго организма, служащія для продолженія рода — яички и сперматозоиды — тоже безсмертны. Есть основанія считать безсмертными, между прочимъ, и нѣкоторыя растенія, напимъ — баобабы, живущіе по пяти — шести тысячъ лѣтъ и умирающіе только насильственно.

Наука, значитъ, по мнѣнію проф. Мечникова, имѣетъ нѣкоторое право не считать естественную смерть обязательной для всего живого, хотя въ настоящее время безсмертіе проявляется только на самыхъ низшихъ ступеняхъ органической жизни, да въ тѣхъ клѣточкахъ высшихъ организмовъ, которыя предназначены не для поддержанія индивидуума, а для продолженія рода. Эти клѣточки, между прочимъ,

хотя и составляют лишь часть вышеозначенных организмов, но обладают самостоятельностью почти в той же мѣрѣ, какъ одноклѣточные животные. Сперматозоиды, на примѣръ, «стремятся къ яичку, будучи руководимы особымъ запахомъ послѣдняго... нѣкоторыя вещества возбуждаютъ чувствительность и подвижность сперматозоидовъ и притягиваютъ ихъ, а другія—отталкиваютъ». Вообще, эти клѣточки обладаютъ нѣкотораго рода «душою», то-есть проявляютъ психическія способности, совершенно независимыя отъ того организма, коего часть онѣ составляютъ.

Признавъ, такимъ образомъ, необязательность смерти для живыхъ существъ вообще, и даже безсмертіе «души» одноклѣточныхъ организмовъ, наука не можетъ, однако же, не признать, что естественная смерть въ природѣ существуетъ, хотя констатировать ее, у животныхъ высшихъ, и въ особенности у человѣка, почти невозможно. Какъ бы долго не прожилъ этотъ послѣдній, но смерть его все таки будетъ насильственной, потому что, при ближайшемъ разсмотрѣніи, въ организмѣ его всегда найдутся поврежденія, ее обусловившія.

Самымъ чистымъ примѣромъ естественной смерти, по словамъ автора, является смерть такъ называемыхъ обыденокъ-эфемеридъ—маленькихъ крылатыхъ насекомыхъ бѣлаго цвѣта, которыя мириадами летаютъ въ известное время года надъ водою и, проживъ нѣсколько часовъ, мириадами же умираютъ. Совершенно беззащитныя и весьма трусливыя личинки ихъ по два—по три года живутъ въ рѣчной тинѣ, а затѣмъ превращаются въ крылатыхъ насекомыхъ. Кратковременная жизнь которыхъ специально посвящена любви и воспроизведенію. Исполнивъ свои обязанности, нанеся яичекъ, обыденки тотчасъ же умираютъ, причемъ никакихъ видимыхъ причинъ смерти въ организмѣ ихъ открыто не было: ни усиленная фагоцитоза, ни какихъ-либо микробовъ, могущихъ обусловить эпидемію, авторъ никогда въ этомъ организмѣ не замѣчалъ—все органы сохраняли свое обычное строеніе и находились, повидимому, въ прекрасныхъ условіяхъ для функціонированія.

Нѣкоторые ученые пробовали объяснить смерть обыденокъ истощеніемъ отъ любви, но и это предположеніе оказалось несостоятельнымъ, такъ какъ многія изъ нихъ—особенно самцы, которыхъ гораздо больше, чѣмъ самокъ—умираютъ, даже не исполнивъ своего предназначенія, не попользовавшись любовью и не оставивъ потомства.

Такимъ образомъ, смерть обыденокъ является чисто естественной, предначертанной въ постройкѣ ихъ организма, не обладающаго даже органами жеванія и пищеваренія, то-есть не нуждающагося въ пищѣ.

И вотъ, будучи предназначены къ скорому уничтоженію, обыденки нисколько его не боятся. По словамъ проф. Мечникова, онѣ совершенно лишены инстинкта самосохраненія и свободно даютъ поймать себя, то есть просто и спокойно взять руками. Такого равнодушія обыденокъ къ жизни, никакъ нельзя объяснить ни недостаткомъ чувствительности—органы зрѣнія и осязанія развиты у нихъ даже гораздо больше чѣмъ у ихъ личинокъ, очень пугливыхъ и осторожныхъ, какъ выше сказано—ни недостаткомъ средствъ къ защитѣ, такъ какъ летаютъ и вообще двигаются онѣ очень легко.

По мнѣнію автора, изъ этого слѣдуетъ, что обыденки умираютъ охотно, что инстинктивное желаніе жизни замѣнилось у нихъ таковымъ же желаніемъ смерти.

Вотъ къ такой-то замѣнѣ проф. Мечниковъ и желалъ бы привести человѣка, путемъ очень долгой и вполне нормальной жизни, которая вполне удовлетворила бы его жизненному инстинкту и мало по малу свела бы послѣдній на инстинктивное желаніе смерти. Возможность такого исхода авторъ доказываетъ нѣсколькими примѣрами стариковъ разнаго возраста, для которыхъ смерть казалась не только не страшною, но даже желанною, какъ сонъ усталому человѣку.

Нечего и говорить, конечно, что человѣчество должно быть вѣчно благодарно наукѣ вообще, и проф. Мечникову въ частности, за сообщеніе такихъ интересныхъ и несомнѣнно точныхъ свѣдѣній о фактахъ, касающихся кажущагося безсмертія одноклѣточныхъ организмовъ и

естественной смерти обыденокъ; но съ разсужденіями, высказанными имъ по поводу этихъ фактовъ, опять таки ни въ одномъ пунктѣ нельзя согласиться.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что авторъ не опредѣляетъ, что такое смерть «естественная». Судя по описанію такой смерти у обыденокъ, надо думать, что онъ считаетъ таковою смерть *безпричинную*. Въ самомъ дѣлѣ—болѣзни никакой нѣтъ, все органы сохранили свое обычное строеніе и находились въ прекрасныхъ условіяхъ для функціонированія, внѣшнихъ насилій не было, а животное тѣмъ не менѣ умираетъ.

Можетъ ли это быть, однакоже? Не отказываясь отъ научныхъ понятій о матеріи, объ энергіи, объ организмѣ, о причинности—можно ли допустить смерть безпричинную?

Авторъ говоритъ, впрочемъ, что обыденки не могутъ жить долго, потому что «родятся нежизнеспособными (*non vitalis*), лишенными органовъ, безъ которыхъ жизнь невозможна». Но, вѣдь, если бы она была дѣйствительно невозможна, то онѣ бы и не жили, а между тѣмъ, нѣкоторыя изъ нихъ живутъ даже по нѣсколько дней. Значитъ онѣ все таки жизнеспособны, но способность жить заложена въ нихъ природою на очень короткий срокъ. Непосредственной причиной ихъ смерти является, стало быть, *истощеніе* этой способности—слишкомъ быстрое истощеніе организма, зависящее оттого, что онъ, при большихъ затратахъ энергіи на половой актъ, не получаетъ пищи. Но разъ—истощеніе, то, значитъ, органы обыденокъ не могли «сохранить обычнаго своего строенія», такого, какое они имѣли вначалѣ, когда жизнь была возможна, и потому смерть ихъ все же является *патологической*, по терминологіи автора, хотя онъ и не нашелъ въ ихъ организмѣ никакихъ измѣненій¹⁾.

По моему, это есть смерть отъ голода, обусловлен-

¹⁾ Да и странно было бы, еслибы онъ ихъ нашелъ. Неужели мы такъ хорошо знаемъ анатомію и физиологію обыденокъ, чтобы замѣтить малѣйшія измѣненія въ ихъ организмѣ, когда, пожалуй, не найдемъ таковыхъ и въ организмѣ человека, отравленнаго дигиталиномъ или синильной кислотой, а можетъ быть, даже и умершаго отъ голода?

наго отсутствіемъ пищеварительныхъ приспособленій. Голодомъ же—апатіей, зависящей отъ крайняго истощенія, а вовсе не развитіемъ инстинкта смерти—объясняется, я думаю, и покорность обыденокъ судьбѣ.

Несмотря, однакоже, на такую «патологичность» смерти обыденокъ, я, все таки, вмѣстѣ съ авторомъ, считаю ее естественной, потому что она произошла отъ причинъ внутреннихъ, неустранимыхъ и заранѣе предрѣшенныхъ—не была дѣломъ случая. Вообще, *естественной смертью*, мнѣ кажется, слѣдуетъ считать такое прекращеніе жизни, которое обусловлено естественными измѣненіями организма, произведенными нормальнымъ ходомъ самой жизни, безъ пособія слишкомъ необычныхъ и рѣзкихъ травмъ, ускоряющихъ изнашиваніе тканей.

Проф. Мечниковъ, повидимому, не признаетъ такого изнашиванія, а между тѣмъ оно обязательно. Вѣдь, если жизнь есть борьба организма съ окружающими условіями—а она такова и есть—то на нее слѣдуетъ смотрѣть, какъ на затрату энергіи и какъ на рядъ неизбежныхъ травмъ, потому что борьба немислима безъ того и другого. Всякое усиліе сопровождается тратой энергіи и травматическимъ поврежденіемъ. Человѣкъ не можетъ сдѣлать ни одного движенія, не растягивая какихъ либо клѣточныхъ элементовъ своего организма или не давя на нихъ; я не могу проглотить ни куска пищи, не царапая слизистой оболочки моего пищеварительнаго канала и не заставляя железы его усиленно работать; я не могу вздохнуть, безъ того, чтобы не измѣнить довольно рѣзко температуру моихъ легкихъ.

Но вѣдь безпрестанная затрата энергіи и непрерывный рядъ травмъ не можетъ же не отозваться на тканяхъ, имъ подвергающихся, не можетъ не вызвать изнашиванія этихъ тканей, хотя бы онѣ и возобновлялись съ помощью обмѣна веществъ. Вѣдь этотъ обмѣнъ достается клѣточкамъ тоже не даромъ—онѣ, опять таки, должны затрачивать на него энергію. И если бы даже вся эта энергія шла только на самое возобновленіе тканей, если бы клѣточки тратили ее эгоистически, единственно на свои собственные нужды, то и тогда бы онѣ все же изнашивались—расходъ

всегда бы былъ больше прихода, потому что никакая работа не можетъ быть сплошь производительной.— Часть энергіи, хотя бы самая минимальная, всегда потратится даромъ, на одно только преодоленіе препятствій. Это коренной законъ механики.

Только упуская этотъ законъ изъ виду, авторъ можетъ говорить о *безсмертіи* какихъ бы то ни было матерьяльно и пространственно ограниченныхъ живыхъ существъ. Какъ бы ни были малы доли энергіи, затрачиваемой ими непроизводительно, но изъ этихъ долей накапливается дефицитъ, который рано или поздно поглотитъ весь приходъ. Смерть для всякаго живого существа неизбежна, но быстрота ея наступленія находится въ зависимости отъ отношенія между приходомъ и расходомъ энергіи. У существъ одноклѣточныхъ, живущихъ чисто эгоистической жизнью, тратящихъ энергію только на то, чтобы поглощать пищу и выводить ея отбросы, отношеніе это велико, и потому дефицитъ накапливается медленно, жизнь можетъ тянуться дольше¹⁾; но у клѣточекъ, входящихъ въ составъ сложнаго организма, дефицитъ долженъ накапливаться гораздо быстрее, потому что онѣ принуждены тратить энергію не только на себя лично, на свои надобности, но и на нужды этого организма. Какая-нибудь печеночная клѣточка должна не только сама питаться, а и вырабатывать желчь, да еще не тогда, когда ей это удобно, а тогда, когда того потребуетъ секреторный нервъ. Ей приходится *дѣлать усилие*, то есть увеличивать дефицитъ энергіи, а стало быть изнашиваться быстрее, чѣмъ это было бы, еслибы она жила одна, своей личной жизнью.

Вотъ такое то изнашивание—обязательное и неиз-

¹⁾ Хотя, все таки не бесконечно. Если проф. Мечниковъ никогда не видалъ трупа инфузори, то вѣдь, во первыхъ, долго ли онъ смотрѣлъ на одно и тоже животное, а во вторыхъ—что такое трупъ инфузори? Не есть ли это почти незамѣтный, совершенно прозрачный обрывокъ ея оболочки, тотчасъ же поглощаемый сосѣдями? Какое множество разнообразныхъ животныхъ, и притомъ крупныхъ—медвѣди, волки, рыси, лоси—живетъ въ лѣсу, а часто ли мы видимъ не только ихъ трупы, но даже кости?

бѣжное, должно, въ концѣ концовъ, обусловить измененія въ тканяхъ организмовъ, долго жившихъ или интенсивно борющихся. Эти измененія и приведутъ организмъ, рано или поздно, къ полной негодности—старости, дряхлости, а затѣмъ и къ смерти. Весь этотъ рядъ явленій, по моему, обязательенъ для всякаго живого существа въ силу законовъ механики; а потому, рискуя прослыть еретикомъ, невѣждой, чѣмъ угодно, я не могу повѣрить въ безсмертіе даже одноклѣточныхъ организмовъ, хотя бы оно было признано наукою, какъ увѣряетъ проф. Мечниковъ, тѣмъ болѣе, что послѣдняя, въ данномъ случаѣ, можетъ сослаться только на отрицательныя доказательства—на отсутствіе труповъ инфузорій подъ микроскопомъ, да на бесконечное, повидимому, ихъ размноженіе, хотя при послѣднемъ, инвидуумъ, собственно говоря, умираетъ, замѣняясь двумя новыми.

Не могу я также признать естественною только ту смерть, которая не сопровождается никакими измененіями въ организмѣ. Такой смерти быть не можетъ—она была бы безпричинною. Измененія должны быть даже при чистой старческой атрофіи, которую едва ли кто-нибудь видѣлъ, такъ какъ прожить жизнь не хвораая никому не удастся. Да и какъ распознать эту атрофію, если она, по словамъ проф. Мечникова, выражается такимъ же склерозомъ, какъ при сифилисѣ или алкоголизмѣ? Не проще ли будетъ предположить, что склерозъ ли есть проявленіе старости, въ какомъ бы возрастѣ онъ ни появлялся. Не все ли равно—въ десять лѣтъ изнасились ткани моего организма, или въ пятьдесятъ? Въ первомъ случаѣ тоже будетъ старость, но старость преждевременная, обусловленная черезчуръ концентрированной, такъ сказать, жизнью—безразсчетной тратой энергіи, ускоряющей накопленіе дефицита. Смерть отъ такой старости тоже будетъ естественной, хотя и преждевременной. Насильственной же смертью можно назвать только такую, которая причинена случайной, внезапно подѣйствовавшей и сильной травмой (въ широкомъ смыслѣ этого слова).

Точныхъ границъ, впрочемъ, между естественной и насильственной смертью провести невозможно, да

въ приложеніи къ вопросу о безсмертіи и не нужно, такъ какъ, разъ организмъ можетъ быть уничтоженъ, хотя бы насильственно, то земного безсмертія нѣтъ и быть не можетъ, а стало быть и страхъ смерти не устранимъ—возможность насилія всегда будетъ висѣть дамокловымъ мечемъ надъ смертными, сколько бы они ни прожили.

XV.

Послѣдняя глава книги профессора Мечникова заключаетъ въ себѣ выводы изъ всего, имъ сказаннаго.

Начинаетъ онъ эту главу повтореніемъ основной своей мысли: будучи потомкомъ обезьяны, человѣкъ наслѣдовалъ отъ нея организацію, неприспособленную къ той обстановкѣ, въ которую ставить его высоко развитой интеллектъ; отсюда—дисгармонія, обуславливающая всѣ бѣдствія человѣчeskія и, главнымъ образомъ, невозможность помирить жизненный инстинктъ съ неизбѣжностью смерти, которую онъ ясно сознаетъ; а отсюда—стремленіе создавать ребячeskія иллюзіи о безсмертіи души и ошибочныя концепціи устройства вселенной, только ухудшающія положеніе человѣка, потому что онѣ дѣлаютъ его суевѣрнымъ, пассивнымъ и способнымъ лишь къ тупой покорности неумолимой судьбѣ.

Къ счастью человѣчества, коллективный разумъ его, въ формѣ точной науки, успѣлъ мало-по-малу взять верхъ надъ дисгармоничными инстинктами, и во многомъ измѣнить къ лучшему, когда-то на нихъ однихъ основанную жизнь. Но человѣчество этимъ не удовлетвоялось. Съ нѣкотораго времени оно все настойчивѣе и настойчивѣе начинаетъ требовать отъ науки не только рѣшенія практическихъ вопросовъ обыденной жизни, но и созданія концепцій, которыя могли бы удовлетворить инстинкту вѣчной жизни.

Не находя, въ наличной дѣйствительности, никакихъ основаній для удовлетворенія этого инстинкта, считая его дисгармоничнымъ и требованія человѣчества праздными, наука долго молча собирала факты для доказательства справедливости такого своего мнѣнія, но

теперь она ихъ собрала и считаетъ себя способной категорически отвѣтить на предложенные ей вопросы. Вотъ ея отвѣтъ:

«Откуда мы произошли? Не есть ли человѣкъ образъ Божій, вмѣщающій въ себѣ божественную, безсмертную душу?»—Спрашиваетъ человѣчество. «Нѣтъ, —отвѣчаетъ наука,—человѣкъ есть въ нѣкоторомъ родѣ обезьяній выродокъ (avorton), одаренный высоко развитымъ умомъ и способный пойти очень далеко. Мозгъ его выполняетъ очень сложныя и возвышенныя функціи... но эти функціи отнюдь несомѣстимы (incompatibles) съ существованіемъ безсмертой души».

«Что насъ ожидаетъ? Есть ли смерть полное уничтоженіе, или она есть начало новой, безконечной жизни? Въ первомъ случаѣ, какъ помириться съ ея неизбѣжностью?»—«Безсмертія сознательной души наука допустить не можетъ, такъ какъ сознание есть функція нѣкоторыхъ элементовъ нашего организма, которые не могутъ жить вѣчно». Безсмертіе есть удѣлъ однихъ только низшихъ существъ, не обладающихъ сознаниемъ. Мысль о смерти кажется намъ невыносимой лишь потому, что мы теперь умираемъ не закончивъ своей физиологической эволюціи.

«Для чего мы живемъ? Имѣетъ ли наша жизнь какую-нибудь цѣль и какую именно? Не есть ли она простая и безцѣльная случайность?»

На этотъ вопросъ наука, устами профессора Мечникова, отвѣчаетъ далеко не такъ категорически рѣзко, потому, вѣроятно, что ей самой ея отвѣтъ кажется нѣсколько уклончивымъ, неопредѣленнымъ.

«Не должна ли, — говоритъ она, — цѣль человѣческаго существованія состоять въ прохожденіи полного физиологическаго цикла жизни, кончающагося нормальной старостью, потерей жизненнаго инстинкта, и появленіемъ инстинкта естественной смерти?»

Короче—цѣль жизни есть смерть. Это положеніе профессоръ Мечниковъ подкрѣпляетъ цитатами изъ Шопенгауэра и Бодлера.

Остановимся здѣсь на минуту и попробуемъ разсмотрѣть отвѣты точной науки повнимательнѣе.

«Человѣкъ есть обезьяній выродокъ». Да будто бы

это уже совершенно точно доказано? Полагаю, что и самъ профессор Мечниковъ, положи руку на сердце, принужденъ будетъ сознаться, что это только догадка, —вѣроятная, допустимая, но все таки догадка, а *точной наукѣ* не полагается выдавать догадки за истину. Это прилично только мистикѣ.

Но и не въ обезьянѣ, впрочемъ, дѣло. Задавая свой вопросъ: откуда мы произошли?—человѣчество вовсе не желало знать, кто наши предки. Пусть они будутъ обезьяны, пусть — тараканы, это рѣшительно все равно. Задавая свой вопросъ, *человѣчество (образованное* *человѣчество*—темная масса къ наукѣ съ такими вопросами не обращается) желало знать, откуда взялись сами эти предки, кто бы они ни были: откуда взялась *жизнь* вообще, и правда ли, что въ ней есть нѣчто вѣчное, безсмертное, внутренне свободное, въ особенности сконцентрированное и ярко выраженное въ *человѣческой психикѣ*, «душѣ», которая потому-то и считается «образомъ и подобіемъ Божиимъ». Изъ самой постановки вопроса, задаваемого *человѣчествомъ*, видно, что дѣло въ немъ идетъ не о физиологическомъ, такъ сказать, нашемъ происхожденіи отъ какихъ бы то ни было предковъ, а о происхожденіи той психической энергіи, того «высоко-развитаго ума», который вѣдь и у обезьяныго выродка появился неизвѣстно почему и откуда. На этотъ вопросъ, значить, наука никакого отвѣта не дала.

«Безсмертія сознательной души наука допустить не можетъ... оно существуетъ лишь для существъ низшихъ, не одаренныхъ сознаніемъ». Да объ какомъ же безсмертіи идетъ здѣсь рѣчь? О земномъ? О «вѣчномъ Иванѣ Ивановичѣ?» Такое безсмертіе *человѣчество*, я полагаю, охотно уступило бы низшимъ существамъ, и не о немъ совѣмъ оно спрашивало. Въ невозможности земного безсмертія оно, пожалуй, сильнѣе убѣждено (по инстинкту, безъ доказательствъ), чѣмъ сама наука, допускающая таковое, хотя бы для низшихъ только существъ. *Человѣчество* спрашивало о безсмертіи «души», то есть, въ переводѣ на научный языкъ, той непонятной намъ, но ясно нами ощущаемой энергіи, которая въ насъ присутствуетъ—сознательностью, цѣлесообразностью и разнообразіемъ сво-

ихъ дѣяній отличаясь отъ всѣхъ другихъ міровыхъ энергіи, *Человѣчество* хочетъ знать, намъ ли исключительно свойственна эта энергія, или она вселенская? Погибнетъ ли она вмѣстѣ съ нами, или послѣ насъ будетъ одушевлять другія *какія-нибудь* существа, какъ гальваническій токъ, переставъ накалывать проволоку разбитой лампы, не гибнетъ вмѣстѣ съ нею, а начинаетъ проявляться какъ-нибудь и гдѣ-нибудь иначе. Вѣдь, и электрическій свѣтъ есть въ нѣкоторомъ родѣ *функція лампы*, которая также не можетъ жить вѣчно, какъ и клѣточки мозга, *функціей* которыхъ является психическая энергія.

Мы знаемъ, что наука не можетъ пока отвѣтить на такой вопросъ, но понять его (перевести съ общечеловѣческаго языка на свой собственный) она должна, а *понявъ*—должна скромно признаться, что она еще съ этой точки зрѣнія на предметъ не смотрѣла, а потому и отвѣта дать не можетъ.

«Цѣль *человѣческаго* существованія должна состоять въ прохожденіи полного, физиологическаго цикла жизни, кончающагося нормальной старостью, потерей жизненнаго инстинкта и появленіемъ инстинкта естественной смерти». Надо признаться, что этотъ отвѣтъ есть самый неудачный изъ всѣхъ трехъ: не даромъ онъ у автора предложенъ въ вопросительной формѣ, свойственной нерѣшительности и сомнѣнію.

Отвѣчать такимъ образомъ можно лишь на вопросъ *полнаго невѣжды*—полупидота—о такомъ дѣлѣ, о которомъ съ нимъ и толковать не приходится. Если бы такой невѣжда спросилъ у профессора Мечникова: съ какой цѣлью *человѣкъ* принимаетъ пищу? То профессоръ, желая поскорѣе отвязаться, могъ бы еще, пожалуй, отвѣтить ему: «для того, чтобы переполнить свой желудокъ и почувствовать вмѣсто аппетита отвращеніе», но *точной наукѣ* едва ли пристало отвѣчать такимъ образомъ на вопросы *человѣчества*.

Спрашивая: «Для чего мы живемъ? Имѣетъ ли наша жизнь *какую-нибудь* цѣль, и какую именно? Не есть ли она простая и безцѣльная случайность?» *человѣчество*, конечно, говоритъ не о тѣхъ цѣляхъ, которыя само себя ставитъ. Благополучное прохожденіе

полнаго фізіологическаго цикла жизни есть и всегда было частною цѣлью каждаго изъ насъ, какъ наполненіе желудка, когда ѣсть хочется. Но мы хотимъ знать, зачѣмъ намъ хотѣть ѣсть? Зачѣмъ проходить циклъ? На первый изъ этихъ вопросовъ, говоря съ человѣкомъ разумнымъ, профессоръ Мечниковъ отвѣтилъ бы, вѣроятно, полнымъ изложеніемъ ученія о питаніи организма, а на второй онъ, дѣйствительно, ничего отвѣтить не можетъ, потому что точная наука и этимъ вопросомъ никогда не занималась, да и считаетъ его празднымъ, согласно теперешнему своему міропониманію. Но такъ она и отвѣчать должна, потому что, отвѣтивъ иначе, роняетъ свое достоинство.

Итакъ, наука не отвѣтила надлежащимъ образомъ ни на одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ ей человекомъ. Убѣдившись въ этомъ, послѣдуемъ за авторомъ далѣе.

Смѣшавъ понятіе о цѣли съ понятіемъ объ *исходѣ*, онъ дѣйствительно признаетъ смерть единственной окончательно цѣлью человѣческаго существованія, но лишь по предварительномъ удовлетвореніи инстинкта жизни, то-есть желанія жить земною жизнью. До сихъ поръ человѣкъ удовлетворялъ этому желанію слѣпо, по указаніямъ своей натуры, но натура его—наслѣдіе предковъ—въ высшей степени дисгармонична и потому человѣкъ былъ несчастенъ, тѣмъ болѣе, что не зналъ ни цѣли своего существованія, ни лучшихъ средствъ къ ея достиженію (хотя въ былые годы и жилъ долѣе, и старость имѣлъ болѣе фізіологическую, и умиралъ естественнѣе,—какъ это оказывается двумя страницами далѣе). Но вотъ теперь явилась наука, которая беретъ судьбы человѣческія въ свои руки, обѣщая сгладить всѣ дисгармоничности и перестроить натуру человѣка по рациональному идеалу. Ей слѣдуетъ только предоставить полную свободу и дать всѣ средства для соотвѣтствующихъ работъ¹⁾.

Опредѣливъ, на первыхъ порахъ, цѣль человѣческа-

¹⁾ Здѣсь проф. Мечниковъ опять жалуется на неудобную регламентацію вскрытій и невозможность доставать свѣжія ткани человѣческаго организма, для производства эмульсій.

го существованія, наука поможетъ намъ опредѣлить и настоящую культуру, и настоящій прогрессъ, такъ какъ философы путаются въ этихъ опредѣленіяхъ.

Гербертъ Спенсеръ, напримѣръ, опредѣляетъ прогрессъ какъ «интеграцію матеріи, причѣмъ она переходитъ отъ неопредѣленнаго однообразія къ опредѣленному разнообразію», изъ чего выводитъ, что нравственность есть стремленіе къ возможно полной и продолжительной жизни, а полнота послѣдней есть для него синонимъ сложности, которая осуществляется цивилизаціей, значительно усложнившей и тѣмъ самымъ улучшившей нашу жизнь.

Авторъ съ этимъ совершенно не согласенъ. Онъ думаетъ, что усложненіе жизни (тщательная выработка ея подробностей) могло бы считаться улучшеніемъ только въ такомъ случаѣ, еслибы цѣлью человѣческаго существованія было счастье, въ эпикурейскомъ смыслѣ этого слова; но такъ какъ цѣль жизни есть достиженіе фізіологической старости и естественной смерти, эпикурейство недопустимо, потому что оно, напротивъ того, сокращаетъ жизнь, дѣлаетъ старость болѣзненной и влечетъ къ смерти преждевременно.

Если человѣкъ хочетъ жить нормально, стремясь къ цѣли, указанной ему наукою, то онъ долженъ прежде всего заботиться не о какихъ либо утѣхахъ эпикурейскаго характера, а о сглаженіи дисгармоничностей своей натуры, а для этого перейти на простую діету и простой образъ жизни своихъ предковъ (не обезьянъ, конечно), недопускаясь особой «дифференціаціи» ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни вообще въ обстановкѣ.

Роскошь, столь удобно входящая въ формулу прогресса, составленную Спенсеромъ, принесла уже много зла человѣчеству и не должна имѣть мѣста въ обществѣ, устроенномъ на научныхъ основаніяхъ и стремящемся къ цѣли, указанной наукою. Молодежь, уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ, должна устраивать свою жизнь согласно этому стремленію.

Подобно улью и муравейнику, въ которыхъ общественныя работы производятся существами безполыми отъ рожденія, въ будущемъ человѣческомъ обще-

ствѣ, построенномъ на научныхъ основаніяхъ, эти работы будутъ производиться индивидуумами, потерявшими полъ вслѣдствіе преклоннаго возраста. Тогдашніе «физиологическіе» старики, сохранившіе память и разумъ, гораздо лучше справятся съ дѣлами общественными, съ судомъ и политикой, чѣмъ неопытная и быстро мѣняющая свои взгляды молодежь, на долю которой останется, конечно, трудъ физическій и заботы о продолженіи рода.

Помимо суда и политики, на твердыхъ основаніяхъ установится тогда и нравственность. Мы теперь, какъ выше было сказано (въ главѣ объ инстинктѣ общественномъ), не знаемъ, кого намъ слѣдуетъ любить и кто намъ ближній, а тогда на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній возникнуть не можетъ: общее признаніе истинной цѣли человѣческаго существованія и общая вѣра во всемогущество науки, ведущей насъ къ этой цѣли, сплотятъ людей такъ же, какъ прежде сплечивали религіозные идеалы.

Двѣ новыхъ науки: *геронтологія* и *танатологія*, изъ коихъ первая займется изученіемъ старости, а послѣдняя—смерти, внесутъ громадныя измѣненія въ жизнь человѣческую, хотя теперь еще и нельзя сказать, удастся ли наукѣ достигнуть развитія въ человѣчествѣ инстинкта смерти. Надежды, впрочемъ, терять не слѣдуетъ. Инстинктъ этотъ спитъ теперь въ человѣкѣ, но его можно пробудить. При благоприятныхъ обстоятельствахъ, для этого достаточно будетъ нѣкоторой тренировки: «*Стойкость органовъ и формъ древяно происхожденія (d'origine extrêmement lo-intaine)*... даетъ надежду на то, что инстинктъ естественной смерти можетъ выйти изъ «потенціального состоянія», такъ какъ вѣдь даже вполне, казалось бы, атрофировавшіяся молочныя железы у мужчинъ, и тѣ, подъ влияніемъ необходимости и тренировки начинаютъ иногда функционировать...

Но для того, чтобы достигнуть такого блаженнаго состоянія, то-есть благополучнаго прохожденія полнаго цикла физиологической жизни, ведущаго къ развитію инстинкта смерти, человѣчеству придется еще много поработать. Прежде всего нужно, чтобы люди

увѣровали во всемогущество науки и отказались отъ суевѣрій, успѣвшихъ глубоко укорениться, а затѣмъ придется перестроить заново весь общественный бытъ и всѣ учрежденія, основанныя на старыхъ началахъ, въ особенности же, перемѣнить систему образованія.

Политика и мораль, конечно, тоже должны быть преобразованы (къ сожалѣнію, проф. Мечниковъ не указываетъ какъ) и первая изъ нихъ, то-есть всѣ функции общественнаго и государственнаго управленія, должны быть вручены специалистамъ — безполымъ, физиологическимъ старикамъ, — а не такъ, какъ теперь, когда всякій взрослый человѣкъ можетъ сдѣлаться избирателемъ, присяжнымъ и проч.

Все это потребуетъ многихъ жертвъ, конечно, *люди потеряютъ большую часть своей свободы*, но взаменъ того приобретутъ новую и уже навѣки нерушимую вѣру (въ науку), которая сплотитъ ихъ другъ съ другомъ прочнѣе, чѣмъ какая-либо другая, и обуздаетъ ихъ индивидуальныя эгоизмы.

Вообще, слѣдуетъ учиться у природы, осуществившей уже полный циклъ нормальной жизни, съ его естественнымъ исходомъ, у обыденокъ. Человѣкъ, однакоже, не долженъ довольствоваться тѣмъ, что ему дала эта природа, а поработать и самъ для своего счастья. Какъ онъ измѣнялъ натуру растений и домашнихъ животныхъ, такъ онъ долженъ измѣнить и свою собственную, чтобы сдѣлать ее болѣе гармоничной. А для этого слѣдуетъ предварительно составить себѣ идеаль будущаго, вполне гармоничнаго устройства тѣла и психики человѣческой и затѣмъ уже стремиться къ его осуществленію, при помощи тѣхъ средствъ, которыя создаетъ наука.

Если правда, что человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры, то единственной вѣрой, способной создать идеалы, которые бы соединили человѣчество подъ однимъ знаменемъ, можетъ быть вѣра въ могущество науки.

Такъ кончаетъ проф. Мечниковъ свою книгу...

XVI.

Господи, Боже мой! До кого отчаянія, до какого беспросвѣтнаго унынія, до какой потери всякаго вкуса къ жизни должно было дойти человѣчество, чтобы самые выдающіеся его представители, пожалуй, даже благодѣтели—крупные работники на поприщѣ науки и нравственно прекрасные, должно быть, люди (я не имѣю чести быть лично знакомымъ съ проф. Мечниковымъ)—додумались до признанія за идеаль обыденность, до зависти въ немъ, да еще назвали свою философію «оптимистической»!

Жить! Во что бы то ни стало и какъ бы то ни было жить какъ можно дольше, употребляя эту жизнь почти единственно на сохраненіе своего здоровья, отказываясь отъ всякихъ радостей и даже отъ свободы, заглушая всѣ свои инстинкты, не смѣя съѣсть сырого яблока, безпрестанно врыскивая себѣ различныя сыворотки и при всемъ этомъ ясно сознавая, что жизнь есть явленіе чисто случайное, ни на что природѣ ненужное, паразитическое и притомъ, несмотря ни на какія мои ухищренія, ежеминутно могущее быть прерваннымъ какою-нибудь случайностью! И все это для того только, чтобы хоть въ послѣдніе годы избавиться отъ страха неминуемой смерти и даже пожелать ее!

Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе?

И, вѣдь, не одинъ проф. Мечниковъ додумался до такого идеала. Собственно говоря, идеаль этотъ неизбеженъ для всѣхъ сторонниковъ механистическаго міропониманія, по темпераменту неспособныхъ стать эпикурейцами.

Но какъ могъ возникнуть такой идеаль, вообще, въ умѣ человѣка—существа, способнаго чувствовать не одинъ только страхъ смерти, способнаго даже побѣждать послѣдній, даже совсѣмъ забывать о немъ подъ вліяніемъ другихъ, болѣе достойныхъ его выскога въ земной природѣ положенія, идей и чувствъ? Какъ могъ возникнуть такой идеаль у людей, предки которыхъ, на всякомъ шагу приносили жизнь свою въ жертву «за други своя», или за идею—у потомковъ Леонида Спартанскаго, Муція Сцевола, Гусса,

патріарха Гермогена и множества другихъ подобныхъ, именъ которыхъ перечислить нѣтъ возможности? Какъ могъ возникнуть такой идеаль въ умѣ человѣка, который самъ принадлежитъ къ числу лицъ, «жертвовавшихъ, по его словамъ, своимъ здоровьемъ и жизнью для того, чтобы рѣшить какую-нибудь важную задачу: разъяснить, на примѣръ, нѣкоторые вопросы медицины, съ цѣлью вылѣчивать и спасать жизнь себѣ подобныя?»

Какъ? Да очень просто. Стоитъ только человѣку признаться свои врожденные инстинкты дисгармоничными, подлежащими заглушенію и, положившись на одно лишь «холодное вниманіе», сказать, что жизнь человѣческая есть чистая случайность—самъ себѣ довлѣющей, паразитической, какъ бы украденный у слѣпотаго хаоса, ни на что послѣднему не нужный, быстро проходящей и ни на чемъ никакого слѣда неоставляющей эпизодъ, какъ въ душѣ останется одно только желаніе: прожить этотъ эпизодъ какъ можно пріятнѣе. А тамъ ужъ дѣло темперамента и вкуса: одному будетъ пріятнѣе жить хоть не долго да беззаботно и весело, а другому—хоть и не весело и заботливо, но дольше. Первый, будучи эпикурейцемъ, станетъ цѣнить только одни матеріальныя наслажденія, а второй, будучи стоикомъ, станетъ цѣнить лишь согласованіе своихъ поступковъ съ «вышимъ разумомъ» или лучше сказать наукой, то есть съ выводами „холоднаго вниманія“.

Надо признаться, однакожь, что при данномъ міропониманіи эпикурейцы поступаютъ гораздо рациональнѣе стоиковъ.

Какой ужъ тутъ высшій разумъ, когда въ жизни вообще нѣтъ смысла. Зачѣмъ я буду, по совѣту проф. Мечникова, заботиться о перестройкѣ воспитанія и общественнаго быта, да приносить какія-то жертвы ради какого-то человѣчества, котораго и нѣтъ совсѣмъ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь понятіе о человѣчествѣ есть только обобщеніе, сдѣланное съ цѣлью классификаціи, для облегченія памяти, а въ дѣйствительности-то существуютъ лишь ничѣмъ другъ съ другомъ не связанные индивидуумы—Иваны, Петры, Сидоры—да и ихъ существованіе безсмысленно, и ему скоро придетъ во-

нецъ. Изъ-за чего же мнѣ съ ними перемониться, зачѣмъ съ ними «сплываться» подъ какимъ бы то ни было знаменемъ, да еще «теряя большую часть своей свободы»? Не проще ли прямо ихъ эксплуатировать не мытьемъ такъ катаньемъ, во имя наиприятнѣйшаго прохожденія полного цикла моей физиологической жизни?

Вѣдь, что бы ни говорили философы, психологи и социологи рационально-позитивныхъ толковъ, а безотчетные, нравственные стимулы, побуждающіе человѣка шадить своихъ ближнихъ и церемониться съ ними, только мѣшаютъ матеріальному, земному счастью, только стѣсняють земную, животную жизнь индивидуума. Вѣдь эпикурейцы-то правы, въ сущности, не считая нужнымъ стѣсняться нравственными побужденіями. Пожалѣвъ кого-либо, уступивъ кому-либо, потративъ часть жизни не на личное наслажденіе, а на тяжелую службу кому-либо или чему-либо, индивидуумъ сокращаетъ свою жизнь и совершаетъ преступленіе противъ кодекса естественной, животной нравственности, которая вся заключается въ одной только заповѣди: лови минуту наслажденія, ибо жизнь коротка и надо ею пользоваться. Ну, теперь, послѣ работъ проф. Мечникова надъ старостью, пожалуй, можно къ ней прибавить еще другую, тоже впрочемъ давно ужъ извѣстную — *festina lente* — наслаждайся, но съ оглядкою, дабы не сократить физиологическаго цикла твоей жизни.

А ужъ что касается разныхъ сантиментальныхъ правилъ нравственности, то ихъ пора бросить. Вѣдь, не только простить врага, на примѣръ, безъ всякой для себя выгоды, или воздержаться отъ подлаго, но прибыльнаго поступка, а даже бросить кость околѣвающей съ голоду собацѣ — и то глупо съ животной точки зрѣнія, и то вредно для индивидуума, которому эта кость когда-нибудь, зачѣмъ-нибудь можетъ еще понадобиться. Все это важно для общества, но какое же мнѣ дѣло до него?

Если нравственные поступки сами по себѣ, безъ всякаго расчета на полученіе какой-либо, гдѣ-либо и когда-либо награды, или выгоды, тоже доставляютъ

человѣку наслажденіе, такъ, вѣдь, это — уродство, безсмыслица съ точки зрѣнія «холоднаго вниманья»! Религіозныя ученія говорятъ, что мы должны быть нравственными изъ-за награды въ будущей жизни; позитивные социологи увѣряютъ, что нравственность необходима для земного процвѣтанія человѣчества. «Холодное вниманье» не допускаетъ, однакоже, ни того ни другого: перваго — потому что никакой загробной жизни нѣтъ и быть не можетъ, а втораго — потому, что человѣчество есть фикція, обобщеніе, на самомъ же дѣлѣ существуютъ только индивидуумы, для которыхъ важнѣй всего «ловить минуты наслажденья» въ настоящемъ и, пожалуй, въ будущемъ, но только своемъ собственномъ, а что станетъ съ тагъ называемыми «ближними», когда изъ индивидуума «лопухъ будетъ расти», до этого ему не можетъ быть никакого дѣла.

Забота о будущемъ, ужъ не только рода человѣческаго, а даже своихъ собственныхъ дѣтей, безсмысленна съ животной точки зрѣнія. Материнскій инстинктъ — верхъ безсмыслицы! За что про что бѣдная курица сокращаетъ циклъ своей жизни, лишая себя необходимой дѣятельности мышцъ и мучаясь при высиживаніи яицъ, когда впослѣдствіи ни она своихъ дѣтей не узнаетъ, ни они ее? Но если курица глупа то зачѣмъ же быть еще во сто разъ болѣе глупою женщиной, прямо всю жизнь свою отдающей дѣтямъ? Кому или чему она при этомъ служить? Что заставляетъ ее такъ поступать? Любовь? Но вѣдь это самый дисгармоничнѣйшій изъ инстинктовъ, наиболѣе мѣшающій правильному прохожденію физиологическаго цикла жизни! Его слѣдовало бы заглушить прежде всего. Чувство долга? Но кому же, наконецъ, и за что она должна? Да еслибъ на ней и дѣйствительно лежалъ долгъ, то съ какой стати отдавать его, когда свободно можно не отдать? Зачѣмъ человѣку быть честнымъ, когда совершенно достаточно *слыть* таковымъ, чтобы не побили?

Нѣтъ! Разъ жизнь человѣческая не имѣетъ цѣли внѣ себя самой, то эпикурейцы вполне правы. Лишенной всякаго основанія этикъ давно бы слѣдовало ис-

чезнуть, въ человѣческомъ родѣ по крайней мѣрѣ, способномъ сознательно сбрасывать съ себя путы всяческихъ суевѣрій и нелѣпыхъ привычекъ. Пусть глупыя куры высиживаютъ цыплятъ, а мы своихъ дѣтей станемъ бросать въ помойныя ямы, или даже не допускать ихъ зачатія, какъ это теперь все болѣе и болѣе входитъ въ моду. Вѣдь многолѣтнія — если не многотысячелѣтнія — попытки основать этику на расчетѣ, ни къ чему не привели, такъ же какъ и попытки объяснить ее наследственной привычкой, основанной на личной необходимости. Какая у первобытной курицы могла быть личная необходимость высиживать яйца? Разумныя насѣдки и теперь ее не видятъ и нисколько не хуже себя отъ этого чувствуютъ. Разумныя женщины тоже не видятъ никакой необходимости имѣть дѣтей, и тоже нисколько не хуже себя отъ этого чувствуютъ, если только прибѣгаютъ не къ выкидышамъ, а или къ бросанью новорожденныхъ младенцевъ въ яму, (пожалуй выкормивъ ихъ предварительно, что-бы не пострадать самимъ), или къ рациональному предупрежденію беременности, услужливо для нихъ придуманному... тоже представителями точной науки. Соберите-ка статистическія свѣдѣнія относительно выживанія дѣтскихъ матронъ и бездѣтныхъ эпикуреекъ — на чьей сторонѣ, *caeteris paribus* окажется преимущество въ смыслѣ прохожденія полного физиологическаго цикла жизни?

Да, а вотъ, вѣдь, несмотря на такія видимыя преимущества, выпадающія на долю «разумныхъ эгоистовъ» и эпикурейцевъ, даже каждый изъ нихъ, болѣе или менѣе невольнo и безсознательно, на всякомъ шагѣ совершаетъ уродливыя и бессмысленныя этические поступки — не можетъ не совершать ихъ и даже не жертвовать иногда изъ-за нихъ своею драгоценною жизнью, преодолевая инстинктъ самосохраненія. Вотъ, хоть бы матери. Вѣдь, все жъ-таки, надо признаться, что вполнѣ «разумныхъ» женщинъ очень мало. Большинство любитъ дѣтей, бережетъ ихъ, а если и рѣшится иногда, по легкомыслию, лишить себя материнства, то сильно потомъ въ этомъ кается, что такъ хорошо описалъ покойный Золя, въ своемъ «*Fécondité*».

Почему это? Зачѣмъ это? «Холодное вниманье» должно стать въ тупикъ передъ такими вопросами. Да ужъ и стало, собственно говоря. Чѣмъ оно объяснить этику? На выгодѣ, на расчетѣ, какъ мы видѣли, основать ее невозможно — мнѣ, индивидууму, всегда будетъ выгоднѣе эксплуатировать моихъ ближнихъ и надувать ихъ, чѣмъ служить имъ. На привычкѣ? Но откуда взялась привычка, и почему отъ нея не отдѣлаться, если она стѣснительна? «Природа, говорятъ иногда, заботится о продолженіи рода и потому вложила въ животныхъ семейный и общественный инстинкты, особенно сильно развитые у человѣка». Но такой языкъ не приличествуетъ «холодному вниманью», недопускающему въ природѣ ни цѣлей, ни сознательности. Это въ своемъ родѣ *hottot casu*. Это только мистикѣ впору. «Холодное вниманье» не можетъ признавать, что человѣческій родъ *нуженъ* природѣ. Оно могло бы заявить только, что появленіе на свѣтъ того «обезьяняго выродка», который сталъ родоначальникомъ человечества, было обязательно для его родительницы, въ силу какихъ-нибудь внутреннихъ условій ея организма, но вѣдь обязательно то только для матери, а для вѣшняго міра этотъ выродокъ былъ чистой случайностью. Да и удержаться на свѣтѣ онъ могъ тоже только случайно — уроды почти всегда гибнутъ. Если природа человѣка *теперь* дисгармонична съ обстановкою, по большей части, имъ самимъ для себя созданною, то насколько же дисгармоничнѣе она была съ обстановкою обезьяньей семьи, въ которой онъ выросъ?

А вотъ онъ, тѣмъ не менѣе, выросъ и размножился, всего вѣроятнѣе, потому, что въ явный убытокъ для себя, какъ индивидуума, и въ явное противорѣчіе здравому смыслу, *не можетъ* не заботиться не только о своихъ дѣтяхъ, не только о ближнихъ, но и о самомъ отдаленномъ потомствѣ, котораго, пожалуй, и не будетъ — потопа то мы вѣдь ужъ видали. Почему бы всѣмъ намъ теперь, отбросивъ ложный стыдъ и сантиментальныя разсужденія, не воскликнуть: *après nous le déluge?*

Почему бы намъ не послѣдовать благому при-

мѣру Іуды Искаріота и не заявить открыто, что своя рубашка всегда и во всѣхъ случаяхъ къ тѣлу бываетъ ближе? А вѣдь вотъ не рѣшимся! *Не можемъ* рѣшиться. А у кого изъ насъ и хватить на это духа, такъ тотъ, глядишь, пойдетъ потомъ да и повѣсится по примѣру того же Іуды.

Воля ваша—это не спроста. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, *horror vacui*, то есть нѣчто дѣйствительно существующее, но «холодному вниманью» пока еще недоступное.

Не пора ли точной наукѣ заняться изученіемъ дѣйствительныхъ причинъ этого *horror'a*? Не пора ли ей перестать отрицать гармоничность безотчетныхъ стремленій человѣка, или насильственно подводить ихъ подъ законы ей уже извѣстные, но къ нимъ неприменимые? Не увидитъ ли она въ нихъ—въ безотчетной человѣческой этикѣ, въ бессмысленномъ, съ земной точки зрѣнія, категорическомъ императивѣ, въ ребяческомъ инстинктѣ вѣчной жизни—приводныхъ ремней, идущихъ отъ изученнаго ею паровика въ недоступную для ея глаза даль вселенской фабрики, въ «невѣдомое»? Не откроются ли тогда для нея новыя перспективы, которыя, хотя заставятъ ее измѣнить теперешнему механистическому міропониманію и сблизиться съ презираемой ею мистикой, но во имя единаго для нихъ объекта—истины, и на благо человѣчества, испытывающаго теперь «общее недомоганіе» отъ напилья разума надъ чувствомъ?

Что такое мистика вообще? Но моему, это есть стремленіе человѣческаго разума проникнуть въ «невѣдомое» не съ аршиномъ науки—точнымъ, но слишкомъ еще короткимъ для измѣренія необъятнаго, а съ глазомѣромъ, съ природой данною способностью приблизительно оцѣнивать разстоянія. Такая оцѣнка, совершенно непригодная для величинъ, доступныхъ измѣренію при помощи аршина, одна только и годится для величинъ ему абсолютно недоступныхъ, но такихъ, измѣрить которыя, хотя бы приблизительно, въ высшей степени необходимо.

Впервые попадая въ неизвѣстную страну, путешественникъ не сразу же составляетъ точную ея карту, а сначала довольствуется небольшими чертежами,

сдѣланными отъ руки. Эти чертежи, впоследствии, во многомъ оказываются ошибочными, но безъ нихъ нельзя составить и карты: они даютъ возможность ориентироваться при составленіи послѣдней.

Никто, я думаю, не усомнится теперь въ томъ, что устройство вселенной, ея прошлое и ея будущее представляютъ для насъ загадку. Вѣдь мы только думали, лѣтъ сорокъ-пятьдесятъ тому назадъ, что окончательно ее разгадали, но это оказалось иллюзіей. Мы твердо знаемъ теперь, что аршинъ нашъ не только слишкомъ коротокъ для ея измѣренія, но и никогда не будетъ для того годиться. Сколько бы мы имъ ни мѣряли—неизмѣннаго всегда будетъ больше. Но не смѣривъ вселенной, хотя бы приблизительно, мы жить не можемъ, такъ какъ не можемъ опредѣлить своего къ ней отношенія, а потому даже и въ опредѣленіи отношеній другъ къ другу путаемся. Что же намъ остается дѣлать?

Намъ остается, я полагаю, прибѣгнуть къ глазомѣру, по крайней мѣрѣ за границами приложимости аршина. Но глазомѣръ—вещь субъективная, у каждаго онъ свой, хотя именно въ силу этого и выходитъ, что у однихъ онъ лучше, вѣрнѣе, а у другихъ—хуже, ошибочнѣе. Не могла ли бы точная наука, или вообще, высоко развитой и просвѣщенный разумъ стать судьбою, оцѣнщикомъ сравнительной точности индивидуальныхъ и групповыхъ глазомѣровъ? Мнѣ кажется—могла бы, но для этого ей, во-первыхъ, слѣдуетъ допустить глазомѣрное измѣреніе въ принципѣ, а во-вторыхъ—отказаться отъ претензіи на вѣковѣчную неизблемость своего собственнаго міропониманія, поскольку оно переходитъ за границы измѣримаго ея аршиномъ.

Короче—наука должна не только допустить, но признать разумность, даже почти неизбежность, для человѣка, мистической вѣры, основанной на необъяснимыхъ наукою, но вѣковѣчныхъ и настойчивыхъ безотчетныхъ стремленіяхъ—инстинктахъ, которые она теперь считаетъ дисгармоничными и намѣревается насильственно направлять, заглушать или искоренять. Право оцѣнивать различныя мистическія концессіи,

всегда останется, конечно, за нею, но оценка эта абсолютнаго, декретивнаго значенія никогда имѣть не можетъ, потому, что не одни только глазомѣры, а и аршины бываютъ невѣрные: за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ мы успѣли въ этомъ убѣдиться. Только полное совпаденіе глазомѣрнаго измѣренія съ научнымъ, или добровольное между ними соглашеніе будетъ свидѣтельствовать объ истинѣ (опять таки не полной и способной къ эволюціи, разумѣется, потому что полной истины человекъ, вѣроятно, никогда не узнаетъ).

Думать такимъ образомъ—значитъ ли унижать науку? По моему, отнюдь нѣтъ. Это значитъ только относиться къ ней критически, на что она не можетъ быть въ претензіи, такъ какъ сама цѣликомъ на критикѣ основана. Роль фетиша къ наукѣ не подходитъ, и плохую услугу окажетъ ей тотъ, кто эту роль ей навяжетъ.

Въ могущество науки всѣ вѣрятъ, да и нельзя не вѣрить—побѣды ея у насъ передъ глазами. Еслибы даже она дѣйствительно была для насъ тѣмъ свѣтомъ, который привлекаетъ ночныхъ бабочекъ съ тѣмъ, чтобы ихъ погубить, то мы и тогда не могли бы отъ нея оторваться: безотчетное стремленіе къ знанію (можетъ быть, самый *дисгармоничный* изъ нашихъ инстинктовъ) намъ этого не позволитъ. Но увѣрывать въ ея *всемогущество*, какъ предлагаетъ профессоръ Мечниковъ, мы не можемъ. Это значило бы стать въ смѣшное положеніе муравья, хвастающаго тѣмъ, что онъ поднималъ пшеничное зерно.

Разумъ нашъ дорогъ намъ, но, во имя его же собственнаго достоинства, мы не создадимъ себѣ изъ него кумира, не перецѣнимъ его силы и не принесемъ ему въ жертву равноправное съ нимъ и столь же намъ дорогое *чувство*.

Вотъ, если наука облегчитъ нашу старость и продлитъ жизнь, *не насильно послѣдней, не ставя для нея единственною цѣлью достиженіе естественной смерти*, то мы будемъ ей глубоко благодарны и *на вѣки* запомнимъ имена нашихъ благодѣтелей—ея самоотверженныхъ адептовъ. Имена этихъ адептовъ, и въ томъ числѣ многоуважаемаго И. И. Мечникова, и безъ

того, впрочемъ, *не умрутъ* въ памяти человечества—слишкомъ много они уже и такъ для насъ сдѣлали.

Но дрожать за свою жизнь и добиваться развитія инстинкта смерти (который и такъ развивается при потерѣ жизнеспособности), а стало быть, и устраивать свой бытъ по рецепту «оптимистической» философіи профессора Мечникова, мы не намѣрены.

Мы, напротивъ, думаемъ, что и *жить* то въ полномъ смыслѣ этого слова, можетъ только тотъ, кто смерти не боится.

Спустя три года послѣ изданія первой своей книги, проф. Мечниковъ выпустилъ въ свѣтъ вторую, озаглавленную, «Essais optimistes». Сообщая въ ней много новыхъ и очень интересныхъ фактовъ, авторъ переходитъ уже отъ критики человѣческой натуры къ проектамъ ея усовершенствованія, согласно указаніямъ науки. Къ чему, въ концѣ концовъ, приводитъ такая попытка плохо освѣдомленнаго разума вторгнуться въ неподсудныя ему области жизненнаго процесса, мы увидимъ ниже; но она во всякомъ случаѣ, въ высшей степени характерна для нашего времени и заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Новая книга проф. Мечникова (вышла въ прошломъ году) заключаетъ въ себѣ девять отдѣльныхъ очерковъ, связанныхъ общей мыслью. Вотъ эти очерки: „О старости“; „О долготѣи въ животномъ царствѣ“; „О естественной смерти“; „Слѣдуетъ-ли стараться продлить жизнь человѣка“; „Зачатки человѣческой психики“; „О нѣкоторыхъ пунктахъ въ исторіи животныхъ общинъ“; „Пессимизмъ и оптимизмъ“; „Гетэ и Фаустъ“; „Наука и нравственность“. Мы рассмотримъ ихъ все по порядку.

„Оптимистическіе“ рецепты.

1.

О старости.

Въ первой главѣ этого очерка авторъ говоритъ объ убійствѣ и самоубійствѣ стариковъ въ странахъ варварскихъ и цивилизованныхъ, объ устройствѣ общественной имъ помощи, о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему столѣтнихъ старикахъ, о признакахъ старости вообще и проч., причемъ ничего особенно новаго не сообщаетъ, хотя въ концѣ приходитъ къ выводу, что организмъ низшихъ позвоночныхъ животныхъ сравнительно дольше сопротивляется дѣйствію времени, чѣмъ организмъ человѣка, и что послѣдній, доживая до глубокой старости, можетъ сохранить свои интеллектуальныя силы, несмотря на полную физическую дряхлость.

Во второй главѣ, считая неизбежность старческаго измѣненія тканей недоказанною, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію гипотезъ, предложенныхъ различными учеными для объясненія причинъ этого измѣненія. Такъ, проф. Бюнчли полагаетъ, что жизнь клѣточекъ поддерживается особымъ ферментомъ, запасъ котораго ограниченъ; проф. Вейсманъ думаетъ, что ограничена сама способность клѣточекъ размножаться и что поэтому ткани, разрушаясь во время жизни, въ концѣ концовъ становятся неспособными возстановляться; наконецъ, американскій ученый Мино (M i n o t) прямыми наблюденіями доказалъ, что ростъ животныхъ въ теченіе ихъ жизни постоянно замедляется и что поэтому способность размноженія клѣточекъ не можетъ быть безграничной.

Относительно теоріи Бюнчли авторъ ограничивается нѣсколькими словами: жизненнаго фермента никто не видѣлъ, а потому и говорить о немъ нечего. Но вотъ съ теоріей Вейсмана, поддержанной наблюденіями Мино, ему приходится посчитаться.

Въ самомъ дѣлѣ, прогрессивное замедленіе роста, такъ же какъ и постепенная атрофія всѣхъ тканей любого организма, на его пути отъ рожденія до смерти, у всѣхъ на виду. Д-ръ Бюлеръ полагаетъ даже, что мы могли бы теоретически опредѣлить моментъ прекращенія пролифераціи клѣточекъ въ любой органической ткани, а уже особенно въ человѣческой эпидермѣ.

Авторъ не особенно удачно отвѣчаетъ ему на это, что вотъ волосы и ногти, которые суть ничто иное, какъ «разрошеніе эпидермы»*), не только растутъ въ теченіе всей жизни, какъ бы она ни была продолжительна, но еще и размножаются—первые по крайней мѣрѣ—на тѣлѣ стариковъ. Положенія эти онъ доказываетъ примѣромъ лицъ, принадлежащихъ къ монгольской расѣ, а равно и женщинъ, у которыхъ борода и усы вырастаютъ только къ старости. Д-ръ Поль и самъ авторъ, прямыми измѣреніями роста волосъ на субъектахъ разнаго возраста, доказали, что этотъ ростъ во всѣхъ случаяхъ почти одинаковъ**).

Значитъ не въ прекращеніи пролифераціи клѣточекъ, по мнѣнію автора, состоитъ процессъ старческой атрофіи, а въ томъ, что онѣ поглощаются фагоцитами, какъ онъ подробно доказывалъ въ своей первой книгѣ.

Въ виду того, что со времени появленія этой книги многіе ученые (Маринеско, Лери, Зандъ и другіе) на основаніи своихъ изслѣдованій отвергаютъ старческой фагоцитозъ, авторъ, на нѣсколькихъ страницахъ, цитируя ихъ же собственные препараты, а также данныя, добытыя въ последнее время его сотрудникомъ Мануэлліаномъ (Manuellian), доказываетъ, что они были введены въ заблужденіе благодаря неправильной постановкѣ изслѣдованій (слишкомъ грубой обработкѣ препаратовъ).

*) Едва ли такъ: волосы то ужъ положительно подготовляются особыми железистыми аппаратами.

**) Но только почти, такъ какъ, по Полю, у молодыхъ волосы отрастаютъ на 15 миллим. въ мѣсяцъ, а у стариковъ—на 11; ногти же у столѣтней старухи, изслѣдованной авторомъ, выросли на 2 1/2 милл. въ 3 недѣли, а у молодой дамы—на 3 милл. въ 2 недѣли. Да такое замедленіе роста волосъ и ногтей всякій старый человѣкъ можетъ замѣтить на самомъ себѣ.

Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ заключенію, что старческой фагоцитозъ, особенно по отношенію къ нервнымъ клѣткамъ, есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, хотя нельзя отвергать, что онъ не у всѣхъ совершается и что сами клѣтки иногда подвергаются регрессивному метаморфозу (наполняются пигментомъ) раньше, чѣмъ стать добычею фагоцитовъ.

Установивъ, такимъ образомъ, наличность старческаго фагоцитоза, авторъ представляетъ его примѣры въ тканяхъ собачьяго яичка, въ мышцахъ стариковъ, даже въ старческихъ костяхъ, ткань которыхъ разрушается специальными фагоцитами—остеокластами, причѣмъ работа ихъ, такъ же какъ и работа другихъ подобныхъ разрушителей (нейрофаговъ, миофаговъ и проч.), иллюстрируется въ книгѣ рисунками микроскопическихъ препаратовъ.

Поглотивъ «благородныя» клѣтки организма, то есть исполняющія известную функцію, фагоциты замѣняютъ ихъ совершенно нейтральной соединительной тканью, обуславливая атероматозныя перерожденія и склерозы разныхъ органовъ.

Перерожденія эти, однако же, обуславливаются не однимъ только старческимъ фагоцитозомъ, но и нѣкоторыми болѣзнями—сифилисомъ, на примѣръ, и нѣкоторыми ядами—адреналиномъ и никотиномъ, какъ это доказано новѣйшими опытами Жюгюэ и Бовери.

Склерозъ, вызванный адреналиномъ, то есть веществомъ, извлекаемымъ изъ надпочечныхъ железъ, заставилъ д-ра Лорана вновь выдвинуть давно оставленную теорію зависимости старческаго перерожденія отъ упадка дѣятельности различныхъ железъ, которыхъ мы, за незнаніемъ подлинной ихъ роли, считаемъ кроветворящими и къ числу которыхъ принадлежатъ надпочечныя железы, а также селезенка. Теорія эта подкрѣпляется, между прочимъ, старческимъ видомъ кретинизма и лицъ, страдающихъ микседемой (слизистымъ отекомъ), болѣзненное состояніе которыхъ зависитъ отъ перерожденія *glandulae thyroideae* или отъ ея искусственнаго удаленія. Но авторъ совершенно справедливо говоритъ, что старчество такихъ

лицъ только кажущееся, что у настоящихъ стариковъ железы иногда оказываются вполне здоровыми*) и что если даже перерожденіе ихъ и вліяетъ на развитіе дѣйствительнаго старчества (чего онъ не отвергаетъ), то только косвеннымъ путемъ, такъ какъ онѣ, повидимому, разрушаютъ нѣкоторые яды, попадающіе въ организмъ, а въ перерожденномъ видѣ перестаютъ исполнять эту обязанность, причемъ организмъ старится уже подъ вліяніемъ яда.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этомъ первомъ своемъ очеркѣ авторъ старается новыми данными подтвердить свой взглядъ на фагоцитозъ, какъ на единственную причину старости. Последняя, по его мнѣнію, высказанному еще въ «Etudes sur la nature humaine», есть «устраняемая болѣзнь», такъ что смерть, необязательная для организмовъ низшихъ, можетъ быть совершенно избѣгнута или, по крайней мѣрѣ, надолго отсрочена и для организмовъ высшаго порядка. Естественнаго и неустранимаго изнашивания кѣлочекъ и тканей авторъ, повидимому, не признаетъ.

Въ статьѣ моей: «Природа и судьбы человѣка etc.» я довольно подробно анализировалъ этотъ взглядъ, а потому теперь, чтобы не повторяться, скажу только, что если жизнь есть борьба организма съ окружающими условіями, то она должна сопровождаться затратой энергіи, причемъ часть послѣдней тратится непроизводительно (какъ во всякой машинѣ). А изъ такихъ непроизводительныхъ затратъ съ теченіемъ времени слагается дефицитъ, въ концѣ концовъ поглощающій весь приходъ энергіи. Ткани и кѣлочки, такимъ образомъ, естественно и неустранимо должны изнашиваться за время жизни, а изнашивание ихъ должно вести къ прекращенію функций и къ естественной смерти.

*) Любопытно, что дольше всего противустоятъ старческому перерожденію и атакѣ фагоцитовъ половыя железы. Въ яичкахъ столѣтнихъ стариковъ и одряхлѣвшихъ животныхъ авторъ находилъ множество живыхъ и дѣятельныхъ сперматозоидовъ. Равнымъ образомъ очень долго остаются нетронутыми органы, производящіе фагоцитозъ—селезенка, костный мозгъ и лимфатическіе узлы.

Изнашивание это, однако-же, можетъ совершиться въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, въ зависимости какъ отъ запаса энергіи, первоначально заложеннаго въ тканяхъ, такъ и отъ болѣе или менѣе расточительной затраты его. Я не сомнѣваюсь, поэтому, въ возможности значительно продлить человѣческую жизнь путемъ рациональнаго за нею ухода, но безсмертія—ни для человѣка, ни для однокѣлочнаго организма—я допустить не могу. Самый старческій фагоцитозъ, то есть поглощеніе «благородныхъ» кѣлочекъ фагоцитами, если и является единственной причиной старости, то только потому, что эти кѣлочки изнашиваются скорѣе фагоцитовъ и, стало быть, являются безсильными противустоять ихъ нападенію. Недаромъ такіа нападенія начинаются только въ извѣстномъ возрастѣ, или при отравленіи какимъ-нибудь ядомъ (сифилисомъ, на примѣръ); недаромъ также, у стариковъ благородныя кѣлочки и безъ вмѣшательства фагоцитовъ подвергаются иногда регрессивному метаморфозу, какъ это замѣтилъ самъ авторъ.

II.

Долголѣтіе въ царствѣ животныхъ.

Въ этомъ очеркѣ авторъ собралъ много очень интересныхъ данныхъ, которыя мнѣ остается только передать въ сокращенномъ видѣ.

Продолжительность жизни различныхъ видовъ животныхъ колеблется въ очень широкихъ предѣлахъ—отъ трехъ сутокъ (кружалки) до трехъ столѣтій (нѣкоторыя пресмыкающіяся). Отъ чего же это зависитъ? Съ перваго взгляда кажется, что продолжительность жизни находится въ прямой зависимости отъ величины животнаго: мыши, морскія свинки, кролики живутъ не такъ долго какъ кошки, собаки, овцы, а эти послѣдніе—не такъ долго, какъ лошади и верблюды, и всѣхъ ихъ превышаетъ своимъ долголѣтіемъ слонъ—самое большое животное. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи правило это оказывается не соответствующимъ дѣйствительности: маленькіе попугаи, вороны,

утки живутъ долѣе не только многихъ большихъ птицъ, но и большихъ млекопитающихъ.

Бюффонъ и Флурансъ, думая что продолжительность жизни опредѣляется продолжительностью роста, говорили, что она превышаетъ послѣднюю въ 5—7 разъ. И дѣйствительно, человѣкъ растетъ 20 лѣтъ, а живетъ до 100; верблюдъ растетъ 8 лѣтъ, а живетъ 40; лошадь растетъ 5 лѣтъ, а живетъ 25, и такъ далѣе.

Вейсманъ показалъ, однако-же, что и это правило не вездѣ приложимо: мышь растетъ 6 мѣсяцевъ, а живетъ до 5 лѣтъ; овца растетъ почти пять лѣтъ, а въ десять уже теряетъ зубы, и къ четырнадцати она совсѣмъ стара; попугай растетъ два года, а живетъ до полутора лѣтъ, и такъ далѣе.

Такою же неудачу потерпѣли попытки Мильнъ-Эдварса и Бунге связать долготѣе съ продолжительностью зародышного періода и періода удвоенія вѣса, такъ что установить какія-либо правила на этотъ счетъ никому не удалось. Несомнѣнно, однако-же, что продолжительность жизни каждаго вида животныхъ тѣсно связана съ его организаціей, хотя, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, и можетъ колебаться въ извѣстныхъ границахъ.

Нѣкоторые ученые, поэтому, пробовали связать долготѣе съ опредѣленной внѣшней обстановкой. Такъ, Вейсманъ предполагалъ, что животныя, быстро размножающіяся, не имѣютъ надобности долго жить ради сохраненія вида, и потому умираютъ скорѣе тѣхъ, которые размножаются медленно, тѣмъ болѣе, что быстрое размноженіе ослабляетъ ихъ организмъ. Съ перваго взгляда и эта теорія казалась вполне основательной, такъ какъ хищныя птицы, напримѣръ (орлы, коршунны и проч.), несущія одинъ разъ въ годъ по одному, по два яйца, живутъ долѣе, чѣмъ птицы пѣвчія, несущіяся по нѣскольку разъ въ годъ и высиживающія до десятка яицъ сразу. Точно также быстро размножаются и очень недолго живутъ мелкіе грызуны: крысы, мыши, зайцы.

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однакожь, оказалось, что теорія Вейсмана тоже не выдерживаетъ критики: утки, гуси, куры очень плодовиты, а живутъ до 39 лѣтъ и болѣе.

Равнымъ образомъ не выдерживаетъ критики и новѣйшій взглядъ проф. Усталэ, ставившаго долготѣе въ зависимость отъ рода пищи. Травоядныя животныя, по его мнѣнію, должны жить долѣе плотоядныхъ, такъ какъ безъ особаго труда находятъ себѣ пищу на всякомъ шагу, а потому не принуждены, періодически, то голодать, то объѣдаться. И дѣйствительно—травоядные слоны и попугаи живутъ очень долго; но не менѣе долго живутъ и плотоядныя хищныя птицы, а въ особенности—пресмыкающіяся. Крокодилы достигаютъ глубокой старости.

Для того чтобы самостоятельно рѣшить вопросъ о причинахъ долготѣя, авторъ переходитъ, поэтому, къ обзору всего животнаго царства, начиная съ низшихъ его представителей.

Прежде всего онъ указываетъ на активныя животныя малаго размѣра и простаго устройства, не обладающихъ даже дифференцированными пищеварительными органами, растущихъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, весьма плодовитыхъ (одна анемона можетъ дать до 230 молодыхъ животныхъ сразу, чему были примѣры) и тѣмъ не менѣе живущихъ очень долго. Есть экземпляры, и теперь еще находящіеся подъ наблюденіемъ, которые живутъ уже болѣе 70-ти лѣтъ, ничѣмъ не отличаясь отъ молодыхъ. Но рядомъ съ активными слѣдуетъ указать на близкій къ нимъ видъ *Flabellum*, представители котораго почему-то живутъ не болѣе 24 лѣтъ.

Продолжительность жизни моллюсковъ тоже крайне разнообразна. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ всего по нѣскольку лѣтъ, а *Tridacna gigas* доживаетъ до столѣтняго возраста.

Среди насѣкомыхъ, травяная вошь живетъ не болѣе мѣсяца, а нѣкоторые виды кузнечиковъ—по 17-ти лѣтъ. Самки пчелъ, отличающіяся большой плодовитостью, живутъ иногда до пяти лѣтъ, а бесплодныя рабочія пчелы умираютъ уже на первомъ году своего существованія. Самки муравьевъ, несмотря на свою поразительную плодовитость, живутъ по семи лѣтъ.

Переходя далѣе къ рыбамъ, мы видимъ, что онѣ вообще отличаются долготѣемъ. Римляне, большіе

любители муренъ, содержали ихъ въ аквариумахъ, по 60-ти лѣтъ и болѣе. Лососи и щуки живутъ болѣе ста лѣтъ,*) такъ же, какъ карпы.

Изъ амфибій, лягушки живутъ по 12—16 лѣтъ, а жабы даже по 36.

Изъ пресмыкающихся, крокодилы, кайманы, черепахи живутъ по полутора ста лѣтъ и болѣе, но что касается змѣй и ящерицъ, то о продолжительности ихъ жизни нельзя еще сдѣлать никакихъ заключеній.

Птицы вообще очень долголѣвны. Даже маленькія, какъ напримѣръ канарейки, доживаютъ до 20 лѣтъ, а жаворонки—до 44. Попугаи живутъ, въ среднемъ, около 50 лѣтъ, но часто доживаютъ до 100 и болѣе. Вороны, филины, совы, коршуны, соколы, орлы, въ среднемъ, живутъ не менѣе 60—70 лѣтъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ доживаютъ и до 150.

Изъ млекопитающихся, повидому, только слонъ и человекъ способны доживать до 100 лѣтъ. Уже носороги и другія, близкія къ слонамъ животныя, старѣютъ гораздо скорѣе и живутъ едва ли болѣе 40-ка лѣтъ. Лошади живутъ 15—30 лѣтъ, такъ же какъ быки и коровы; овцы—не болѣе 14-ти; самая старая собака околѣла 34-хъ лѣтъ; самая старая кошка—23-хъ, грызуны живутъ не болѣе 5—10 лѣтъ.

Разсуждая о причинахъ такого разнообразія въ продолжительности жизни различныхъ животныхъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что ни размѣры тѣла, ни продолжительность возрастанія, ни большая или меньшая плодовитость (долголѣвныя рыбы кладутъ иногда по 130.000 яицъ сразу), ни даже, болѣе или менѣе усиленный темпъ жизни**) на нее не вліяютъ.

*) Въ Царицинскихъ прудахъ, подъ Москвою, кажется, и до сихъ поръ живетъ щука, которая была поймана при Екаторинѣ II, и за свои почтенные размѣры вновь была пущена въ прудъ, причемъ въ хвостѣ ея было продѣто металлическое кольцо съ надписью.

**) Основываясь на долголѣвности пресмыкающихся, Вейсманъ предположилъ, что она обуславливается медленностью темпа ихъ жизни: сердце черепахи дѣлаетъ не болѣе 20—25 сокращеній въ минуту, а кровь у нея „холодная“. Но долголѣвныя птицы отличаются высокою температурой крови и быстрою какъ сердцебиенія, такъ и всѣхъ своихъ движеній.

Въ органахъ кровообращенія, дыханія, въ нервной или половой системѣ—говоритъ авторъ—тщетно стали бы мы искать причинъ, по которымъ жизнь млекопитающихся является болѣе короткой по сравнению съ жизнью птицъ и пресмыкающихся. Причина эта лежитъ единственно въ устройствѣ органовъ пищеваренія, и главнымъ образомъ—въ большемъ или меньшемъ развитіи толстыхъ кишекъ.

У рыбъ толстая кишка является въ видѣ коротенькой трубки, весьма мало отличающейся отъ кишекъ тонкихъ. У амфибій она уже играетъ большую роль и представляетъ собою широкій мѣшокъ. У пресмыкающихся она еще больше и снабжена уже нѣкоторымъ подобіемъ слѣпой кишки. У птицъ она опять мало развита—коротка и вытянута въ прямую линію, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ (дневные хищники, голубь и воробьи) она снабжена двумя зачатками слѣпой кишки, которые у ночныхъ хищниковъ, куриныхъ, утокъ, въ особенности же—у бѣгающихъ (страусъ) достигаютъ большихъ размѣровъ. У *Thea americana*, напримѣръ, слѣпая кишка, по своей длинѣ, равняется $\frac{1}{2}$ пищеварительнаго канала, а по вѣсу составляла болѣе 10% всего тѣла.

Но въ общемъ у птицъ толстая кишка мало развита. Наибольшаго развитія онѣ достигаютъ у млекопитающихся.

Такимъ образомъ животныя, отличающіяся наибольшимъ развитіемъ толстыхъ кишекъ (млекопитающія), отличаются отъ прочихъ позвоночныхъ (рыбъ, птицъ, пресмыкающихся) и наименьшей продолжительностью жизни.

Придя къ такому заключенію, авторъ переходитъ къ изложенію основной своей мысли, уже извѣстной читателямъ послѣднихъ его работъ: причиною сравнительной недолговѣчности млекопитающихъ животныхъ, и въ томъ числѣ человека, являются негармонично-развитыя толстая кишка, играющія роль простого склада отбросовъ, которые въ нихъ залеживаются, подвергаются гніенію, и результатомъ послѣдняго—ядовитыми

птомаинами разного рода — отравляют организмъ.

Этотъ взглядъ былъ уже подробно изложенъ авторомъ въ первой его книгѣ (*Etudes sur la nature humaine*), которая мною не менѣе подробно анализируется. Здѣсь я приведу и разберу только новые факты, представляемые проф. Мечниковымъ.

Во первыхъ, что касается роли толстыхъ кишекъ въ организмѣ, то самъ авторъ, въ виду новѣйшихъ изслѣдованій Маутуса, Еимера, Павлова и другихъ, принужденъ сознаться, что толстая кишка, особенно сильно развитая у животныхъ травоядныхъ (между прочимъ — у отличающагося своимъ исключительнымъ долголѣтіемъ слона), не всегда играютъ роль простого склада отбросовъ, а участвуютъ и при перевариваніи и, главнымъ образомъ, при всасываніи пищи. Проф. Мечниковъ, правда, ссылаясь на изслѣдованія Эвальда и Хейле, говоритъ, что толстая кишка отказывается всасывать яичный бѣлокъ, тростниковый сахаръ, глюкозу и даже воду, но самъ же онъ, въ другомъ мѣстѣ, признается, что пищевыя вещества переходятъ изъ тонкихъ кишекъ въ толстую въ очень жидкомъ видѣ, такъ что всасыванье (по крайней мѣрѣ хоть воды) должно происходить преимущественно въ этихъ послѣднихъ. Да въ противномъ случаѣ не имѣло бы смысла и искусственное питаніе черезъ прямую кишку, умѣстность котораго, однако же, авторъ признаетъ.

Затѣмъ, приписывая гнилостнымъ микробамъ, содержащимся въ толстыхъ кишкахъ, громадную роль въ укороченіи жизни животныхъ, авторъ не можетъ неоспоримо доказать самое существованіе этихъ микробовъ, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія Штрассебурга и Шмидта показали, что фекальныя массы, задерживающіяся въ организмѣ человѣка, не вызываютъ гніенія даже въ очень къ тому склонныхъ веществахъ. Микробовъ въ нихъ оказалось очень мало.

Признавая, въ виду всего этого, что гипотеза, имъ выставленная, не можетъ еще быть точно доказана, авторъ все-таки пробуетъ провѣрить ее фактами.

На первомъ шагу онъ встрѣчается со слономъ, животнымъ, обладающимъ очень развитыми толстыми

кишками и несмотря на это весьма долговѣчнымъ. Не зная чѣмъ объяснить такое противорѣчіе, авторъ откладываетъ разговоръ о слонѣ до тѣхъ поръ пока организация этого животного не будетъ изучена подробно.

За слономъ идутъ другія крупныя млекопитающія, гораздо болѣе намъ знакомыя: корова, овца, лошадь. Первая изъ нихъ, обладающая большими размѣрами, растущая въ теченіе 4-хъ лѣтъ и живущая въ холѣ, должна бы была, по видимому, отличаться особеннымъ долголѣтіемъ, а между тѣмъ, въ 16—18 лѣтъ она уже совсѣмъ стара и весьма рѣдко доживаетъ до тридцатилѣтняго возраста. Почти столько же живетъ мало чѣмъ отъ нея отличающаяся лошадь, а вѣкъ овцы и того короче.

Разсматривая пищеварительные органы этихъ животныхъ, мы видимъ, что толстая кишка у нихъ очень развита и пищевые отбросы задерживаются въ пищеварительномъ каналѣ подолгу — у лошади, напримеръ, по 4 дня. Понятно, что въ теченіе такого долгаго времени, въ отбросахъ, происходятъ гнилостныя процессы, результатомъ которыхъ являются ядовитыя птомаины, всасывающіеся въ кровь, отравляющіе «благородныя» клѣтки организма и тѣмъ укорачивающіе жизнь. Можетъ быть даже, что и самыя бациллы, обуславливающія гніеніе, имѣютъ возможность поступать въ кровь изъ кишекъ, если поверхность послѣднихъ изъязвлена. Отсутствіе слѣдовъ усиленнаго гніенія, въ отбросахъ выведенныхъ наружу, такъ же какъ и отсутствіе въ нихъ гнилостныхъ бациллъ (навозъ рогатаго скота и лошадей не отличается особымъ зловоніемъ), не можетъ служить доказательствомъ отсутствія гнилостныхъ процессовъ въ кишкахъ, такъ какъ, при вскрытіи павшихъ овецъ, содержимое ихъ кишекъ кишитъ бациллами и распространяетъ отвратительный запахъ.

Совсѣмъ другое мы видимъ у большинства птицъ. Не обладая объемистыми складами пищевыхъ отбросовъ, онѣ принуждены испражняться очень часто и потому гнилостныхъ процессовъ въ ихъ кишкахъ не происходитъ, организмъ ихъ не отравляется птома-

инами и жизнь не сокращается искусственно. Даже тѣ изъ нихъ, которые питаются падалью, какъ, на примѣръ, всѣ хищныя, нисколько отъ этого не страдаютъ. Несмотря на то, что въ ихъ насквозь прогнившей пищѣ кишатъ вредоносныя микробы, содержимое кишекъ, такъ же какъ испражненія, микробовъ совсѣмъ не содержатъ и ни малѣйшаго зловонія не испускаютъ.

Не всѣ птицы, однако же, лишены толстыхъ кишекъ, такъ же какъ и не всѣ млекопитающія обладаютъ ими. Съ одной стороны мы видимъ птицъ бѣгающихъ, принужденныхъ останавливаться для дефекаціи, и потому снабженныхъ толстыми кишками, то есть складами для пищевыхъ отбросовъ, а съ другой встрѣчаемъ летучихъ мышей, испражняющихся, подобно большинству птицъ, на лету, и лишенныхъ поэтому толстыхъ кишекъ. И вотъ первыя, какъ на примѣръ страусы, несмотря на свою величину и вопреки легендѣ объ ихъ крайней долговѣчности, живутъ не болѣе 30—50 лѣтъ, а послѣднія, несмотря на свои малые размѣры, достигаютъ 15—17-ти лѣтняго возраста.

При этомъ, въ кишкахъ и въ испражненіяхъ страусовъ, микробы встрѣчаются во множествѣ, а въ испражненіяхъ летучихъ мышей ихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Вотъ, значитъ, факты, по мнѣнію автора, весьма существеннымъ образомъ подкрѣпляющіе его взглядъ на дѣло, хотя мнѣ кажется, что пятидесятилѣтній возрастъ, для страусовъ, не особенно малъ (по сравненію съ лишенными толстыхъ кишекъ орлами), а семнадцатилѣтній, для летучихъ мышей, не особенно великъ (по сравненію съ обладающимъ толстыми кишками зайцемъ).

Какъ бы ни были, однакожь, доказательны эти факты, взглядъ автора, по собственному его признанію, наталкивается на почти непреодолимыя препятствія въ лицѣ слона и человѣка, съ ихъ сильно развитыми толстыми кишками и сравнительно большою долговѣчностью.

О слонѣ онъ, какъ выше сказано, разсуждать отказывается, но долговѣчности человѣка посвящаетъ отдѣльную главу.

Если судить по медленности возрастанія, то человекъ долженъ бы былъ жить не менѣе ста лѣтъ, на самомъ же дѣлѣ, по новѣйшимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, большая часть людей умираетъ или въ младенчествѣ, или въ возрастѣ 70—75 лѣтъ. Отъ этого общаго правила существуютъ, однакоже, многочисленныя отступленія, да и на восьмомъ десяткѣ люди умираютъ въ большей части случаевъ (въ Парижѣ 85%) отъ случайныхъ болѣзней. Уцѣлѣвшіе отъ этихъ болѣзней, во первыхъ, часто сохраняютъ до глубокой старости всѣ свои умственныя и тѣлесныя силы (Платонъ, Микель-Анджело, Тиціанъ, Гете, Викторъ Гюго и проч.), а во вторыхъ—доживаютъ до 100 лѣтъ и болѣе. Во Франціи, ежегодно умираетъ около 150 столѣтнихъ старцевъ, по одному на 22000 человекъ, а въ Греціи ихъ въ девять разъ больше (одинъ на 2600). Какой же возрастъ слѣдуетъ считать предѣльнымъ для человѣка?

Отбрасывая легендарныя преданія о людяхъ, жившихъ по 300—969 (Маусиль) лѣтъ, мы можемъ остановиться на 185 годахъ какъ на такомъ предѣльномъ возрастѣ. Въ самомъ дѣлѣ вотъ нѣсколько вполне достовѣрныхъ образчиковъ такого исключительнаго долголѣтія: въ 600-мъ году нашей эры, въ Глазго, умеръ нѣкій Кентигернъ, 185 лѣтъ отъ роду; въ 1724 г. въ Венгріи, умеръ Петръ Цорфой (Zorfoy), родившейся въ 1539 г.; въ 1772 г., въ Новергіи, умеръ Дракенбергъ, прослужившій 91 годъ матросомъ и 15 лѣтъ пробывшій въ плѣну у пиратовъ, всего ему было 146 лѣтъ; наконецъ Шропширскій крестьянинъ, Томасъ Парръ, прожилъ 152 года и 9 мѣсяцевъ.

На этомъ основаніи, мы имѣемъ право утверждать, что жизнь человѣческая можетъ продолжаться по крайней мѣрѣ полтора ста лѣтъ, и если примѣры такой ея продолжительности рѣдки, то до ста съ небольшимъ лѣтъ доживаютъ весьма многіе, притомъ какъ мужчины такъ и женщины, послѣднія даже чаще первыхъ.

Въ большей части случаевъ, столѣтніе старцы отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, но среди нихъ встрѣчаются иногда и уроды. Такъ, нѣкая Николина

Маркъ, умершая 110 лѣтъ отъ роду, съ дѣтства не владела лѣвой рукою, была хрома и до такой степени сторблена, что ростъ ея достигалъ только четырехъ футовъ; а шотландка Вальсонъ, умершая на 115 г. была настоящей карлицей, такъ какъ ростъ ея равнялся всего 2 ф. 3 д.

Долголѣтіе часто бываетъ наследственнымъ, а также распространяется на обоихъ супруговъ: *Chemin* собралъ 32 примѣра такого распространенія

Замѣчательно, что существуютъ даже цѣлыя страны, въ которыхъ долголѣтіе является какъ бы обычнымъ. Къ числу такихъ странъ принадлежатъ, напримѣръ, Сербія, Болгарія и Румынія, въ которыхъ, за одинъ только 1896 годъ, насчитывалось 5545 столѣтнихъ старцевъ. Во Франціи, въ одной изъ коммунъ Восточныхъ Пиреней, въ 1898 г., на 600 обывателей, приходилось 14 человѣкъ въ возрастѣ 80—95 лѣтъ.

Большая часть столѣтнихъ старцевъ принадлежитъ къ числу людей сравнительно бѣдныхъ, но есть между ними и миллионеры, какъ напримѣръ извѣстный филантропъ, Моисей Монтефіоре, умершій въ 1875 году ста слишкомъ лѣтъ отъ роду.

Большинство долголѣтныхъ людей вели жизнь правильную и умѣренную, иногда даже аскетическую — знаменитый Корнаро, дожившій до ста лѣтъ, употреблялъ въ день всего 12 унцевъ твердой пищи и 14 унцевъ вина, но есть среди нихъ и завязатые пьяницы. Екатерина Реймонъ, напримѣръ, умершая 107 лѣтъ отъ роду, «много пила», по словамъ *Chemin*: одинъ хирургъ, умершій 140 лѣтъ, съ 25-лѣтняго возраста, ежедневно, по вечерамъ, напивался до пьяна; ирландскій землевладѣлецъ Браунъ, дожившій до 120 лѣтъ, велѣлъ даже написать на своей гробницѣ: «всегда былъ пьянъ, и въ пьяномъ видѣ такъ ужасенъ, что сама смерть боялась подойти къ нему». Въ 1897 г. во Франціи, въ городкѣ Шальи, извѣстномъ по страшному пьянству, на 523 жителя было 20 человѣкъ перевалившихъ за 80 лѣтъ.

Кофе также не мѣшаетъ, повидимому, долгой жизни. Помимо Вольтера, въ литературѣ упоминается о

нѣкоей Елисаветѣ Флорье, прожившей болѣе 114 лѣтъ, которая пила ежедневно по 40 чашекъ кофе.

Большинство столѣтнихъ старцевъ не курили табаку, но изъ этого правила также есть исключенія — нѣкій Россъ, получившій премію за долголѣтіе, былъ завязатымъ курильщикомъ, а вдова Лясенекъ, умершая на 104 году, съ ранней юности не выпускала трубки изо рта.

Къ какому же заключенію можно придти въ виду всѣхъ этихъ фактовъ? Авторъ полагаетъ, что хотя прямого вывода о вредѣ толстыхъ кишекъ изъ нихъ сдѣлать и нельзя, но, по аналогіи съ прочими млекопитающими, такъ же какъ и по распространенію долголѣтія на обоихъ супруговъ, то есть на людей, живущихъ при одинаковыхъ условіяхъ и обладающихъ, стало-быть, одинаковой кишечной флорой, надо думать, что именно эта флора служитъ причиною сокращенія человѣческой жизни въ тѣхъ случаяхъ, когда на ея культуру не обращаютъ никакого вниманія.

Мнѣ кажется, однако-же, что нельзя не признать такое объясненіе нѣсколько натянутымъ, тѣмъ болѣе, что и анализъ причинъ долголѣтія во всемъ животномъ царствѣ, у автора, не всегда проходитъ гладко. Пресмыкающіяся, напримѣръ, несмотря на объемистыя толстыя кишки, живутъ долѣе многихъ птицъ; среди послѣднихъ встрѣчаются ночные хищники и, въ особенности, очень долголѣтныя утки, у которыхъ имѣются даже двѣ слѣпыхъ кишки; страусы, по народнымъ преданіямъ и по словамъ многихъ естествоиспытателей, вопреки мнѣнію автора, считаются птицами весьма долголѣтными, да и самъ авторъ этого, собственно говоря, не отвергаетъ: пятьдесятъ лѣтъ, для птицы, возрастъ не малый, и сами попугаи, въ среднемъ, живутъ не дольше. А ужъ что касается слона и человѣка, то въ нихъ взгляды автора встрѣчаются съ пренятствіемъ, по моему, неодолимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно эти два примѣра, лучше всѣхъ другихъ, доказываютъ возможность какъ для очень большого, такъ и для сравнительно маленькаго животного, доживать до глубокой старости, несмотря на сильно развитыя толстыя кишки.

Вліянія задержки пищевых отбросовъ на здоровье отрицать конечно нельзя, но и преувеличивать его, мнѣ кажется, также не слѣдуетъ. Тѣмъ болѣе, что отъ этой задержки — человѣку, по крайней мѣрѣ — всегда легко отдѣлаться. Ни къ экстирпаціи кишекъ, ни къ культурѣ какой-нибудь особенной флоры въ нихъ прибѣгать не зачѣмъ. Достаточно позаботиться о своевременномъ удаленіи отбросовъ, хотя бы при помощи такого простаго средства, какъ клистиръ.

III.

О естественной смерти.

Въ первой своей книгѣ, говоря о естественной смерти, авторъ не даетъ точнаго ея опредѣленія, а изъ сдѣланнаго имъ описанія такой смерти у обыденовъ приходилось заключить, что онъ считаетъ таковою смерть безпричинную. Въ самомъ дѣлѣ, по его словамъ, обыденки умираютъ безъ всякой болѣзни, безъ внѣшнихъ насилій, при полной сохранности обычнаго строенія органовъ, находящихся въ прекрасныхъ условіяхъ для функціонирования.

Этого не можетъ быть, конечно. — если мы не видимъ въ органахъ обыденовъ никакихъ измѣненій, то это еще не значитъ, чтобъ ихъ тамъ не было. Безъ всякихъ причинъ смерть послѣдовать не можетъ. Для того, чтобы отличить естественную смерть отъ насильственной, мнѣ кажется, слѣдовало бы признать, что первая обуславливается естественными, регрессивными измѣненіями самого организма, зависящими отъ постепеннаго изнашиванія тканей — отъ накопленія дефицита жизненной энергіи, отъ постоянного превышенія расхода ея надъ приходомъ, происходящаго въ силу закона о непроизводительной ея тратѣ. Такое постепенное накопленіе дефицита и служитъ, по-моему, причиною постепеннаго наступленія старости.

Въ настоящемъ очеркѣ, авторъ, говоря, что естественной смертью надо считать такую, необходимость которой заложена въ свойствахъ организаціи живого существа («conséquence nécessaire de

l'organisation» des «propriétés inhérentes à notre organisme»), очень близко подходит къ этому опредѣленію, но въ дальнѣйшемъ изложеніи вновь отъ него отдалается, именно потому, что совсѣмъ не признаетъ, какъ кажется, такой необходимости.

Въ самомъ дѣлѣ, только что высказавъ вышеприведенное опредѣленіе естественной смерти, онъ говоритъ, что въ настоящее время накопилось уже много данныхъ, заставляющихъ отрицать ея неизбѣжность, заставляющихъ сомнѣваться въ томъ, что всякій организмъ въ самомъ себѣ носитъ условія своего разрушенія.

Среди этихъ данныхъ, на первомъ шагу, встрѣчается безсмертіе одноклѣточныхъ организмовъ, размножающихся дѣленіемъ или почкованіемъ, причемъ материнскій организмъ не разрушается. Хотя извѣстный физиологъ Ферворнъ и говоритъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ смерть частичную, что въ одноклѣточныхъ организмахъ совершенно разрушаются иногда даже такіе важные органы, какъ ядро, но авторъ думаетъ, что такая частичная смерть не можетъ считаться дѣйствительною, такъ какъ организмъ, въ его цѣломъ, остается жить.

Помимо одноклѣточныхъ организмовъ, безсмертными являются, повидимому, и нѣкоторыя изъ высшихъ растений, причемъ авторъ указываетъ на знаменитую оротанскую драцену (dragonnier), найденную въ началѣ XV столѣтія, при открытіи Канарскихъ острововъ, въ видѣ громаднаго дерева, имѣющаго 15 метровъ въ обхватъ, и до сихъ поръ еще живущую, хотя главный стволъ былъ поваленъ ураганомъ въ 1819 году. Драцены растутъ очень медленно, и этому дереву должно быть много тысячъ лѣтъ отъ роду.

Помимо драценъ, особымъ долголѣтіемъ отличаются баобабы и кипарисы. Нѣкоторымъ изъ этихъ деревьевъ, до сихъ поръ еще живущимъ, натуралисты насчитываютъ до 5000 лѣтъ.

Но рядомъ съ такой долголѣтностью нѣкоторыхъ растений, большинство этихъ низшихъ носителей жизни умираетъ естественной смертью, даже по сознанию самого проф. Мечникова. Примѣры такой смерти мы ви-

димъ на грибахъ, распадающихся послѣ образованія споръ, и на такъ называемыхъ «однолѣтнихъ» растеніяхъ, которыя живутъ, въ сущности, нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ, принеся плоды, погибаютъ. Притомъ, погибаютъ они не отъ недостатка пищи и не подъ влияніемъ какихъ-либо внѣшнихъ условій—холода и т. под. (растутъ же, иногда, рядомъ съ мертвыми колосьями, новые, изъ упавшихъ сѣмянъ), а прямо, какъ будто бы потому, что исполнили свое предназначеніе — дали плодъ. Замѣчательно, между прочимъ, что, помѣшавъ образованію плодовъ, или лучше сказать, самому цвѣтенію однолѣтнихъ растеній, можно продлить ихъ жизнь на нѣсколько лѣтъ. Есть, однако-же между ними и такія, которыя цвѣтутъ и приносятъ плоды постоянно, умирая только въ концѣ лѣта, но есть и такія (агавы), которыя, не принося плода, живутъ по эту лѣтъ, а исполнивъ эту обязанность, тотчасъ же умираютъ.

Весьма характерны и любопытны разсужденія автора по этому поводу. Будучи детерминистомъ и механистомъ въ биологіи, не допуская существованія особой жизненной энергіи въ природѣ, онъ конечно не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы растеніе, искусственно лишениое возможности выполнить свое предназначеніе, то есть затратить эту энергію философскимъ образомъ, именно поэтому продолжало бы жить. А между тѣмъ связь между выполненіемъ предназначенія и естественной смертью растенія издревле замѣчена.

Для того, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, авторъ обратился къ извѣстному ботанику de-Vriès, который отвѣчалъ ему, что причины смерти однолѣтнихъ растеній мало извѣстны, но что эту смерть принято приписывать истощенію, обусловленному актомъ выработки большого количества сѣмянъ. Почему же, однако, справедливо замѣчаетъ авторъ, одни растенія истощаются и умираютъ послѣ перваго цвѣтенія, а другія живутъ и плодятся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ? Да и почему бы однолѣтнимъ растеніямъ истощаться, разъ имъ такъ легко добывать себѣ пищу изъ почвы, которая продолжаетъ снабжать ихъ всею ну-

жнымъ въ изобиліи? Вѣдь есть же растенія, цвѣтушія и умирающія въ самомъ началѣ лѣта, когда почва не успѣла истощиться, а внѣшнія условія благоприятствуютъ жизни.

Большинство ботаниковъ (Гильдебрандъ, Гебель, Массаръ) объясняютъ такое разнообразіе въ отношеніяхъ растеній къ акту цвѣтенія, причинами внутренними — особенностями, присущими ихъ организаціи, не объясняя, впрочемъ, въ чемъ именно состоятъ эти особенности. Массаръ прямо говоритъ, что «кѣлочки умираютъ, потому что исполнили свое предназначеніе».

Но авторъ не можетъ примириться съ предназначеніемъ и потому прибѣгаетъ къ дарвиновскому закону отбора, хотя послѣдній тутъ всецѣмъ не причемъ. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ виды, которые способны размножаться, конечно, выживутъ, а тѣ, которые неспособны, конечно, исчезнутъ, но все-таки зачѣмъ же умирать тѣмъ однолѣтнимъ растеніямъ, которые уже принесли плодъ? Почему одни умираютъ тотчасъ же по принесеніи плода, а другіе живутъ по 5000 лѣтъ, принося плоды ежегодно? Вѣдь существованіе вида, въ обоихъ случаяхъ, одинаково обезпечено. Вѣдь если способность жить болѣе или менѣе долго заложена въ самомъ типѣ организаціи—какъ, въ концѣ концовъ, принужденъ признать и самъ авторъ—то вотъ уже и предназначеніе, хотя, пожалуй, детерминированное, то есть обусловленное не мотивами, не стремленіемъ къ цѣли, а причинами, то есть закономъ необходимости. Откуда и какъ, однако-жь, возникла эта необходимость, въ чемъ состоятъ причины естественной смерти растеній?

Стремясь разъяснить, по возможности, данный вопросъ, авторъ прежде всего отрицаетъ влияніе причинъ внѣшнихъ, холода или недостатка пищи, на примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя растенія даютъ по нѣсколькимъ генерациямъ цвѣтовъ въ одинъ и тотъ же день. При этомъ мы видимъ, что въ то время, какъ старыя генерации умираютъ, новыя возникаютъ. Вѣдь не отъ холода же или недостатка пищи, стало быть, умерли старыя генерации! Затѣмъ: у двуполыхъ растеній, мужскія вѣтки, въ большинствѣ случаевъ, отмираютъ тот-

часть же по образованіи пыльцы, тогда какъ женскія живутъ долѣе, и вотъ мы видимъ, что при уродливомъ развитіи женскихъ цвѣтовъ на мужскихъ индивидуумахъ (что часто случается у крапивы и особенно у маиса), послѣдніе, вопреки общему закону о недолговѣчии уродовъ, начинаютъ жить долѣе. Наконецъ—продолжаютъ же жить растенія, которымъ искусственно помѣшали произвести плодъ. Ясно, стало быть, даже для автора, что естественная смерть растений обусловливается издержаніемъ всѣхъ органическихъ силъ, въ немъ заложенныхъ (*par suite de la consommation de toutes ses forces organiques*).

Отсюда, мнѣ кажется, слѣдовало бы прийти къ заключенію, что такія силы дѣйствительно, даже въ растеніяхъ, предварительно заложены (въ разной степени) и что эти силы чѣмъ-то отличаются отъ изученныхъ нами міровыхъ энергій, такъ какъ способны бороться съ ними, и не только приспособляться къ нимъ, а и приспособлять ихъ къ своимъ потребностямъ. Слѣдовало бы придти, однимъ словомъ, къ признанію отрицаемой биологами-механистами особой жизненной энергій, совершенно нами не изученной, благодаря упорному нежеланію признать ее существующей.

Но авторъ къ такому заключенію не приходитъ. Желая объяснить естественную смерть растений причинами внѣшними, химико-механическими, онъ выставляетъ гипотезу самоотравленія, не замѣчая, что эта гипотеза нарушаетъ его же собственное опредѣленіе сущности естественной смерти (издержаніе органическихъ силъ), и нисколько не противорѣчитъ теоріи предопредѣленія.

Онъ начинаетъ съ опредѣленія причинъ естественной смерти дождевого грибка и вообще живыхъ ферментовъ. Давно уже извѣстно, что молочное, спиртовое, масляное и проч. броженія останавливаются при накопленіи избытка ихъ продуктовъ. Молочная и масляная кислоты, алкоголь и прочія вещества, служація результатами жизнедѣятельности соответствующихъ бактерій, дойдя до извѣстной степени концентрации, убиваютъ этихъ бактерій. По мнѣнію автора, такая смерть

является естественной, такъ какъ обусловлена жизнедѣятельностью самихъ организмовъ; а въ то же время она является и вполне независимой отъ всякаго предопредѣленія, такъ какъ ее, во всѣхъ случаяхъ, можно устранить насыщеніемъ вредоносныхъ кислотъ — прибавленіемъ мѣла, на примѣръ.

Но если человѣкъ утонетъ въ своихъ собственныхъ испраженіяхъ или задохнется въ угольной кислотѣ, имъ самимъ выдохнутой, можно ли будетъ считать его смерть естественной?

Не задаваясь такимъ вопросомъ, авторъ переходитъ къ предположенію, что и высшіе растительные организмы умираютъ естественной смертью вслѣдствіе самоотравленія продуктами, вырабатываемыми въ нихъ послѣ цвѣтенія и дѣйствующими или мѣстно (увяданіе цвѣтовъ) или на весь организмъ. Ему кажется, что совпаденіе смерти съ плодоношеніемъ гораздо лучше объясняется его гипотезой, чѣмъ гипотезой о предопредѣленіи, о достиженіи цѣли. Онъ забываетъ, что и выработка ядовъ, именно въ извѣстное время, несмотря на какія бы то ни было внѣшнія условія, во всѣхъ индивидуумахъ, притомъ только даннаго вида, тоже должна быть предопредѣлена, предварительно заложена въ самой организаціи живого существа.

Такимъ образомъ, обсуждая причины естественной смерти растений, авторъ, по моему мнѣнію, не только ихъ не намѣтилъ, но даже отклонился и отъ своего собственного опредѣленія этой смерти. Что же касается безсмертія одноклѣточныхъ организмовъ и высшихъ представителей растительнаго царства—драценъ, баобабовъ и проч., то объ нихъ я поговорю впоследствии.

Переходя отъ растений къ животнымъ, авторъ находитъ примѣры естественной смерти почти только у низшихъ представителей животнаго царства, причемъ смерть эта обставляется весьма странными, на его взглядъ, обстоятельствами.

Такъ, у вида *Pillidi*, представляющаго собою, собственно говоря, лярву особаго рода ленточныхъ червей, материнскій организмъ, состоящій изъ простаго мѣшка, обладающаго ртомъ и желудкомъ, долженъ по-

гибнуть насильственной смертью при выведении молодых особей. Эти молодые особи, развивающіяся из зародышей, которые, въ известнѣй моментъ, образуются около желудка, вырываютъ послѣдній у матери, причемъ она распадается. Точно такую-же естественно-насильственной смертью умираютъ и нѣкоторые живородящіе Нематоды, у которыхъ отверстія, предназначенныя для выхода молодыхъ животныхъ, слишкомъ узки. Лявры, въ этомъ случаѣ, разрываютъ тѣло матери, предварительно поѣдая ея внутренности.

По мнѣнію автора, вышеприведенные примѣры представляютъ собою смерть естественную, такъ какъ она заложена въ условія организаци, — но въ то же время вовсе не предопредѣленную, такъ какъ еслибы выходныя отверстія у Нематодовъ были пошире, то материнскій организмъ продолжалъ бы жить. Мнѣ кажется, однакожь, что въ первомъ примѣрѣ едва ли мы можемъ видѣть дѣйствительную смерть, а во второмъ она является насильственной.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли считать лявру — матерью, а распаденье ея — смертью? Если да, то въ такомъ случаѣ всѣ личинки должны быть считаемы матерями, умирающими естественной смертью, такъ же какъ яйца или сѣмена. Они вѣдь также представляютъ собою отдѣльные организмы, и тоже должны умереть при развитіи зародыша. Но будетъ ли правиленъ такой взглядъ на дѣло? Не будучи специалистомъ, я не берусь рѣшать этотъ вопросъ, но думаю, однако-же, что лявва, личинка, яйца и сѣмя не суть отдѣльныя существа, а суть лишь переходныя стадіи отдѣльныхъ существъ. Уничтожаясь, они не умираютъ, а только преобразуются. Въ этомъ преобразованіи и лежитъ, по моему, глубочайшая тайна всякой жизни, такъ какъ оно, во-первыхъ, свойственно всѣмъ живымъ существамъ безъ исключенія*), а во-вторыхъ са-

*) Положеніе: *omne vivum ex ovo* никѣмъ еще не опровергнуто и самопроизвольнаго зарожденія никто не показывалъ. На этомъ основанъ даже общераспространенный теперь методъ стерилизаци чего бы то ни было, доказывающій, что и самыя низшіе организмы не возникаютъ безъ зародышей. Имѣющихъ отдѣльное существованіе. Т. XII—3.

мымъ непонятнымъ образомъ объединяетъ два отдѣльныхъ и ни въ чемъ другъ на друга непохожихъ индивидуума. Чѣмъ гусеница похожа на бабочку, яйцо на курицу или желудъ на дубъ, вообще всякій зародышъ на взрослый организмъ? Каждый изъ нихъ несомнѣнно есть отдѣльный индивидуумъ, живущій собственной жизнью, иногда весьма долго (гусеницы, а въ особенности сѣмена), а между тѣмъ каждый неразрывно связанъ съ своимъ коррелятомъ, и безъ него немислимъ. Умираютъ ли гусеница, яйцо и желудъ, преобразуясь въ бабочку, курицу и дубъ, если они, въ сущности, «едино суть»? А вѣдь нѣкоторыя то ихъ части, при этомъ дѣйствительно умираютъ: у гусеницы — то, что входитъ въ составъ куколки; у яйца, — скорлупа, у желудка — внѣшняя оболочка.

Что же касается второго примѣра, то смерть материнскаго организма Нематодовъ является, на мой взглядъ, столь же естественной, сколько и смерть женщины отъ родовъ. Будь выходныя отверстія пошире, говоритъ авторъ, такъ мать бы не умирала. Ну, конечно! Я удивляюсь только, почему естественный подборъ не воспользовался случаемъ истребить всѣхъ Нематодовъ съ узкими отверстиями, какъ слишкомъ плохо обезпечивающихъ существованіе вида; если бы матери оставались въ живыхъ, то онѣ могли бы вѣдь принести еще нѣсколько приплодовъ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію естественной смерти нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, отъ природы лишенныхъ такихъ органовъ, которые для существованія необходимы, напримѣръ — пищеварительныхъ; но я за его разсужденіями слѣдить здѣсь не буду, такъ какъ объ этомъ подробно говорилось въ первой его книгѣ, по поводу обыденокъ. Скажу только, что лишенными пищеварительныхъ органовъ, а слѣдовательно (что бы ни говорилъ авторъ) самой природою предназначенными къ скорой смерти, являются, главнымъ образомъ, мужскіе индивидуумы, служащіе только для оплодотворенія самокъ, а потому, мнѣ кажется, вполне аналогичные сперматозоидамъ, то есть индивидуумамъ такъ сказать сопряженнымъ,

живущимъ не для себя, а исключительно ради потомства. Для того, чтобы объяснить ихъ смерть, не прибѣгая къ гипотезѣ цѣлесообразности и предназначения, авторъ опять выставляетъ теорію автоинтоксикаціи, причемъ не замѣчаетъ, что и она ни сколько не противорѣчитъ предназначенію, такъ какъ вѣдь автоинтоксикація оказывается неизбежной, и притомъ только въ извѣстный моментъ.

Между прочимъ, авторъ приводитъ примѣръ прямо уже противорѣчащій всѣмъ его взглядамъ: самки вида *Solenobia*, лишенные пищеварительныхъ органовъ, несутъ яйца неоплодотворенныя, причемъ живутъ только одинъ день; но тѣ изъ нихъ, которыя почему-то ожидаютъ оплодотворенія, могутъ жить, хотя бы и безъ пищи, цѣлую недѣлю. Почему же у нихъ то истощеніе или автоинтоксикація не совершается ранѣе?

Высшихъ животныхъ, у которыхъ естественную смерть наблюдать почти не приходится, авторъ пропускаетъ и переходитъ прямо къ человѣку.

Приведя нѣсколько примѣровъ такой смерти, причемъ у нѣкоторыхъ стариковъ она сопровождалась пріятнымъ чувствомъ успокоенія, а другіе напротивъ того, до самаго конца страстно желали жить, авторъ объясняетъ ее опять-таки автоинтоксикаціей и сравниваетъ со сномъ. Явленіе сна, въ самомъ дѣлѣ, не безъ основанія принято теперь ставить въ зависимость отъ самоотравленія нервныхъ клѣтокъ продуктами ихъ распада, обусловленнаго дневной работою. Во время сна, продукты эти, каковы бы они ни были *) уносятся кровью и сгораютъ.

Такое сравненіе смерти со сномъ вполне допустимо, конечно. Но къ чему же оно въ концѣ концовъ приводитъ? Не къ тому ли, что интоксикація продуктами распада, въ остромъ или хроническомъ видѣ, неизбежна для каждаго живого существа, причемъ въ

*) Самоотравленіе, въ данномъ случаѣ, подтверждено опытами. За день, какъ въ нервныхъ, такъ и во всѣхъ другихъ тканяхъ организма, накапливаются разнаго рода отбросы (молочная кислота, левкоманны и проч.), которые ночью, во время сна, такъ или иначе удаляются изъ тканей.

первомъ случаѣ она иногда устраняется сномъ, а въ послѣднемъ—неустранимо ведетъ къ смерти?

Въ самомъ дѣлѣ, если всякая работа сопровождается затратой вещества и энергіи, часть которой, по непреложнымъ законамъ механики, должна оказаться непроизводительной (тратиться на преодоленіе пренятствій), то всякая работа—а въ томъ числѣ и работа жизни—должна рано или поздно остановиться, въ зависимости отъ величины имѣющагося запаса вещества и энергіи, такъ же какъ и отъ сравнительной легкости пополненія этого запаса. Паровая машина, автоматически сама себя снабжающая водою и топливомъ, будетъ дѣйствовать тѣмъ дольше, чѣмъ меньше силъ тратитъ на это снабженіе; но рано или поздно она все-таки остановится, потому что часть силъ ей приходится тратить непроизводительно и такимъ образомъ накапливать дефицитъ, въ концѣ концовъ поглощающій весь приходъ. Остановка произойдетъ тѣмъ скорѣе, что, помимо траты силъ на снабженіе себя топливомъ и водою, машина принуждена тратить силы и на производство какой-нибудь работы, причемъ дефицитъ нарастаетъ съ еще большей быстротою; а кромѣ того и части машины портятся отъ работы и вліянія внѣшнихъ условій—стираются, ржавѣютъ, изменяютъ свое строеніе.

Въ общемъ, продолжительность дѣйствія всякой автоматически питающейся машины зависитъ стало быть, во первыхъ—отъ качества матеріаловъ, употребленныхъ на ея постройку; во-вторыхъ, отъ болѣе или менѣе удачной ея компановки; въ-третьихъ—отъ сравнительной трудности исполняемой ею работы; въ-четвертыхъ, отъ болѣе или меньшей легкости автоматическаго самоснабженія веществомъ и энергіей; въ-пятыхъ, отъ различныхъ внѣшнихъ вліяній. Какъ бы ни были, однакоже, идеально поставлены всѣ эти условія наибольшей продолжительности дѣйствія, машина все же, раньше или позже, остановится, въ силу накопленія рабочаго дефицита. Такая остановка и будетъ ея естественной смертью, заранѣе обусловленной, предопредѣленной, вышеозначенными пятью ограничивающими пунктами, или

лучше сказать только четыремя первыми изъ нихъ, такъ какъ пятый—внѣшнія вліянія—будетъ уже дѣйствовать какъ факторъ смерти насильственной.

Совершенно тѣ же мнѣ кажется, ограничительныя условія опредѣляютъ и естественную продолжительность жизни всѣхъ живыхъ существъ. Такъ же какъ автоматически питающаяся машина, существа эти принуждены затрачивать вещество и энергію на свою жизненную работу; такъ же какъ у машины, часть этой затраты является у нихъ непроизводительной; такъ же какъ машина, накапливаютъ они дефицитъ; такъ же осуждены на естественную смерть, наступающую болѣе или менѣе поздно въ зависимости отъ тѣхъ же ограничительныхъ условій, которыя въ нихъ, какъ въ машинѣ, должны быть заранѣе заложены, то есть предопредѣлены. Разница между машиной и живымъ существомъ состоитъ только въ томъ, что устройство послѣдняго безмѣрно сложнѣе и совершеннѣе какой бы то ни было машины, а дѣятельность—безмѣрно разностороннѣе и притомъ внутренне-свободнѣе (зависимѣе отъ внутреннихъ мотивовъ, то есть стремленій, чѣмъ отъ внѣшнихъ причинъ, то есть насилія). Однимъ словомъ, живое существо есть машина, построенная сверхъ-геніальнымъ инженеромъ, вложившимъ въ нее даже часть своего разума...

Опредѣливъ естественную смерть какъ самоотравленіе, авторъ переходитъ конечно, къ средствамъ, могущимъ, устранить или по крайней мѣрѣ задержать послѣднее. Но о нихъ онъ подробнѣе говоритъ въ слѣдующемъ очеркѣ, а настоящій кончаетъ доказательствами возможности развитія инстинкта смерти, о которомъ такъ много писалъ въ своей первой книгѣ.

IV.

Нужно-ли заботиться о продленіи человѣческой жизни?

Въ виду всеобщихъ жалобъ на краткость человѣческаго житія, автору, пожалуй, и не потребовалось бы отвѣчать на такой вопросъ, если бы не заботы его

о благѣ общественномъ—*de salute rei publicae*. Въ самомъ дѣлѣ: содержаніе старухъ и стариковъ дорого стоитъ обществу (во Франціи—полтора ста милліоновъ франковъ въ годъ), а между тѣмъ они, не принося никакой пользы, только увеличиваютъ собою и безъ того слишкомъ большую скученность населенія въ нѣкоторыхъ странахъ, такъ же, какъ хроническіе, неизлѣчимые больные, по поводу ненужнаго и вреднаго ухода за которыми Геккель даже упрекалъ современную медицину.

Не считая, повидимому, возможнымъ вступить за стариковъ и больныхъ во имя чувства и самой элементарной справедливости, авторъ старается однако же защитить ихъ во имя выгоды, и теперь многими изъ нихъ приносимой (перечисляетъ больныхъ, сдѣлавшихся знаменитыми—Френель, Веберъ, Шопэнъ и др.), а въ будущемъ, когда естественная смерть станетъ обычною, еще болѣе возможной. Тогда старики и старухи станутъ содержать сами себя, вплоть до смерти. А что касается переполненія земного шара, то, во-первыхъ, до него еще далеко, а во-вторыхъ—ему можно противопоставить сокращеніе рождаемости, которое и теперь уже кое-гдѣ практикуется въ широкихъ размѣрахъ.

Вотъ что касается ухода за неизлѣчимыми больными, то его авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, считаетъ вреднымъ для общества и подлежащимъ отбѣнѣ. Лучше позаботиться объ устраненіи болѣзней (такъ же, какъ и старости) путемъ гигиены и терапевтики.

Успокоивъ насъ, такимъ образомъ, за участь стариковъ, поскольку они сами будутъ въ состояніи содержать себя, и больныхъ, поскольку они излѣчимы, авторъ уже съ чистой совѣстью отвѣчаетъ на заданный себѣ вопросъ: «да, заботиться о продленіи человѣческой жизни полезно».

Человѣчество, впрочемъ, даже не спрашивая мнѣнія автора, съ незапамятныхъ временъ объ этомъ заботится. Сначала оно, желая продлить жизнь стариковъ, предписывало имъ проводить побольше времени въ кругу молодыхъ женщинъ, затѣмъ стало изобрѣтать различныя «эликсиры» (считая въ томъ числѣ

пресловутый сперминъ) и наконецъ остановилось на всѣмъ извѣстныхъ гигиеническихъ правилахъ—умѣренность, чистый воздухъ, гимнастика и проч.

Последнія изъ этихъ средствъ оказались самыми дѣйствительными, что авторъ и старается доказать нѣсколькими цифрами, не особенно, впрочемъ, убѣдительными, въ виду ихъ случайности, отрывочности и незначительности*).

Вообще эти цифры—какъ и всякія другія, которыхъ авторъ могъ бы собрать весьма много—говорятъ скорѣе за возможность сохраненія жизни для большаго количества людей, чѣмъ за возможность ея продленія для отдѣльныхъ лицъ. Съ этимъ онъ, впрочемъ, и самъ соглашается, говоря, что столѣтнихъ старцевъ, прежде, когда люди руководствовались только инстинктами, было, пожалуй, больше чѣмъ теперь.

Среди устранимыхъ золъ, укорачивающихъ жизнь человѣка, авторъ указываетъ прежде всего на острые заразные болѣзни, на сифилисъ и на чахотку, научная борьба съ которыми только еще начинается*), а затѣмъ онъ переходитъ къ главному своему коньку—къ пожиранию фагоцитами «благородныхъ» клѣтокъ организма. Такъ какъ это пожирание обуславливается, по мнѣнію автора, ослабленіемъ благородныхъ клѣтокъ, зависящимъ исключительно отъ интоксикаціи ихъ продуктами дѣятельности вредоносныхъ микробовъ, накапливающихся въ толстыхъ кишкахъ, то главными средствами къ его устраненію являются, во-первыхъ—дезинфекція содержимаго толстыхъ кишекъ, а во-вторыхъ—укрѣпленіе благородныхъ клѣтокъ подкожными впрыскиваніями соответствующихъ сыворотокъ.

Я не буду здѣсь повторять доказательствъ вредоносности толстыхъ кишекъ, о которой авторъ подробно

*) Въ самомъ дѣлѣ, вотъ эти цифры: въ XVI столѣтіи, въ Женевѣ, умирало 26% поворожденныхъ, а въ XIX—16%; престарѣлые пасторы въ Даніи, въ XVIII вѣкѣ, давали смертность въ 22%, а теперь даютъ только 16,4; въ 40-хъ годахъ XIX вѣка, въ Англіи, умерло 16,2% населенія, а въ 90-хъ—15,3.

**) Между прочимъ, авторъ предлагаетъ лицамъ, имѣющимъ сношенія съ проститутками, употреблять предохраняющую отъ зараженія мазь, въ составъ которой входитъ 30% каломеля.

говорилъ въ первой своей книгѣ, тѣмъ болѣе что онъ хотя и представляетъ теперь еще два примѣра возможности существованія безъ нихъ, но на непремѣнномъ ихъ удаленіи повидимому уже не настаиваетъ, такъ какъ оно, по собственному его признанію, оказалось недостаточнымъ для устраненія зла: флора тонкихъ кишекъ продолжала изобилловать вредоносными микробами.

Не буду я также говорить, и по той же причинѣ, о впрыскиваніи сыворотокъ, тѣмъ болѣе что, по словамъ автора, ихъ и добыть очень трудно, такъ какъ для ихъ добыванія нужны здоровые органы изъ свѣжихъ человѣческихъ труповъ.

Въ настоящей своей книгѣ проф. Мечниковъ говоритъ главнымъ образомъ о дезинфекціи кишечной флоры. Прежде всего онъ упоминаетъ о β -нафтолѣ, который еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія былъ предложенъ для такой дезинфекціи. Но β -нафтолъ оказался вреднымъ для организма вообще, а на микробовъ почти не дѣйствуетъ, такъ же какъ и другія средства (салолъ, каломель, нафталинъ, камфора), послѣдовательно затѣмъ предлагавшіяся, за исключеніемъ тимола, который, будто-бы, значительно уменьшаетъ количество микробовъ въ испраженіяхъ.

Мало помогаютъ также и слабительныя, хотя они, не препятствуя размноженію микробовъ, всетаки выводятъ ихъ изъ организма, а потому могутъ считаться полезными.

Въ послѣдніе годы, по инициативѣ Флетчера, для устраненія гніенія въ кишкахъ, признано было полезнымъ какъ можно дольше и старательнѣе пережовывать пищу, чтобы пропитать ее слюною. Но этотъ приемъ даже ухудшилъ дѣло, такъ какъ повелъ только къ запорамъ,—слишкомъ размельченная пища переставала раздражать кишки и тѣмъ вызывать въ нихъ перистальтику.

Въ виду полной или частичной неудачи всѣхъ до сихъ поръ предложенныхъ методовъ дезинфекціи кишечнаго канала, авторъ особенно долго останавливается на томъ, который онъ самъ предложилъ въ послѣдніе годы. Теперь этотъ методъ—потребленіе про-

стокваши—всѣмъ извѣстенъ и широко примѣняется какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, а потому я не буду говорить о подробностяхъ практическаго его примѣненія и скажу лишь нѣсколько словъ о теоретическихъ соображеніяхъ, на которыхъ онъ основанъ.

Принимая во вниманіе, что кишечная флора вліяетъ на продолжительность жизни, а составъ пищи вліяетъ на кишечную флору, авторъ предлагаетъ культивировать послѣднюю путемъ особаго подбора первой. При опредѣленіи основаній для такого подбора, онъ прежде всего указываетъ на необходимость стерилизовать всѣ пищевыя вещества путемъ кипяченія, убивающаго большую часть вредоносныхъ микробовъ, которые содержатся въ этихъ веществахъ.

Ничего сырого!—Вотъ первое правило, рекомендуемое проф. Мечниковымъ, хотя самъ же онъ указываетъ, съ одной стороны на то, что кипяченіе не всегда убиваетъ микробовъ; съ другой—что послѣдніе могутъ пробираться въ организмъ не съ пищей, а иными путями (съ воздухомъ, напримѣръ, какъ у новорожденныхъ дѣтей, не успѣвшихъ еще сосать); съ третьей, наконецъ—что потребление даже гниющихъ веществъ далеко не всегда вредитъ здоровью*). Въ концѣ концовъ онъ высказываетъ на этотъ счетъ мнѣніе, совершенно уничтожающее вышеприведенное правило: весьма многіе люди, говоритъ онъ, также какъ и животныя, безъ малѣйшаго вреда для себя, могутъ поглощать значительныя количества вредоносныхъ микробовъ, тогда какъ другіе погибаютъ уже и отъ малаго ихъ количества, такъ что все зависитъ отъ индивидуальности, отъ способности организма къ сопротивленію.

*) Китайцы предпочитаютъ загнившія яйца свѣжимъ; многіе, особенно любимые сыры, нельзя назвать иначе какъ гниющими; гг. Тиссе и Мартели недавно, на самихъ себѣ испробовали безвредность гниющаго мяса. Въ общемъ, надо думать, что вредны не бациллы, обуславливающія гніеніе—онѣ вездѣ есть, а тѣ птомаины, которые онѣ уже успѣли выработать и отъ которыхъ зависитъ весь вредъ. Знаменитый рыбный ядъ дѣйствуетъ такъ быстро, что его едва ли можно считать организованнымъ.

Помимо кипяченія, стерилизующимъ средствомъ, между прочимъ, служатъ и всѣ кислоты, какъ неорганическія такъ и органическія. Самыми удобными для стерилизаціи содержимаго кишекъ являются, конечно, послѣднія (уксусная, молочная, лимонная, яблочная, виннокаменная и проч.), какъ сравнительно безвредныя для организма, темъ болѣе что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ вырабатываться въ самыхъ кишкахъ, какова, напримѣръ, кислота молочная.

Представивъ доказательства того, что эта послѣдняя дѣйствительно останавливаетъ не только гніеніе, но и развитіе другихъ, вредныхъ для организма видовъ броженія, авторъ перечисляетъ богатыя ею пищевыя вещества, издревле, по инстинкту, потребляемыя нѣкоторыми (лучше сказать—почти всѣми) народами: кислый хлѣбъ, черный и бѣлый; соленые огурцы; квашеная капуста и бураки; квасъ; наконецъ—кислое молоко въ разныхъ видахъ (простокваша, варенецъ, кефиръ, кумысъ, ягуртъ**), творогъ, сметана и проч.).

Разъ молочная кислота останавливаетъ гніеніе внѣ человеческого организма, то почему бы ей не дѣлать того же въ кишкахъ? Разъ она, подъ вліаніемъ особаго рода бациллъ, образуется, изъ сахаристыхъ веществъ, внѣ организма, то почему бы ей не образоваться изъ тѣхъ же веществъ внутри онаго?

И дѣйствительно, прямые опыты Кертера, надъ собаками, и М. Коанди (Cohen dy) надъ самимъ собою, доказали, что введеніе въ организмъ чистыхъ культуръ молочной бациллы превращаетъ гніеніе въ кишкахъ. Между прочимъ, бацилла эта до такой степени хорошо акклиматизируется въ пищеварительномъ каналѣ чловѣка, что ее тамъ можно открыть даже семь недѣль спустя послѣ того какъ она была введена въ послѣдній разъ.

Многочисленные опыты другихъ ученыхъ доказали, что молочная кислота, препятствуя гніенію и развитію маслянаго (бутироваго) броженія, можетъ служить прекраснымъ средствомъ противъ самыхъ разнообразныхъ

**) Родъ варенца, потребление котораго очень распространено на Балканскомъ полуостровѣ,

разныхъ страданій кишечника, начиная съ дѣтскаго поноса и кончая даже азіатской холерой. Всевозможныя диспепсіи, энтериты, колиты и проч. быстро проходятъ при ея употребленіи. Что же касается молочной бациллы, то она дѣйствуетъ не только путемъ развитія молочной кислоты, но и еще чѣмъ то, такъ какъ, по свидѣтельству Бѣлоновскаго, даже мертвыя ея разводи (убитыя при 56—60°) вліяютъ почти такъ же какъ живыя (?).

Немудрено, поэтому, что человекъ, съ незапятнанныхъ временъ, совершенно инстинктивно, потреблялъ громадное количество пищевыхъ веществъ, содержащихъ въ себѣ молочную кислоту и бациллы, ея развивающихъ. Цѣлые народы (особенно кочевые) питаются почти исключительно кислымъ молокомъ въ разныхъ видахъ, причѣмъ обладаютъ крѣпкимъ здоровьемъ и долголѣтіемъ. Но среди разновидностей кислаго молока, наиболѣе богатою молочными бациллами, наиболѣе чистою отъ вредныхъ примѣсей (алкоголя, дрожжевыхъ грибовъ и другихъ видовъ бацилл *) является такъ называемая «болгарская простокваша», за послѣднее время, благодаря проф. Мечникову, прославившаяся и у насъ въ Петербургѣ. Простоквашу эту, получаемую при дѣйствіи закваски болгарскаго ягурта, авторъ особенно рекомендуетъ какъ средство, содѣйствующее продленію человѣческой жизни. Приготовлять ее слѣдуетъ изъ молока снятого (чтобы удалить излишекъ жира) и притомъ кипяченнаго, такъ какъ въ сыромъ молокѣ могутъ встрѣтиться вредныя бациллы (тифозныя, туберкулезныя и проч.), которыхъ молочная кислота не убиваетъ.

Лицамъ, совершенно не переносящимъ молока авторъ рекомендуетъ принимать болгарскую молочную бациллу въ чистомъ видѣ (въ культурахъ на бульонѣ или въ порошокѣ), вмѣстѣ съ сахаристыми веществами, разсчитывая на развитіе молочнаго броженія въ кишкахъ. Самъ онъ уже болѣе восьми лѣтъ ввелъ такія

*) Особенно нечистыми авторъ считаетъ кефиръ и кумысъ, содержащіе слишкомъ много алкоголя.

культуры въ свой режимъ и остался очень доволенъ результатами.

Ну что жъ! Противъ пользы употребленія кислаго молока въ разныхъ видахъ, хотя бы и въ видѣ болгарской простокваша, едва ли кто нибудь станетъ возражать, тѣмъ болѣе что человечество, съ незапамятныхъ временъ, инстинктивно уже имъ питается. Задерживающее дѣйствіе кислотъ на бродильные процессы тоже давно всѣмъ извѣстно. Но нельзя же мнѣ кажется, придавать простоквашѣ, хотя бы и болгарской, значеніе какого то жизненнаго эликсира.

Начать съ того, что вѣдь неизвѣстно еще, въ какомъ видѣ доходятъ молочныя бациллы, подвергнутыя дѣйствію желудочнаго сока, содержащаго кислоту хлористо-водородную, до кишекъ. Остаются ли онѣ способными возбуждать тамъ молочное броженіе? Не погибаютъ ли въ желудкѣ сами? Вѣдь мы не знаемъ даже, доходитъ ли до толстыхъ кишекъ и молочная-то кислота, не всасывается ли она тоже въ желудкѣ или, по крайней мѣрѣ, въ двѣнадцатиперстной кишкѣ.

Затѣмъ, въ одной ли только простоквашѣ находится молочная кислота и молочныя бациллы? Самъ же авторъ говоритъ, что то и другое есть въ квасу, въ квашеныхъ овощахъ и проч. Почему же одна только простокваша считается спасительной? Особою чистотою культуръ она вѣдь можетъ отличаться только при лабораторномъ приготовленіи, да и то не на долго, такъ какъ всегда входитъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ, въ которомъ носятся зародыши всевозможныхъ бациллъ.

Наконецъ, почему авторъ придаетъ особое значеніе только молочной кислотѣ, когда и уксусная, и яблочная, и лимонная, и виннокаменная столь же безвредны, обладаютъ такими же бактерицидными свойствами и также, съ незапамятныхъ временъ, инстинктивно употребляются человекомъ? Вѣдь молочная кислота, въ видѣ кислаго чернаго хлѣба, кваса, квашеныхъ овощей и проч. потребляется главнымъ образомъ въ Россіи, да развѣ еще, въ Германіи, а весь югъ Европы потребляетъ другія кислоты, въ видѣ фруктовъ, сидра, вина, уксуса и проч., причѣмъ нисколько не хуже себя отъ этого чувствуетъ. Мы, сѣверяне, остановились на

молочной кислотѣ потому, что у насъ нѣтъ никакихъ другихъ — фрукты и, главнымъ образомъ, виноградъ, со всѣми добываемыми изъ него продуктами, намъ недоступны.

Ясно стало быть, что проф. Мечниковъ увлекся случайно попавшимъ ему на глаза пищевымъ веществомъ, составляющимъ только одно звѣно въ ряду другихъ такихъ же веществъ, ни въ чемъ ему не уступающихъ. Въ такомъ увлеченіи не было бы ничего дурного, конечно, если бы оно не страдало одно-сторонностью. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь есть же люди, плохо переносящіе молоко (самъ проф. Мечниковъ принадлежитъ въ ихъ числу — не даромъ же онъ замѣнилъ простоквашу чистыми разводками молочной бациллы), а при постоянномъ и продолжительномъ употребленіи оно надоѣдаетъ почти всѣмъ. Какъ же быть этимъ людямъ, если наука, устами одного изъ выдающихся своихъ представителей, заявляетъ имъ, что вѣдь простокваша, да еще болгарской, нѣтъ спасенія? Если бы не наука, то они замѣнили бы простоквашу сырыми фруктами, сидромъ, квасомъ, укусомъ, даже легкимъ виномъ — смотря по инстинктивной склонности и внѣшнимъ условіямъ — а теперь имъ нѣтъ выхода: или кушай простоквашу, хотя отъ нея тошнить и пищевареніе разстраивается, или погибай.

А между тѣмъ и вся гипотеза-то проф. Мечникова, относительно этой гибели, то есть причины старости и преждевременной смерти, виситъ на волоскѣ, какъ это я старался доказать въ своей статьѣ, написанной по поводу первой его книги.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что автоинтоксикація продуктами жизнедеятельности вредоносныхъ бациллъ въ пищеварительномъ каналѣ, или въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ организма, должна значительно ослаблять послѣдній, но считать ее единственной причиной старости и смерти было бы болѣе чѣмъ странно. Всякій живой организмъ долженъ стариться и умирать въ силу накопленія дефицита, о которомъ я говорилъ выше. Это одна изъ аксіомъ механики. Дефицитъ на-

копляется тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше непроизводительная трата энергіи и матеріи. А эта непроизводительная трата тѣмъ больше, чѣмъ труднѣе и, такъ сказать, сверхсмѣтнѣе работа, совершаемая организмомъ. Борьба со всевозможными болѣзнями, а въ томъ числѣ и съ автоинтоксикаціей ядами, вырабатывающимися въ самомъ организмѣ, будучи случайной, является сверхсмѣтною по преимуществу, и устраненіе ея, разумѣется, должно благотворнымъ образомъ отразиться на продолжительности жизни (недаромъ большинство столѣтнихъ старцевъ, по словамъ автора, никогда ничѣмъ не хворали).

Вполнѣ благо разумно, поэтому, поступаетъ тотъ человѣкъ или то общество, которые инстинктивно или при помощи хорошо обдуманыхъ и вполнѣ рациональныхъ гигиеническихъ, діететическихъ и санитарныхъ мѣръ, стараются предохранить себя отъ всякаго рода случайныхъ (то есть необязательныхъ, не заложенныхъ въ самой природѣ организма) заболѣваній. Но рациональная гигиена и санитарія, несмотря на то добро, которое онѣ принесли человѣку за послѣдніе годы, все таки не могутъ еще считаться достаточно разившимися для того чтобы съ несомнѣнной пользою вторгаться въ область жизни индивидуальной, руководимой и до сихъ поръ еще преимущественно инстинктами. Не знаемъ вѣдь мы, почему одинъ человѣкъ ѣсть преимущественно мясо, а другой растительныя вещества; почему одинъ, потребляя водку въ огромныхъ количествахъ, доживаетъ до глубокой старости, а другой, потреблявшій только пиво, да и то мало (а иногда совсѣмъ не пьющій), въ молодыхъ годахъ умираетъ отъ артеріосклероза; почему сыръ, земляника, абрикосы и проч. у однихъ вызываютъ разнообразныя заболѣванія, а другими потребляются безъ всякаго вреда и т. д. Поэтому нельзя, мнѣ кажется, категорически воспрещать кому-либо потребление сырыхъ фруктовъ или алкоголя и столь же категорически предписывать потребление болгарской простокваши. Пусть люди руководствуются своими инстинктами до тѣхъ поръ, пока наука не разовьется до такой степени чтобы законно отрицать послѣдніе. А вредоносныя

бациллы вездѣ есть, какъ во фруктахъ такъ и въ простоквашѣ, въ послѣдней даже ихъ больше.

Итакъ, нужно ли заботиться о продолженіи чело-
вѣческой жизни? Да конечно же нужно, хотя бы во
имя того, что громадное большинство людей желаетъ
ее продлить, а искусственное укороченіе чужихъ
жизней явилось бы непростительнымъ нахальствомъ
и насилиемъ, если бы даже сама наука его оправдала.
Да наука, дѣйствительная наука, никогда его и не
оправдаетъ, потому, что она знаетъ, до какой степени
шатки, непрочны и ошибочны всѣ ея выводы, съ ви-
ду кажущіеся неопровержимыми. Наука есть вѣчное
исканіе истины, безъ всякой надежды на полное ея
постиженіе, а потому ей не къ лицу какое бы то ни
было насилие.

V.

Зачатки челоуѣческой психики.

Въ этомъ, очень коротенькомъ, очеркѣ, авторъ,
полемизируя съ противниками эволюціонной теоріи
происхожденія челоуѣка, стремится подкрѣпить эту
теорію сближая челоуѣческую психику съ психикой
обезьянъ и вообще низшихъ жиотныхъ.

Подобно тому, говоритъ онъ, какъ въ челоуѣче-
скомъ организмѣ сохранились, въ зачаточномъ видѣ,
совершенно ему не нужные и даже вредные органы,
когда то приносившіе пользу его предкамъ, низшимъ
животнымъ (червеобразный отростокъ, зубъ мудрости,
мышцы уха и проч.) въ челоуѣческой психикѣ со-
хранились и зачатки психическихъ функцій, свойствен-
ныхъ этимъ предкамъ.

Среди такихъ зачатковъ, авторъ прежде всего
указываетъ на чувство страха, которому животныя
подчиняются вполне, и съ которымъ челоуѣкъ можетъ
бороться тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ совершеннѣе развиты
его разумъ и воля. Обладающія страшной физической
силою антропоидныя обезьяны (кромѣ одного гориллы)
чрезвычайно пугливы. Они боятся не только морскихъ
свинокъ, зайцевъ, мышей, но даже голубей, и бѣгутъ

иногда отъ воображаемыхъ опасностей. Страхъ у нихъ
проявляется во-первыхъ стремленіемъ убѣжать, затѣмъ,
дрожью во всѣхъ членахъ, ошестиваніемъ шерсти,
криками, наконецъ непроизвольнымъ выдѣленіемъ мо-
чи и кала.

Совершенно отъ такихъ же ничтожныхъ причинъ
(боязнь пауковъ, мышей, привидѣній и проч.) и со-
вершенно въ тѣхъ же формахъ проявляется страхъ
и у челоуѣка, особенно — стоящаго на низкой сте-
пени развитія (чему авторъ представляетъ примѣры).

Затѣмъ, большинство животныхъ обладаютъ ин-
стинктивной способностью плавать по водѣ, но антро-
поидныя обезьяны, такъ же какъ челоуѣкъ, кажутся
лишенными этой способности. Однакожъ, подъ влияні-
емъ сильнаго страха или смертельной опасности, она
и у нихъ проявляется.

Наконецъ у обезьянъ, особенно низшихъ, благо-
даря необходимости добывать себѣ пищу и избѣгать
опасностей, развилась замѣчательная ловкость движе-
ній; онѣ бѣгаютъ, прыгаютъ, лазаютъ, цѣпляются за
вѣтки какъ настоящіе акробаты. Челоуѣку такая
ловкость не нужна, и потому онъ ею не обладаетъ.
Но въ минуты смертельной опасности, а также нахо-
дясь въ безсознательномъ состояніи, когда разумъ не
работаетъ (лунатикъ), и онъ оказывается способнымъ
проявлять чудеса ловкости, чему авторъ тоже пред-
ставляетъ яркіе примѣры.*)

На основаніи всѣхъ этихъ примѣровъ и сопостав-
леній, авторъ приходитъ къ выводу, что и въ психикѣ
челоуѣка сохранились зачатки способностей, свойствен-
ныхъ его отдаленнымъ предкамъ, и что способности
эти ждутъ только случая чтобы проявиться.

А такимъ случаемъ является всякое затемнѣніе
разума, подсознательное состояніе, вполне по-
добное тому, въ которомъ, надо думать, постоянно
жили наши антропоидныя предки и живеть до сихъ

*) Особенно интересенъ примѣръ одного истеричнаго муж-
чины, который, по ночамъ, захвативъ съ собою подушку, оче-
видно принимаемую имъ за ребенка, бѣгалъ съ нею по крышамъ,
совершалъ невозможные прыжки, пролѣзалъ въ узкія отверстія,
вообще проявлялъ чисто обезьянью ловкость.

поръ весь животный мiръ. Внимательное изслѣдованiе истерiи, по мнѣнiю автора, могло бы дать намъ драгоценныя указанiя на связь человѣка съ этими предками, такъ какъ истерiя вообще представляетъ собою существованiе подсознательное.

Вполнѣ признавая справедливость разсужденiй автора, поскольку они сближаютъ психо-физику человѣка съ психо-физикой всѣхъ остальныхъ членовъ животнаго царства, я не могу, однакоже, согласиться съ тѣмъ, чтобы эта близость неоспоримо указывала на происхожденiе ихъ другъ отъ друга, путемъ эволюцiи. По моему, она указываетъ только на одинаковость условiй, необходимыхъ для развитiя какого-бы то ни было живого организма.

Всѣ такiе организмы состоятъ изъ клѣточекъ, приблизительно одинаковыхъ; въ составъ ихъ входятъ приблизительно одинаковыя вещества, бѣлковыя и инныя; всѣ они обладаютъ приблизительно одинаковыми или аналогичными другъ другу органами, исполняющими аналогичныя функцiи, и такъ далѣе. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ они произошли другъ изъ друга, путемъ эволюцiи. Вѣдь вотъ и машины всѣ дѣлаются изъ однихъ и тѣхъ же материаловъ (стали, мѣди, дерева), обладаютъ аналогичными органами (рычагами, колесами, пружинами), исполняющими аналогичныя функцiи, и все же никому не придетъ въ голову утверждать, что онѣ развились другъ изъ друга, путемъ естественнаго подбора и приспособленiя.

Я далекъ отъ того, чтобы отрицать значенiе эволюцiи въ органической жизни природы; на то и жизнь, чтобы постоянно измѣняться подъ влiянiемъ внутреннихъ мотивовъ и внѣшнихъ причинъ, но я не вижу основанiй, достаточныхъ для того, чтобы признать эволюцiю единственнымъ факторомъ, обуславливающимъ разнообразiе видовъ, притомъ факторомъ, не только измѣняющимъ, но и творящимъ. Прежде чѣмъ измѣниться, нужно существовать. Я допускаю, что самый несовершенный, первобытный глазъ или какой-нибудь другой органъ, путемъ эволюцiи, можетъ развиться до полнаго совершенства въ физико-механическомъ

мыслѣ слова, но я не могу допустить, чтобы тотъ же глазъ, то есть органъ, специально приспособленный къ перцепированiю свѣта, могъ впервые образоваться изъ первой попавшейся клѣточки, притомъ именно на известномъ мѣстѣ поверхности тѣла. Для того, чтобы образовался, эта клѣточка, мнѣ кажется, должна быть заранѣе къ тому приспособлена. Въ утробной жизни нѣтъ условiй, вызывающихъ развитiе того или другаго специальнаго органа, а между тѣмъ эти органы образуются, у всѣхъ по одному и тому же плану. Наслѣдственность? Но что она такое?

Точно также мнѣ кажется невозможнымъ допустить, чтобы живой организмъ могъ возникнуть изъ неорганическихъ веществъ путемъ одной только эволюцiи, то есть подъ влiянiемъ внѣшнихъ причинъ и при дѣйствии чисто механическихъ энергiй, не направленныхъ внутреннимъ стремленiемъ къ цѣли. Да мы вѣдь никогда и не видали такого возникновенiя: *omne vivum ex ovo*, даже бактерiи не возникаютъ въ стерильной средѣ. Теорiя эволюцiи, вполнѣ справедливая въ известныхъ границахъ, не можетъ, слѣдовательно, переступить эти границы, подъ страхомъ лишиться научной почвы и перейти въ область фантазiй, научныхъ предрасудковъ. «Жизненная сила», то есть особая форма энергiи, подчиненная, помимо внѣшнихъ причинъ еще и внутреннимъ мотивамъ, тоже, конечно, не вышла еще изъ области фантазiи, такъ же какъ эфиръ—безконечно упругое и невѣсомое вещество, но существованiе ея, такъ же какъ и существованiе эфира, приходится предположить въ виду ничѣмъ инымъ необъяснимой сущности жизни. Давно ли понятiе объ эфирѣ, благодаря покойному Д. И. Менделѣеву, было поставлено на болѣе или менѣе прочную, научную почву? Десять лѣтъ тому назадъ это понятiе было только необходимымъ постулатомъ ничѣмъ другимъ необъяснимыхъ свѣтовыхъ волнъ.

Едва ли, поэтому, можно считать научнымъ приемъ Проф. Мечникова, доказывающаго происхожденiе человѣка отъ обезьянъ сходствомъ нѣкоторыхъ проявленiй его психической жизни съ таковыми же у его предположенныхъ предковъ.

Страхъ! Но вѣдь это чувство есть лишь логическое послѣдствіе инстинкта самосохраненія, который пресущъ и долженъ быть присущимъ всему живому повсюду гдѣ бы жизнь не развилась и откуда бы она не появилась. Можете ли вы себѣ представить живое существо — на Марсѣ, на Венерѣ или тѣ бы то не было, — которое не боялось бы страданій и уничтоженія, которое не проявляло бы своего страха повсюду аналогичными дѣйствіями? Происходить ли данное существо отъ обезьяны или не происходитъ оно всегда будетъ или бѣжать отъ опасности или бороться съ нею тѣми средствами, которыя находятся въ его распоряженіи.

Мыслимо ли живое существо, ничѣмъ не реагирующее на угрозу страданіями или уничтоженіемъ?

А если реакція эта, у всѣхъ живыхъ существъ, проявляется почти одинаково, то такое явленіе можетъ быть объяснено одинаковостью строенія организмовъ и единствомъ энергіи, ихъ одушевляющей, происходитъ ли дѣло на Землѣ или на Марсѣ.

VI.

О нѣкоторыхъ пунктахъ въ исторіи животныхъ обществъ.

Этотъ очеркъ представляетъ собою, собственно говоря, краткую исторію развитія общественности въ животномъ царствѣ.

Критики первой книги автора упрекаютъ его въ томъ, что онъ, проповѣдуя ортобіозъ, то есть прохожденіе человѣкомъ полного цикла жизни, забываетъ объ интересахъ общества или вида, которые, будто бы, во всемъ животномъ царствѣ предпочитаютъ интересамъ индивидуальнымъ.

Авторъ совершенно основательно отвѣчаетъ на это, что интересы рода человеческого вообще, успѣшно стоящаго съ лица земли многихъ своихъ враговъ (волковъ, медвѣдей и проч. дикихъ звѣрей), достаточно охраняются наукою, съумѣвшей уменьшить смертность отъ болѣзней и стремящейся устранить всякаго рода убійства, поэтому особенно заботиться объ нихъ нечего.

А что касается интересовъ общества, то они тѣмъ больше ступовываются передъ интересами личности, чѣмъ выше стоитъ данный видъ животныхъ на лѣстницѣ существъ.

Въ самомъ дѣлѣ, полное самопожертвованіе индивидуума въ пользу общества встрѣчается только у существъ, стоящихъ на границѣ между животнымъ и растительнымъ царствомъ. Такъ миксомицеты, которые выходятъ изъ споръ въ формѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, обладающихъ извѣстной самостоятельной организацией, сталкиваясь другъ съ другомъ, сливаются въ однородную, студенистую массу, живущую общей жизнью и одаренную способностью медленно передвигаться.

Переходя къ животнымъ, стоящимъ выше миксомицетовъ, мы встрѣчаемъ общественную жизнь у полиповъ и сифонофоръ, у которыхъ индивидуумы, связанные другъ съ другомъ общностью нѣкоторыхъ органовъ (общія клоаки, напримѣръ), все же не теряютъ своей индивидуальности, такъ какъ обладаютъ отдѣльными ртами и желудками. Еще въ большой степени не теряютъ ее члены общинъ у насѣкомыхъ — пчель, муравьевъ, термитовъ. Среди первыхъ, есть даже видъ, члены котораго, будучи совершенно равными и равноправными, соединяются въ общества лишь временно, для изгнанія непріятели напримѣръ, или для того, чтобы взаимно грѣть другъ друга зимою, а остальное время живутъ врознь. У другихъ же, всѣмъ извѣстныхъ видовъ пчель, муравьевъ и термитовъ, болѣе или менѣе полное подчиненіе индивидуума интересамъ общины обуславливается неполнотою его организаціи, недозволяющей ему жить отдѣльной жизнью. Такъ, у домашнихъ пчель, самка или матка даже пищу добывать не умѣетъ, а потому оказывается слишкомъ безпомощной для самостоятельнаго существованія и превращается въ машину для выработки яицъ; равнымъ образомъ и самцы, или трутни, которые ни на что кромѣ дѣторожденія неспособны. Но за то рабочія пчелы, снабженныя и высоко развитымъ интеллектомъ и органами, нужными для защиты и добычанія средствъ къ жизни, оказываются совершенно неспособными къ дѣтороженію. Тоже самое у муравьевъ и термитовъ.

Такимъ образомъ подчиненіе индивидуальных интересовъ общественнымъ, у насекомыхъ, является чисто вынужденнымъ, благодаря врожденной специализаціи различныхъ членовъ общины: матка, трутень и рабочая пчела взаимно дополняютъ другъ друга и не могли бы жить каждый отдѣльно; только всѣ вмѣстѣ составляютъ они коллективное существо, способное жить и размножаться.

Ни одно изъ высшихъ животныхъ не находится въ такомъ положеніи и потому общественность среди рыбъ, птицъ и млекопитающихъ, не исключая антропидныхъ обезьянъ, очень мало развита. Они соединяются въ общества, или лучше сказать въ группы и стаи, только лишь временно, для выполненія какою-нибудь общаго дѣла, какъ напримѣръ птицы на перелетѣ.

Въ совсѣмъ новой формѣ, то есть основываясь не на инстинктѣ или безусловной необходимости, а на разумѣ и расчетѣ, возникла общественность въ родѣ человеческомъ. Обусловивъ раздѣленіе труда, она, однакоже, несмотря на многотысячелѣтнее существованіе, не повлекла за собою анатомической дифференціаціи, если можно такъ выразиться; каждый человѣкъ, помимо раздѣленія на полы и за исключеніемъ весьма рѣдкихъ уродовъ, представляетъ собою вполне законченнаго и самодовлѣющаго индивидуума,*) снабженнаго всѣми органами, необходимыми для отдѣльнаго существованія.

Несправедливо и ненаучно было бы, поэтому, требовать отъ человѣка полнаго самопожертвованія своей индивидуальностью въ пользу общества. Между тѣмъ, именно теперь, возникли ученія, которыя, во имя равнаго или болѣе справедливаго распредѣленія благъ земныхъ между людьми, проповѣдуютъ полное подчиненіе интересовъ индивидуума интересамъ общественнымъ.

*) Здѣсь авторъ на нѣсколькихъ страницахъ старается доказать, что религіозный аскетизмъ (монашество), равно какъ и стремленіе женщинъ къ эмансипаціи, не представляютъ собою зачатковъ вышеупомянутой анатомической дифференціаціи; но я полагаю, что этого и доказывать не нужно.

Авторъ весьма энергично возстаетъ противъ такой проповѣди. По его мнѣнію, индивидуализмъ есть неотъемлемая принадлежность высшей организаціи, и человеческое общество не можетъ и не должно быть построено по образцу пчелиныхъ или муравьиныхъ общинъ, опирающихся на анатомическую дифференціацію своихъ членовъ. Жертвовать своими интересами ради общественныхъ человѣкъ можетъ лишь добровольно, и притомъ въ такія минуты, когда эта жертва становится совершенно необходимой. Человѣческое общество должно даже стремиться къ тому, чтобы такія минуты наступали по возможности рѣже, чтобы индивидууму совсѣмъ не приходилось жертвовать собою ради него.

Между тѣмъ, социалисты, коммунисты и другія коллективисты, не будучи, очевидно, знакомы съ біологіей, и не зная, что во всемъ животномъ царствѣ, начиная съ самыхъ низшихъ его ступеней, идетъ постепенное развитіе индивидуализма, достигающее максимума именно въ родѣ человеческомъ, стремятся лишить человѣка индивидуальности, вполне — и притомъ насильно — подчинить послѣднюю обществу, превратить человеческій родъ въ муравейникъ или въ колонію миксомицетовъ.

Имъ это не удастся, конечно, въ виду того, что внѣшнія формы жизни всякаго живого существа обуславливаются формами его внутренней организаціи, и не могутъ быть измѣняемы по произволу. Но уже и самое стремленіе къ полному подчиненію индивидуума обществу нельзя считать безвреднымъ, разъ оно насильственно.

Подкрѣпивъ свои мнѣнія авторитетами Спенсера и Ницше, авторъ кончаетъ увѣреніемъ, что и безъ социализма человечество понемногу справится съ неравномернымъ распредѣленіемъ благъ земныхъ; что наука, интеллектуальная и нравственная культура, съумѣютъ, съ одной стороны — уничтожить безумную роскошь богатыхъ, а съ другой — повысить благосостояніе бѣдныхъ, не прибѣгая къ полному пожертвованію индивидуальными интересами въ пользу общественныхъ.

Во всемъ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться.

VII.

Пессимизмъ и оптимизмъ.

Колыбелью пессимизма всѣми принято считать азиатскій Востокъ, точно будто бы пессимизмъ есть какая-нибудь эпидемическая болѣзнь, тѣсно связанная съ извѣстной расой, съ физической обстановкой мѣстности, съ климатомъ и почвой. На самомъ же дѣлѣ, мнѣ кажется, такою колыбелью можетъ стать всякая душа человѣческая, попавшая въ извѣстное положеніе, о которомъ мы поговоримъ ниже. Азиатскій Востокъ, правда, впервые создалъ пессимистическое міровозрѣніе, но вѣдь онъ и вообще то впервые началъ думать — въ то время когда на Востокѣ создавались религіозныя и философскія системы, по Западу, то есть по нашей Европѣ, бѣгали одни только волки.

Подчиняясь господствующимъ взглядамъ, авторъ тоже ищетъ корней пессимизма въ Востокѣ, цитируетъ Соломона и Будду, затѣмъ переходитъ къ Вольтеру, Байрону, Шопенгауэру, Гартману, Леопарди, Гейне, Ленау, Пушкину и Лермонтову; упоминаетъ объ увеличеніи количества самоубійствъ за послѣднее время*), о распространеніи алкоголизма на покладкѣ пессимистическаго міропониманія, вообще доказываетъ, что пессимизмъ, зародившись въ древнѣйшія времена на азиатскомъ Востокѣ, широкой волной разлился теперь по современнымъ цивилизованнымъ странамъ.

Затѣмъ, на основаніи цитатъ изъ различныхъ писателей, древнихъ и новыхъ, онъ опредѣляетъ сущность пессимизма, состоящую будто бы въ томъ, что люди пришли къ убѣжденію въ невозможности для нихъ личнаго счастья на землѣ; что жизнь человѣческая слишкомъ коротка, трудна, полна болѣзней, всевозможныхъ несправедливостей и разочарованій; что земныя радости, вообще, не выкупаютъ земного горя, и что жить, по этому, совсѣмъ не стоитъ.

*) Въ Даніи—странѣ самоубійцъ по преимуществу, четвертая часть всѣхъ самоубійствъ обуславливается чисто пессимизмомъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ происхожденіе и сущность пессимизма, авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, какимъ образомъ человекъ становится пессимистомъ. Гартманъ говоритъ, что пессимизмъ рождается изъ жизненнаго опыта; что рано или поздно всякій человекъ принужденъ бываетъ сознаться въ тщетѣ всѣхъ благъ земныхъ, потому что блага эти не стоятъ труда, потраченнаго на ихъ добываніе. И это тѣмъ болѣе, что неприятныя ощущенія всегда бываютъ сильнѣе пріятныхъ: музыкальные диссонансы дерутъ уши сильнѣе, чѣмъ созвучія ихъ ласкаютъ; дурной запахъ болѣе противенъ чѣмъ хорошій—пріятенъ; зубная боль доставляетъ болѣе страданій, чѣмъ освобожденіе отъ нея—радости, и т. д.

Но Гартманъ говорилъ все это «голословно», а такъ какъ наука не можетъ положиться на голословныя показанія, то, въ послѣдніе годы, проф. Ковалевскій (въ Кенигсбергѣ) рѣшился провѣрить ихъ опытами и наблюденіями. Прежде всего онъ анализировалъ дневникъ современнаго психолога, Мюнстербурга, записывавшаго, по извѣстной системѣ, свои пріятныя и неприятныя эмоціи. Изъ этого дневника проф. Ковалевскій вывелъ, что на 60% неприятныхъ эмоцій приходится только 40% пріятныхъ.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ опросъ 104-мъ ученикамъ городскихъ школъ (въ 11—13 лѣтнемъ возрастѣ), причемъ оказалось, что неприятныя эмоціи чувствуются ими сильнѣе, чѣмъ пріятныя: болѣзнь была признана за несчастіе въ 88 случаяхъ, а здоровье было признано за счастье только въ 21-мъ; войну сочла зломъ цѣлая треть учениковъ, а миръ счелъ благомъ только одинъ; бѣдность считали горемъ 13 человекъ, а богатство—благомъ только двое и т. д. Высшимъ зломъ были признаны: болѣзнь—въ 43 случаяхъ, смерть—въ 42, пожаръ—въ 37, голодъ—въ 23, наводненіе—въ 20-ти, и т. д. Высшимъ благомъ, какъ и слѣдовало ожидать, большинствомъ голосовъ были признаны игры и подарки...

Кажется ужъ чего бы можно было желать научнѣе и точнѣе такихъ изслѣдованій, но проф. Ковалевскій ими неудовольствовался. Онъ пробовалъ опредѣлить

сравнительную силу приятных и неприятных ощущений прямыми опытами. Для этого онъ, сначала, опредѣлилъ минимальныя количества вкусовыхъ и пахучихъ веществъ, дающія ясное и опредѣленное ощущение, приятное или неприятное, а затѣмъ сталъ уравнивать первыя послѣдними. При этомъ оказалось, что единицы неприятныхъ ощущений всегда требовали, для своего уравниванія гораздо большее количество единицъ противоположныхъ. Такимъ образомъ, для уравниванія вкусовой единицы хинина, потребовалось будто бы двойное количество единицъ сахара и проч. *)

Не удовольствовавшись даже и такимъ блестящимъ доказательствомъ преобладанія зла, на землѣ, надъ добромъ, проф. Ковалевскій сталъ считать шаги лицъ, проходящихъ по улицѣ, въ виду того, что печаль замедляетъ походку, а радость ее ускоряетъ. Печальныхъ, то есть идущихъ медленно, оказалось больше чѣмъ радующихся.

Такимъ образомъ проф. Ковалевскому совсѣмъ было

*) Въмѣсто того, чтобы производить такія изслѣдованія, проще было бы вспомнить русскую пословицу о бочкѣ меда и ложкѣ дегтя. Эта пословица, хотя она и „голословна“, гораздо точнѣе, мнѣ кажется, опытовъ, поставленныхъ такимъ образомъ. отвѣчаетъ на вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, проф. Ковалевскій опредѣлилъ единицы веществъ, дающіе опредѣленное впечатлѣніе, но для кого? Для какихъ-то четырехъ лицъ, тогда какъ известно, что впечатлительность колеблется въ очень широкихъ границахъ. Это, во-первыхъ; а во-вторыхъ онъ бралъ такія вещества какъ хининъ, вкусъ котораго, я полагаю, не можетъ быть замаскированъ не только двойнымъ а и десятирнымъ количествомъ, да не только сахара, а даже сахарина. Убѣдиться въ этомъ каждый можетъ на себѣ самомъ. Если бы вмѣсто хинина онъ взялъ, ну, хоть селитру, что ли, или соду, вкусъ которыхъ тоже не отличается приятностью, то результатъ вышелъ бы другой. Вообще, впечатлѣнія, мнѣ кажется, не имѣютъ вѣса, и уравнивать ихъ невозможно. Музыкальное ухо замѣтитъ фальшивую ноту одного инструмента въ цѣломъ оркестрѣ; человѣкъ, обладающій хорошимъ обоняніемъ, отличитъ и запахъ розъ среди какой-угодно вони, и запахъ сѣроводорода, въ атмосферѣ, напоенной любимыя благоуханіями, а человѣкъ, одаренный тонкимъ вкусомъ, не только отличитъ вкусъ одного грана хинина въ цѣломъ фунтѣ сахара, но и вкусъ одного грана сахара, если не въ фунтѣ, то въ десяти гранахъ хинина.

удалось поставить теорію развитія пессимизма на незыблемую математическую почву, но, попробовавъ произвести опросъ (все тѣмъ же 104 швольникамъ) относительно того, какія впечатлѣнія, приятныя или неприятныя, остались у нихъ больше въ памяти, онъ наткнулся на фактъ, разрушающій всю его работу: 70% опрошенныхъ позабыли о своихъ горяхъ и помнили только радости!

Изложивъ, довольно подробно, работу проф. Ковалевскаго, авторъ самъ приходитъ къ убѣжденію, что она неудовлетворительна, что такія сложные явленія, какъ печаль и радость, ощущение, впечатлѣніе, эмоція и проч. не могутъ быть измѣрены ни аршиномъ ни циркулемъ; что иногда десятокъ неприятныхъ впечатлѣній искупаются однимъ приятнымъ, а иногда бываетъ наоборотъ; что экспериментальная психологія не можетъ рѣшить даннаго вопроса, и что поэтому, для его рѣшенія, надо обратиться къ даннымъ біографическимъ.

Но и эти данныя мало помогаютъ дѣлу. Если признать, что здоровые люди являются, въ большей части случаевъ, оптимистами, а больные — пессимистами, что Байронъ былъ пессимистомъ благодаря, своей хромой ногѣ, а Леопарди — благодаря своему туберкулозу, то почему же Будда, Шопенгауэръ и Гартманъ, дожившіе до глубокой старости, отнеслись къ жизни пессимистически? *) Почему слѣпые, горбатые, неизлѣчимо больные, очень часто бываютъ жизнерадостными оптимистами (чему авторъ представляетъ примѣры)? Почему, наконецъ, пессимизмъ, въ наше время, распространенъ, главнымъ образомъ, среди молодежи, то есть среди самой здоровой части населенія?

Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, авторъ обращается, наконецъ, къ самому естественному и плодотворному изъ психологическихъ методовъ — къ методу самонаблюденія. Онъ приводитъ очень искреннюю и подробную исповѣдь одного изъ своихъ бли-

*) Шопенгауэръ былъ боленъ сифилисомъ, но философскую систему свою развилъ раньше заболѣванія, а подъ старость сталъ смотрѣть на міръ оптимистически.

жайшихъ друзей, въ юности настроеннаго пессимистически, а подь старость сдѣлавагося оптимистомъ. Исповѣдь эта такъ интересна, что я приведу ее здѣсь почти цѣликомъ.

Рожденный здоровыми родителями, самъ вполне здоровый, выросшій въ хорошихъ условіяхъ и прекрасно учившійся какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ, другъ проф. Мечникова, любя науку и рѣшившійся сдѣлаться выдающимся ученымъ *), усердно и страстно принялся за научную работу. Спѣша какъ можно скорѣе достигнуть цѣли (то есть сдѣлаться выдающимся ученымъ), онъ на всякомъ шагу встрѣчалъ препятствія, развившія въ немъ пессимизмъ. Считая себя талантливымъ человекомъ, котораго все должны были стараться выдвинуть, онъ раздражался отсутствіемъ такихъ стараній со стороны своихъ руководителей и пришелъ къ убѣжденію, что они интригуютъ противъ него. Отсюда—множество непріятныхъ столкновеній и недоразумѣній, еще болѣе содѣйствовавшихъ развитію пессимистическаго взгляда на жизнь въ молодомъ ученомъ. Главное въ жизни, думалъ онъ тогда, успѣхъ, добытый какими бы то ни было средствами. Въ борьбѣ за существованіе выживаютъ не лучшіе, не болѣе сильные, а болѣе ловкіе, болѣе нахальные и нестыдяющіеся. Недаромъ многіе виды благородныхъ млекопитающихся, близкихъ къ человѣку, давно исчезли, а тараканъ, всѣми преслѣдуемый, живетъ какъ ни въ чемъ не бывало. Эволюція животнаго царства, такъ же какъ и человѣческаго общества, доказываетъ, что изощреніе нервной системы и развитіе чувствительности препятствуютъ приспособленію и служатъ неисчерпаемымъ источникомъ бѣдствій.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, молодой ученый выходилъ изъ себя по поводу малѣйшихъ оскорбленій его самолюбія, пересталъ переносить простыя шутки и кончилъ тѣмъ, что совершенно уединился. Но и въ одиноствѣ онъ страдалъ не менѣе, потому что, рядомъ съ гиперестезіей нрав-

*) Курсивъ вездѣ мой.

ственной, у него развилась гиперестезія физическая: малѣйшій шумъ (свистокъ локомотива, крикъ продавца на улицѣ), равно какъ дурной запахъ, дурной вкусъ, причиняли ему невыносимыя страданія. Небольшаго луча свѣта въ спальнѣ было достаточно для того, чтобы онъ не спалъ всю ночь. Къ довершенію несчастій, падавшихъ на голову ученаго, у него умерла молодая жена, пристрадавъ четыре года чахоткою. Двадцати восьми лѣтъ отъ роду, онъ остался вдовцомъ, началъ прибѣгать къ морфію для того, чтобы утишить нѣсколько свое горе, и сталъ серьезно подумывать о самоубійствѣ.

Организмъ человека, думалъ онъ тогда, такъ плохо устроенъ, что не можетъ приспособиться къ окружающимъ обстоятельствамъ, а потому родъ человѣческой видимо осужденъ на истребленіе, подобно антропоиднымъ обезьянамъ и допотопнымъ мамонтамъ. Для чего же жить, когда такъ, зачѣмъ длить агонію? Почему не помочь «естественному отбору» сознательно?

Большой приемъ морфія чуть было не достигъ этой цѣли, но онъ же, должно быть, пробудилъ въ молодомъ ученомъ и жизненный инстинктъ (какъ это часто случается—неудачные самоубійцы почти никогда не посягаютъ на свою жизнь вновь). Другъ проф. Мечникова уцѣлѣлъ, хотя пессимистическое его настроеніе не ослабло, «несправедливости» людей, «не хотѣвшихъ понять» *) молодого ученаго, попрежнему отравляли жизнь какъ ему самому, такъ и всѣмъ окружающимъ.

Такъ прошли годы. Усиленная работа и заботливый уходъ дѣлали существованіе ученаго сноснымъ; физическая гиперестезія его мало-по-малу ослабѣвала—крики уличныхъ торговцевъ перестали раздражать—а съ нравственною онъ научился бороться. Но убѣжденія его не измѣнились: въ ученыхъ спорахъ, онъ попрежнему оставался завзятымъ пессимистомъ, хотя, отъ времени до времени, самъ началъ сомнѣ-

*) Кавычки—въ подлинникѣ.

ваться въ своей искренности на этотъ счетъ.

Анализируя причины такого цѣлительнаго переворота, нашъ убѣжденный пессимистъ сначала подумалъ, что онъ состарился, что впечатлѣнія, какъ пріятныя, такъ и непріятныя потеряли для него свою остроту, но впоследствии увидалъ, что это не совсѣмъ такъ, что онъ просто сталъ больше цѣнить впечатлѣнія нейтральныя, самыя обыденныя—хорошую погоду, спокойствіе, сонъ, нормальный аппетитъ, и проч.—на которыя прежде, гоняясь за впечатлѣніями экстраординарными, не обращалъ никакого вниманія.

Какъ въ искусствѣ кричашіе цвѣта уступаютъ мѣсто полутонамъ, а виды горъ и бушующихъ морей—мирнымъ деревенскимъ пейзажамъ; какъ въ литературѣ трагическія и романтическія сцены замѣняются сценами обыденной жизни, такъ и въ душѣ друга проф. Мечникова жажда сильныхъ ощущеній замѣнилась довольствомъ ощущеніями нейтральными. Въ 45—48 лѣтъ онъ уже сталъ способенъ наслаждаться видомъ распускающихся листьевъ, дѣтскимъ лепетомъ, полетомъ птички и т. под. Цикль его наслажденій, стало быть, увеличился, а цикль страданій—уменьшился, и въ результатѣ другъ проф. Мечниковъ сдѣлался оптимистомъ.

Авторъ приписываетъ такую перемѣну въ психикѣ своего друга развитію инстинкта жизни, который, въ юности, очень слабъ, а къ старости постепенно усиливается. Первые впечатлѣнія, говоритъ онъ, всегда будто бы болѣзненны: ребенокъ, только-что успѣвъ родиться, уже плачетъ; первое сближеніе съ мужчиной доставляетъ женщинѣ одни лишь страданія и т. д. Поэтому-то творцами пессимистическихъ міровоззрѣній всегда, будто бы, являлись молодые люди*), да и распространяется пессимизмъ преимущественно между молодежью, а подъ старость онъ исчезаетъ, чему при-

*) Перечисляя ихъ, авторъ указываетъ, однако жъ на одного только древняго мыслителя—Будду, всѣ остальные: Байронъ, Leopardi, Гартманъ, Майнлендеръ—наши современники.

мѣромъ можетъ служить Шопенгауэръ, въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ высказавшій пожеланіе прожить до ста лѣтъ. Недаромъ одинъ изъ современныхъ психологовъ, Мэбіусъ, называетъ пессимизмъ «болѣзнью юношескаго возраста»

Но разъ пессимизмъ есть болѣзнь, и притомъ зависящая отъ недостаточнаго развитія инстинкта жизни, то она, слѣдовательно, можетъ быть устранена своевременными заботами о развитіи послѣдняго. Смѣшивая инстинктъ, то-есть безотчетное стремленіе, съ вѣшними чувствами, то-есть способностью болѣе или менѣе тонко воспринимать впечатлѣнія, авторъ на нѣсколькихъ страницахъ доказываетъ возможность развивать вѣшнія чувства съ помощью ихъ упражненія. Такъ оцѣнщики вина и чая развиваютъ свой вкусъ до изумительной тонкости, а у слѣпыхъ развивается особое «чувство пространства» и «чувство препятствія», при помощи которыхъ они становятся способными ходить ни на что не натываясь. Подобнымъ же образомъ, по мнѣнію автора, можетъ быть развитъ и инстинктъ, или, какъ онъ здѣсь, *ad hoc*, выражается, «чувство жизни». Какимъ образомъ чувство это должно быть, развиваемо—онъ не говоритъ, а совѣтуетъ только убѣждать молодыхъ людей въ томъ, что ихъ пессимизмъ есть ничто иное какъ болѣзнь, которая, съ возрастомъ, пройдетъ.

Да проститъ мнѣ многоуважаемый проф. Мечниковъ, если я ошибаюсь, но всѣ эти его разсужденія о пессимизмѣ, равно какъ и большая часть его взглядовъ на природу человѣка, кажутся мнѣ нѣсколько натянутыми, внутренними безотчетнымъ стремленіемъ подвести факты подъ излюбленную научную теорію. Такого рода стремленіе вполне естественно и свойственно всѣмъ правовѣрнымъ адептамъ модныхъ теорій, что не мѣшаетъ ему, однако, быть весьма вреднымъ для самой науки. Проф. Мечниковъ самъ, конечно, знаетъ, какъ тяжело отозвалось на ея развитіи упорное нежеланіе ученыхъ отступать отъ догмъ не только такихъ всеобъемлющихъ концепцій вселенной, какими были гео-и антропоцентризмъ, но даже такихъ, сравнительно узкихъ, доктринъ какъ дуалистическая си-

стема въ хими, или старозавѣтный витализмъ, ставившій «жизненную силу» внѣ природы. Теперь всѣ эти прежнія научныя религіи признаны заблужденіями и потеряли всякое вліяніе, но на ихъ мѣсто грозятъ стать теорія эволюціи и механистическій взглядъ на жизнь. Будучи, до извѣстной степени основательными, новыя научныя религіи не могутъ, однако же, претендовать на полную непогрѣшимость, а потому, при встрѣчѣ съ неподводимыми подъ нихъ фактами, не должны ни замалчивать, ни перетолковывать послѣдніе на свой ладъ. Я такъ много говорилъ объ этомъ въ вышеупомянутой статьѣ моей («Природа и судьбы человѣка передъ судомъ точной науки»), что теперь не стану повторять, а перейду прямо къ анализу мнѣній проф. Мечникова относительно пессимизма.

Во-первыхъ: что такое пессимизмъ и каково его происхожденіе?

Въ философскомъ смыслѣ, пессимизмомъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ называть не простое недовольство жизнью, своей собственной или всего рода человѣческаго, а полное и логически обоснованное отчаяніе въ будущности послѣдняго, скорѣе даже въ важности и серьезности его миссіи на землѣ, его функций въ жизни вселенной. Тысячелѣтіями своей исторіи и миллиардами жертвъ человѣкъ доказалъ уже, что онъ готовъ страдать и терпѣть ради будущаго, не своего собственнаго, а своихъ потомковъ, и даже не для потомковъ, а ради того, что онъ считаетъ правдой. Отнимите у него это будущее, докажите ему, что никакой правды нѣтъ, и онъ, конечно, станетъ пессимистомъ, потому что въ личной жизни ему дѣйствительно приходится больше страдать и терпѣть, чѣмъ наслаждаться.

Отдѣльные неудачники — люди, которымъ, что называется, не везетъ, всегда были, есть и будутъ. Одни изъ нихъ, несмотря на постоянныя неудачи, не падаютъ духомъ, надѣются на лучшее, борются, и если гибнутъ, то съ оружіемъ въ рукахъ, то-есть съ надеждой на побѣду. Другіе, малодушно отказываясь отъ борьбы при самомъ ея началѣ, признаются въ своей слабости и отчаяваются въ будущемъ, но только въ своемъ собственномъ. Третьи, наконецъ, подвѣля-

ніемъ личныхъ неудачъ или неприятныхъ ощущеній, видятъ въ черномъ цвѣтѣ даже будущность всего человѣчества.

Только послѣдніе могутъ быть названы пессимистами, да и то, если можно такъ выразиться, близорукими, потому что судить объ участи человѣчества на основаніи исключительно личнаго опыта и личныхъ ощущеній, есть несомнѣнная близорукость. Если мнѣ, теперь, плохо живется, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и всѣмъ всегда плохо жилось; если моя жизнь не имѣетъ цѣли, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и у всѣхъ такъ было.

Настоящими пессимистами являются лишь тѣ люди, пессимизмъ которыхъ вовсе не опирается на личный опытъ. Лично, они могутъ быть въ высшей степени удачливыми, счастливыми и жизнерадостными людьми — какъ Пушкинъ и Гетэ, которыхъ цитируетъ авторъ — но будущность человѣчества и вообще судьбы человѣка кажутся имъ печальными въ силу пессимистическаго міропониманія, навѣяннаго религіей, наукой или философией данной эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы хорошо ни жилось вамъ на землѣ, но если религія, которую вы искренно исповѣдуете, говоритъ вамъ, что всякая ваша улыбка есть смертельный грѣхъ, за который вы будете наказаны на томъ свѣтѣ вѣчными мученіями; что эти мученія во всякомъ случаѣ неизбѣжны, такъ какъ безъ грѣха прожить нельзя; что ваша земная жизнь, однимъ словомъ, есть не что иное, какъ обязательный и притомъ строгій экзаменъ на право испытывать вѣчныя болѣе или менѣе тяжелыя муки, то вы поневолѣ сдѣлаетесь пессимистомъ, хотя религія все-таки даетъ вамъ нѣкоторый выходъ — самоотреченіе, молитва, покаяніе могутъ еще улучшить вашу загробную жизнь. У васъ, значитъ, есть еще будущее, ради котораго можно и потерпѣть, и пострадать; да, наконецъ, если бы ваши страданія и оказались безплодными лично для васъ, если бы вы дѣйствительно не имѣли будущаго, то не можетъ же быть, чтобы такая тяжелая участь была наложена на васъ всеблагимъ Богомъ безъ всякой цѣли — вашими страданіями, вашей безотраднѣе участію, вы покупаете,

вѣроятно, какое-нибудь неизвѣстное вамъ благо для всей вселенной. Ваше самопожертвованіе, во всякомъ случаѣ, стало быть, имѣть благую и разумную цѣль. Это еще далеко не настоящій, безотрадный пессимизмъ.

Настоящимъ пессимистомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, вы должны, я полагаю, сдѣлаться только въ томъ случаѣ, когда эта цѣль будетъ у васъ отнята, когда искренно вами исповѣдуемое міровоззрѣніе (основанное на вѣрѣ или разумѣ—все равно) скажетъ вамъ, что всѣ ваши мученія напрасны, что не только ваша жизнь или жизнь человѣческаго рода, но и жизнь всей земли или солнечной системы есть не что иное, какъ сравнительно кратковременный, случайный, безцѣльный и бессмысленный эпизодъ въ дѣятельности той, весьма глупой по своей ненужности, хотя и построенной на незыблемыхъ законахъ, машины, какова вселенная. Особенно, если это міровоззрѣніе прибавитъ еще, что человѣкъ есть самое дисгармоничное, то есть самое неудачно устроенное изъ существъ, живущихъ на землѣ; что по своей способности приспособляться къ окружающимъ условіямъ, онъ заранѣе обреченъ входить съ ними въ очень мучительные для него конфликты, изъ коихъ побѣдителемъ ни въ какомъ случаѣ выйдти не можетъ; что всѣ земныя (а другихъ онъ не признаетъ) блага тщетны и не стоятъ труда, затраченнаго на ихъ приобрѣтеніе; что вся жизнь человѣка есть лишь сплошное страданіе, никому ни на что ненужное, и ведущее къ смерти, безцѣльной, безрезультатной и безслѣдной. Тутъ ужъ конечно останется только пустить себя пулю въ лобъ, такъ какъ мысль о неминуемой, бессмысленной и мучительной смерти, ежеминутно стоящей за плечами, отравитъ всякую радость, всякое наслажденіе, которыя и безъ того не искупаютъ мукъ, затраченныхъ на ихъ достиженіе.

Но вѣдь такого рода концепція вселенной, если я не ошибаюсь, впервые охватила мыслящее человѣчество*) въ наше время. Она есть плодъ современной науки, современной цивилизаціи.

*) Отдѣльные мыслители такого направленія могли быть всегда.

Не на древнемъ Востокѣ, значить, надо искать корней настоящаго пессимизма, а скорѣе на современномъ Западѣ, и не въ томъ состоитъ пессимистическая концепція міра, что человѣку на землѣ плохо живется и что жизнь эта не можетъ быть исправлена, а въ томъ, что она, со всѣми ея страданіями, безцѣльна, никому не нужна, бессмысленна. Люди всегда были готовы радостно бороться, страдать и умирать за идею, за будущее, свое собственное—въ загробной жизни, или своихъ дѣтей и всего рода человѣческаго—здѣсь, на землѣ, иногда даже просто потому, что «такъ хочетъ Богъ», судьбы котораго неисповѣдимы, но который не можетъ хотѣть ничего, кромѣ блага для всей вселенной.

Древніе смотрѣли пессимистически только на земную жизнь человѣка, считая ее тяжелой, мучительной, но неизбѣжной борьбою за лучшее будущее—самопожертвованіемъ въ пользу высшаго блага для вселенной, сущности котораго не понимали, но въ наступленіи котораго не сомнѣвались. Самъ Будда, родоначальникъ древняго пессимизма, рекомендовалъ Нирвану только какъ отреченіе отъ воли къ жизни земной, во имя воли къ жизни вселенской. Болѣе или менѣе такимъ же образомъ относились къ земной жизни и всѣ безъ исключенія религіи, причемъ въ новѣйшихъ—христіанской и магометанской—самоотреченіе въ пользу высшаго блага (Царства Божія, предначертаній рока) достигаетъ той же силы, какъ и въ древнѣйшей, буддійской.

Далеки, значить, отъ настоящаго, безотраднаго пессимизма всѣ тѣ ученія, на которыя ссылается авторъ. Этотъ пессимизмъ народился лишь въ прошломъ столѣтіи, когда люди, широко и радостно пользовавшіеся жизнью, стали находить ее «даромъ случайнымъ»—какъ Пушкинъ, «пустой и глупой шуткой»—какъ Лермонтовъ, или «холодной насмѣшкой»—какъ престарѣлый жуиръ и скептикъ Вольтеръ*) Не объ томъ горевали эти люди, что на ихъ долю въ жизни пришлось слишкомъ «мало меда»—какъ дѣлаютъ

*) «O Jupiter! tu fis en nous créant»
«Une froide plaisanterie».

всевозможные нытики и неудачники—а объ томъ, что жизнь эта никому ни на что не нужна, безцѣльна, напрасна, случайна, пуста и глупа. Не будь она таковою, они бы отъ всякаго «меда» отказались, надѣли бы вериги, пошли бы на костерь, и считали бы себя счастливыми, какъ это съ миллионами людей случалось и до сихъ поръ случается.

Давно ли мы, дѣйствительно, были свидѣтелями того, какъ сотни тысячъ русскихъ и японцевъ, отказавшись отъ всякаго «меда» житейскаго, безстрашно шли на смерть и муки, изъ-за идеи, изъ за будущаго блага не для себя самихъ, не для своихъ дѣтей (у большинства такихъ не было), а для своей страны? Не всякій ли день безвѣстные герои, на всѣхъ ступеняхъ общества, жертвуютъ своимъ настоящимъ ради будущихъ благъ, и даже не какихъ нибудь конкретныхъ, въ родѣ матеріальныхъ выгодъ для кого-либо, а чисто абстрактныхъ—ради науки, на примѣръ, ради познанія истины, ради поддержанія человѣческаго достоинства? Не въ этой ли способности къ самопожертвованію, къ добровольному отказу отъ излюбленнаго авторомъ «ортобіоза»**) и лежитъ именно достоинство человѣка, главное отличіе его отъ другихъ животныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и залогъ всяческаго прогресса, всяческаго движенія впередъ, вплоть до окончательной побѣды надъ неодушевленной природою (поскольку такая побѣда нужна, мыслима и возможна, разумѣется)?

Не въ тупомъ и пассивномъ приспособленіи къ окружающимъ условіямъ, мнѣ кажется, не въ томъ, чтобы только выжить во что бы то ни стало, лежитъ задача человѣческаго рода, а въ томъ чтобы приспособить природу къ своимъ потребностямъ и подчинить законы физическіе закону нравственному. Если бы человѣкъ умѣлъ только приспособляться, то, будучи столь дисгармоничнымъ—какъ увѣряетъ проф. Мечниковъ—онъ погибъ бы на первыхъ же шагахъ среди враждебной ему природы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы могъ удержаться на землѣ голый, безсильный, безоружный, лишенный

*) «езпечальнаго прохожденія „естественнаго цикла жизни“.

даже физической ловкости своихъ предковъ, «обезьяній уродъ», если бы ему пришлось только приспособляться? Да его бы собственные родители въ гробъ заколотили, не давъ времени вырости. Только потому онъ и уцѣлѣлъ, что, пользуясь своимъ разумомъ, сталъ насиловать природу, вмѣсто того, чтобы подчиняться ей насилію. Начавъ съ малаго—съ постройки себѣ жалкихъ шалашей отъ непогоды, съ плаща изъ бараньей шкуры, съ каменнаго топора, онъ дошелъ теперь до того, что строить зданія, по величинѣ и крѣпости неуступающія скаламъ, созданнымъ природою; творить ледъ, подъ тропиками, и тропическій жаръ, около полюсовъ; не обладая ни крыльями, ни плавниками, почти съ быстротою птицы переносится изъ Пекина въ Парижъ, и съ быстротою дельфина—изъ Лондона въ Рио-Жанейро; переговаривается на разстояніи сотенъ миль; соединяетъ между собою моря, оплодотворяетъ пустыни, измѣняетъ климаты, мечтаетъ даже о сношеніяхъ съ иными планетами и о перемѣщеніи земной оси!

Можно ли было бы достигнуть всего этого путемъ пассивнаго приспособленія? Полагаю, что нѣтъ. А если нѣтъ, то значитъ дисгармоничность природы человѣка, побуждающая его вести тяжелую борьбу съ природою—вопреки мнѣнію проф. Мечникова и его друга, сдѣлавшагося, подъ старость, оптимистомъ только потому, что въ личной жизни его прибавилось «меду»—служить главнымъ залогомъ его процвѣтанія. *Per aspera ad astra!* Не гоняйся только за «медомъ»; не дрожи за твою, по собственному твоему мнѣнію, ни на что ненужную и мучительную жизнь; не отказывайся отъ борьбы и страданій, не трусь, не ной, не отчаивайся!

Увеличеніе количества «меда» въ жизни отдѣльныхъ людей, выработка способности приспособляться, стремленіе къ ортобіозу—не могутъ служить основой оптимистической концепціи міра. Только способность человѣка отказываться и отъ «меда» и отъ ортобіоза, во имя будущаго, можетъ сдѣлать его жизнерадостнымъ оптимистомъ. Не отнимайте только у него этого будущаго, не говорите ему, что жизнь есть случайный, безцѣльный и бессмысленный эпизодъ въ исторіи столь

же случайного, глупаго и безцѣльнаго переливанія изъ пустого въ порожнее, какое, будто бы, представляет собою вселенная.

Но кто же, однако, говоритъ это человѣку? Кто отнимаетъ у него всякую надежду на будущее и лишаетъ энергіи въ борьбѣ за существованіе? Кто виновать въ распространеніи самаго безотраднaго пессимизма среди наиболѣе цивилизованныхъ людей нашего времени, и въ особенности—молодежи?

Конечно современная наука, которая, устами самыхъ выдающихся своихъ представителей, успѣла увѣрить насъ—и особенно довѣрчивую, неопытную молодежь—въ томъ, что жизнь наша имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку снабжаетъ насъ «медомъ» личныхъ наслажденій; что терпѣть и страдать намъ не изъ-за чего, потому что не только каждый изъ насъ, но и весь родъ человѣческій, и земля, и солнечная система, и всѣ другія небесныя тѣла суть лишь случайныя образования, обреченныя на безслѣдное и бессмысленное уничтоженіе; что всѣ наши усилія должны быть направлены лишь къ тому, чтобы развить въ себѣ, сначала, вкусъ къ жизни (то есть довольство тѣмъ «медомъ», который природа даетъ ласковому теленку даромъ), а потомъ—вкусъ къ смерти (то есть стремленіе поскорѣй уснуть, овладѣвающее теленкомъ, когда онъ пресытится); что лучшимъ путемъ къ достиженію этихъ цѣлей служить ежедневная и ежечасная забота объ охраненіи своего здоровья и долготѣія, съ помощью рациональной гигиѣны, санитаріи, впрыскиванія разныхъ сыворотокъ и поглощенія спасительной простокваши.

Спѣшу оговориться—противъ гигиѣны, санитаріи, простокваши и даже сыворотокъ, если онѣ дѣйствительно окажутся полезными, вообще противъ заботъ о продленіи человѣческой жизни, я ничего не имѣю. Но заботы эти, по моему мнѣнію, должны стоять на второмъ планѣ: человѣкъ нуждается въ здоровьи для того, чтобы жить, а не живетъ исключительно для того чтобы ухаживать за своимъ здоровьемъ.

Итакъ, виновницею распространенія губительной эпидеміи самаго безотраднaго пессимизма является современная наука. Авторъ самъ признается въ этомъ,

говоря (въ первой своей книжкѣ), что «наука отняла у человѣка тѣ утѣшенія, которыя давала религія, но не смогла замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе точнымъ и солиднымъ», а потому «современное человечество испытываетъ нѣчто вродѣ общаго недомоганія» и «человѣкъ не можетъ теперь ориентироваться при выборѣ направленія своей дѣятельности»—то есть при выборѣ цѣлей—«и опредѣлить своихъ отношеній къ ближнимъ разныхъ категорій» влѣдствіе чего становится мистикомъ или пессимистомъ.

Отнявъ у людей будущее; отнявъ у нихъ, основанную на непосредственномъ ощущеніи и на здоровомъ смыслѣ вѣру въ важность и серьезность функций, выполняемыхъ родомъ человѣческимъ въ организмѣ вселенной *); вообще—сведя интересы человѣка къ узкому кругу личнаго, кратковременнаго и чисто животнаго прозябанія, она лишила его сознанія долга, чести, ответственности **), и разбудила въ немъ самыя низменные инстинкты исключительнаго себялюбія, вплоть до отказа имѣть дѣтей, во имя личнаго удобства. А теперь пробуетъ утѣшить его ортобіозомъ, то есть возможностью продлить скучное и безцѣльное прозябаніе еще на нѣсколько лѣтъ. Если бы человѣкъ былъ устрицей, которой нѣтъ никакого дѣла до міра, лежащаго внѣ ея раковины, то ортобіозъ, конечно, сдѣлалъ бы эту устрицу оптимисткой, но существу мыслящему одного продленія жизни недостаточно; ему нужно знать зачѣмъ, для чего оно живетъ. А наука отвѣчаетъ человѣку на эти вопросы, что не только онъ, но и сама то вселенная есть вѣчное и ни на что не нужное переливаніе изъ пустого въ порожнее.

Я далекъ отъ того, чтобы упрекать въ этомъ науку. Въ извѣстной стадіи своего развитія она не могла поступить иначе. Не видя во вселенной ни смысла, ни цѣли, она не могла же сказать, что видитъ ихъ; считая человѣка «обезьяньимъ уродцемъ», осуж-

*) Вѣдь не можетъ же быть, чтобы въ такой образцовой экономіи, какую представляет собою вселенная, именно самая сознательная составная часть не играла никакой роли.

**) Хотя, по странной непослѣдовательности, рекомендуетъ ему быть альтруистомъ; зачѣмъ?

деннымъ на скорую гибель за свою дисгармоничность, не могла же она скрывать этого. Но я, или лучше сказать—человѣчество имѣетъ право упрекнуть черезчуръ самонадѣянныхъ представителей науки, за то что они, въ теченіи всего XIX вѣка слишкомъ страстно и категорически-повелительно говорили отъ ея имени*). Страстность и категорическая повелительность суть прерогативы чувства, а не разума, на которомъ зиждется наука и который по самому существу своему долженъ быть безстрастнымъ и постоянно сомнѣвающимся судьей истины. Приговоры этого судьи безапелляционны только тогда, когда онъ въполнѣ освѣдомленъ, а такой полной освѣдомленности въ вопросахъ, касающихся устройства вселенной, какъ это я старался доказать въ первой статьѣ моей и какъ это сами представители науки прекрасно знаютъ, у него нѣтъ и быть не можетъ, потому что вселенная—вѣчность и безконечность—неисчерпаема. Притомъ даже и безапелляционные приговоры науки всегда условны и не могутъ быть навязываемы во что бы то ни стало и вопреки очевидности. Матерія могла считаться неразрушимой, а энергія—постоянной, только до открытія радія; водородъ считался газомъ только до тѣхъ поръ, пока его не превратили въ твердое тѣло; даже параллельныя линіи не сходятся только въ эвклидовскомъ пространствѣ. Ужъ если такіе свои приговоры наука должна была отмѣнить, то чего же стоятъ ея заключенія по поводу судьбы человѣка и устройства вселенной?

Между тѣмъ заключенія эти высококомѣрно и повелительно навязывались отъ ея имени, а будучи навязаны лишали человѣка всякаго значенія, отнимали у него будущее и обусловили распространеніе эпидеміи безпросвѣтнаго пессимизма, ведущаго къ безсилію, нейрастенію, пьянству, распутству и недовольству жизнью.

*) Прочтите, на примѣръ, «Силу и матерію» Бюхнера, или «Міровныя загадки» Геккеля, вообще—книги, на которыхъ воспитывалось живущее поколѣніе, и вы увидите, что онѣ, по категоричности и высококомѣрной повелительности выраженій, ничѣмъ не отличаются отъ «Пространнаго Катехизиса» митрополита Филарета.

Наука, однимъ словомъ сдѣлалась открытымъ врагомъ послѣдней, что и засвидѣтельствовано тремя величайшими поэтами XIX столѣтія:

«Nur der Irrtum ist das Leben»

«Und das Wissen ist der Todt» *)—сказалъ Гете.

«The tree of knowledge is not that of life **»—сказалъ Байронъ.

«Тьмы пошлыхъ истинъ намъ дороже»

«Насъ возвышающій обманъ»—сказалъ Пушкинъ.

Дѣйствительно ли, однакожъ, все «насъ возвышающее» было «обманомъ»? Имѣли ли право представители науки говорить отъ ея имени то, что они говорили?

Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, на основаніяхъ подробно изложенныхъ въ много разъ уже упомянутой статьѣ моей («Природа и судьбы» ест.), но здѣсь я этихъ основаній приводить не буду, а скажу только, что пора бы было представителямъ науки заново пересмотрѣть самыя основы ихъ міровоззрѣнія. Теперь вѣдь накопилось множество новыхъ фактовъ, подъ это міровоззрѣніе неподводимыхъ. Авось либо тогда безотрадный пессимизмъ соскочитъ съ нихъ самихъ, а черезъ нихъ избавимся отъ него и мы, грѣшныя. Вѣдь было же время—и я его помню—когда не только здоровая молодежь, а и больные старики, пропитанные міровоззрѣніемъ, хотя можетъ быть и ошибочнымъ—по формѣ—но соответствующимъ безотчетному стремленію человѣка по сущности, были жизнерадостны и не нуждались въ искусственномъ подхлестываніи инстинкта жизни, такъ же какъ и инстинкта смерти, когда она приходила. Да прочтите гениальныя произведенія старыхъ авторовъ, прочтите Бомаршэ, Вальтеръ-Скотта, Дэ-Фоэ, Шекспира (Развѣ Гамлетъ—пессимистъ? Всѣ герои Шекспира суть люди, глубоко проникнутые сознаниемъ вселенской отвѣтственности человѣка), а изъ новѣйшихъ—Диккенса, Бульвера, обоихъ Толстыхъ, Льва и Алексѣя, гдѣ вы тамъ найдете пессимизмъ въ современномъ смыслѣ слова? Не дальше какъ 50 лѣтъ

*) Только заблужденіе есть жизнь, а знаніе есть смерть.

***) Древо познанія не есть древо жизни.

тому назадъ, въ широкихъ кругахъ общества его не было. И придетъ время — я въ томъ увѣренъ—когда его вновь не будетъ, когда люди *) вновь поймутъ свою роль въ природѣ—роль борцовъ за преобладаніе нравственнаго закона надъ физическимъ — вновь почувствуютъ себя отвѣтственными клѣточками единого и нераздѣльнаго мірового организма, ради блага котораго, хотя бы не ясно понимаемаго, но ясно ощущаемаго, попрежнему будутъ радостно страдать и умирать, довольствуясь—въ личной жизни—тѣми маленькими благами, которыми ихъ — кто бы что ни говорилъ—щедро награждаетъ природа.

VIII.

Гетэ и Фаустъ.

Объ этомъ очеркѣ много говорить нечего. Авторъ въ немъ старается доказать, что Гетэ пережилъ такой же переходъ отъ пессимизма къ оптимизму какъ и тотъ другъ проф. Мечникова, исповѣдь котораго приведена выше. Доказываетъ онъ это всѣмъ извѣстными фактами изъ жизни Гетэ и «Фаустомъ», на котораго смотреть какъ на двойникъ самого поэта.

Изъ фактовъ видно, что Гетэ,—человѣкъ, въ общемъ, жизнерадостный и удачливый, большой любитель женщинъ и вина, влюблявшійся и пившій даже въ 80 лѣтъ (что не мѣшало ему до самой смерти оставаться гениальнымъ поэтомъ и мыслителемъ) однажды собирался стрѣляться отъ неудачной любви («Вертеръ»), и много разъ приходилъ въ отчаяніе по этой же причинѣ, а между тѣмъ, не только подъ старость—какъ старается доказать авторъ — но и въ промежуткахъ между періодами отчаянія (обусловленнаго

*) Подобно Левину изъ «Анны Карениной», который сбросилъ съ себя пессимизмъ, понявъ, что слѣдуетъ «для души жить, Бога помнить». Вообще исторія Левина гораздо правдивѣе и ярче показываетъ сущность и причины развитія современнаго пессимизма, чѣмъ исторія друга проф. Мечникова.

личными причинами и скоропроходящаго) смотрѣлъ на жизнь покойно, бодро и весело *).

Что же касается «Фауста», то въ немъ, какъ извѣстно, изображенъ могучій духомъ, гениальный старикъ, разочаровавшійся въ наукѣ, убѣдившійся, что только *Ihrrtum ist das Leben*, и рѣшившійся помолодѣть хотя бы съ помощью злого духа, чтобы вновь пережить даромъ потраченную жизнь. Надѣлавъ въ новой жизни много дурного, хотя и неизбежнаго, неразрывно съ жизнью связаннаго (зло вѣдь неразлучно съ добромъ — всякій вздохъ портитъ воздухъ), ученый вновь становится старикомъ, и отдѣлавшись наконецъ отъ личныхъ страстей, переходитъ къ чистому, безкорыстному служенію человѣчеству какъ важной и нераздѣльной части вселенной, потому что иначе и служить ему было бы бессмысленно—стоитъ ли заботиться о дисгармоничныхъ потомкахъ обезьяняго выродка, осужденныхъ на скорую гибель?

Вообще, «Фаустъ» есть полная жизни исторія трагическихъ коллизій между личными и вселенскими интересами могучаго человѣка—коллизій, въ болѣе слабой степени всѣми переживаемыхъ. Что въ ней общаго съ печальной исторіей несчастнаго друга проф. Мечникова, человѣка больного, слабаго, нейрастеника, страдаемаго ненормально развитымъ самолюбіемъ, угнетаемаго ненормально развитой впечатлительностью, преслѣдуемаго рокомъ (смерть любимой жены) и слѣпо вѣрующаго въ рационализмъ, въ ту самую науку, за которою и «Фаустъ» и Гетэ признаютъ только служебное къ жизни отношеніе? Что общаго между «олимпійцемъ», который, свободно предаваясь всѣмъ естественнымъ стремленіямъ своей природы, не боялся ни жизни, ни смерти, и—вѣчно дрожавшимъ за свое здоровье, обдумывавшимъ всякій свой шагъ, мнительнымъ и раздражительнымъ другомъ проф. Мечникова? Что общаго между стремленіемъ къ самоубійству изъ-за неудовлетворенной страсти, и такимъ же стремленіемъ

*) «Vom Vater hab ich die Statur»...

«Vom Mutterchen—die froh Natur»...

изъ-за страха передъ будущимъ, изъ-за неспособности мужественно переносить невзгоды жизни? Съ одной стороны—бурное, но скоропреходящее отчаяніе льва, отъ котораго ускользнула добыча, а съ другой—медленное, тягучее отчаяніе зайца, которому со всѣхъ сторонъ грозятъ опасности. Фаустъ рѣшается на самоубійство, потому что онъ лично, при данныхъ условіяхъ не можетъ жить, а другъ проф. Мечникова рѣшается на самоубійство, потому что всему роду человѣческому, ни при какихъ обстоятельствахъ не стоитъ жить. Фаустъ и Гетэ мирятся съ жизнью потому, что начинаютъ видѣть въ ней вселенское служеніе, а другъ проф. Мечникова мирится съ жизнью потому, что она стала давать ему личныя наслажденія, хотя и очень скромныя.

Фаустъ и Гетэ вовсе не пессимисты и никогда пессимистами не были. Они не жалуется на свою плохую организацію, на то, что жизнь ничего не даетъ имъ даромъ; они любятъ борьбу, они не приспособляются, а приспосаблиются. Послѣднія слова умирающаго Фауста слѣдовало бы на носу зарубить всѣмъ современнымъ пессимистамъ. Вотъ эти слова (перевожу съ цитаты, приведенной авторомъ):

«Только тотъ достоинъ жизни и свободы, кто можетъ ежедневно ихъ себѣ завоевывать».

IX.

Наука и нравственность.

Послѣдній очеркъ проф. Мечникова посвященъ вопросу чрезвычайно важному, можно сказать, центральному для настоящаго времени.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣчество, нѣсколько тысячелѣтій плохо или хорошо руководствовавшееся нравственными законами, вытекающими изъ безотчетныхъ потребностей его природы, и кодифицированными въ видѣ различнаго рода заповѣдей, которыя отъ времени до времени издавались пророками и законодателями, повелѣвавшими именемъ Божиимъ (Будда, Моисей, Конфуцій, Магометъ, Иисусъ Христосъ), въ настоящее

время, вмѣстѣ съ вѣрой въ Бога и загробную жизнь, потеряло вѣру и въ эти заповѣди.

Ему самому приходится создавать себѣ теперь новый нравственный законъ, и попытки такого созиданія давно уже дѣлаются выдающимися философами и моралистами.

Проф. Мечникову, какъ творцу новаго взгляда на человѣческую природу, указателю новыхъ цѣлей для ея дѣятельности, и новыхъ методовъ ея исправленія, слѣдовало бы, конечно особенно старательно разработать этическую часть своей философіи, но онъ къ сожалѣнію, этого не сдѣлалъ—этической очеркъ автора, какъ увидимъ ниже, представляетъ собою довольно запутанный сборъ недодуманныхъ мыслей, недоказанныхъ утвержденій и неудачно выбранныхъ примѣровъ.

Начинаетъ онъ этотъ этический очеркъ указаніемъ на крайнюю трудность разрѣшенія проблемъ этики (что иллюстрируетъ довольно неудачно, этическими разнорѣчіями по вопросамъ научнымъ и гигиеническимъ), причемъ приходитъ къ выводу, что при рѣшеніи этихъ проблемъ участіе разума необходимо. Затѣмъ переходитъ къ весьма поверхностной критикѣ интуитивной и утилитарной теорій нравственности.

Первая, по его мнѣнію, благодаря крайнему разнообразію въ развитіи общественнаго инстинкта у людей (одни всѣмъ жертвуютъ для общаго блага, другіе заботятся только о своихъ близкихъ, третьи—оказываются узкими эгоистами), является слишкомъ шаткою, тѣмъ болѣе что намѣренія, то-есть подлинныя мотивы человѣческихъ дѣйствій ускользаютъ отъ посторонняго наблюдателя и судьи.

Приходится судить только по результатамъ этихъ дѣйствій, а результаты часто выходятъ противоположными намѣреніямъ: добрый человѣкъ приноситъ одинъ только вредъ своей добротою, а злой, именно благодаря отсутствію доброты въ его сердцѣ, приноситъ громадную пользу обществу (своевременныя, административныя репрессіи).

Что касается теоріи утилитарной, то и она не удовлетворяетъ автора, но вовсе не потому, чтобы

онъ признавалъ самую основу ея неправильною («польза есть цѣль всякаго нравственнаго поступка», говоритъ онъ), а сколько можно понять изъ довольно смутныхъ его объясненій—потому, что, на практикѣ, очень трудно опредѣлить, чью именно пользу долженъ имѣть человѣкъ въ виду: свою собственную, своихъ родныхъ, единоплеменниковъ, единовѣрцевъ, людей той же расы, или всего человѣчества?

Вторая глава очерка посвящена почти цѣликомъ столь-же поверхностной критикѣ нравственной теоріи Канта, основанной на сознаниі долга—«категорическомъ императивѣ», присущемъ всякой душѣ человѣческой.

Повторяя ошибки большинства критиковъ Канта ¹⁾, авторъ упрекаетъ его въ обезцѣненіи непосредственнаго чувства, въ крайней принудительности извѣстной его формулы, ¹⁾ какъ бы совершенно отрицающей личныя стремленія и превращающей человѣка въ машину, движимую исключительно долгомъ, ни цѣлей, ни направленія котораго Кантъ даже будто бы не указываетъ, ²⁾ и проч.

Все это авторъ иллюстрируетъ примѣрами, на мой взглядъ тоже очень неудачными, ³⁾ а въ концѣ кон-

¹⁾ Зависяція отъ туманностей философскаго жаргона, на которомъ написаны творенія Канта. Большую бы услугу человечеству оказалъ тотъ, кто перевелъ бы эти творенія на языкъ, понятный всякому смертному.

²⁾ «Дѣйствуй такъ, какъ будто-бы правило твоей дѣятельности, посредствомъ твоей воли, должно было стать закономъ твоей природы». (По переводу Вл. Соловьева).

³⁾ «Потребность чистаго практическаго разума основывается на нашемъ долгѣ дѣлать высшее благо предметомъ своей воли, чтобы содѣйствовать этому благу всѣми своими силами». (По переводу Н. М. Соколова, „Крит. Практ. Раз. стр. 140). Кантъ, слѣдовательно, указываетъ цѣли, къ которымъ влечетъ человѣка сознание долга, но подробную характеристику высшаго блага предоставляетъ самому этому влеченію, то-есть совѣсти каждаго.

⁴⁾ Сознание долга пожертвовать собою для блага ближнихъ, на примѣръ, касается конечно только такихъ случаевъ, когда это благо стоитъ жертвы, и въ такомъ видѣ, вопреки мнѣнію автора, оно можетъ быть, согласно Кантовской формулѣ, сдѣлано всеобщимъ закономъ, не

цовъ черпаетъ изъ того же Канта цитату, ⁴⁾ на которой, вполне неосновательно по моему мнѣнію, строить впоследствии своей методъ исправленія человѣческой природы.

Насколько я понимаю, Кантъ, въ этой цитатѣ, говоритъ о томъ, что нравственный законъ, создаваемый человѣкомъ какъ необъяснимый и непонятный но вполне категорическій императивъ для всей его дѣятельности, кажется намъ столь же категорически императивнымъ и для всей природы. То есть человѣкъ какъ будто бы несетъ въ себѣ сознание своей обязанности подчинить всю природу тому нравственному закону, который сознается имъ какъ обязательный для него самого. Короче—Кантъ полагаетъ, что человѣческая натура, какова она есть, служитъ носительницей нравственнаго закона, долженствующаго подчинить себѣ всю природу.

А проф. Мечниковъ понимаетъ эту цитату въ томъ смыслѣ, что наука, то есть сводъ отрывочныхъ, неполныхъ и весьма часто невѣрныхъ свѣдѣній, приобретенныхъ человечествомъ за время его существованія, и кое какъ связанныхъ недостоверными гипотезами, безпрестанно мѣняющимися, имѣетъ право не церемониться съ физическимъ строемъ человѣческаго организма (а стало быть и съ присущимъ этому строю категорическимъ императивомъ, то есть естественнымъ стремленіемъ къ нравственной цѣли) и передѣлывать его по своему вкусу.

Не знаю, кто изъ насъ вѣрнѣе понимаетъ данную

опасаясь, что вѣсь сразу начнутъ жертвовать собою для ближнихъ, и что такимъ образомъ на землѣ никого не останется.

⁴⁾ Вотъ эта цитата (боясь исказить переводомъ, привожу ее въ томъ видѣ, какъ она изложена у проф. Мечникова): Nous avons conscience, par la raison d'une loi à laquelle toutes nos maximes sont soumises, comme si un ordre naturel devait être enfanté par notre volonté. Donc cette loi doit être l'idée q'une nature qui n'est pas donnée empiriquement, mais qui pourtant est possible par la liberté, nature supra-sensible, à laquelle nous donnons, au moins à un point de vue pratique, de la réalité objective, parce que nous la considérons comme objet de notre volonté, en tant qu'êtres raisonnables.

цитату Канта, но мнѣ кажется, что толкованіе проф. Мечникова противорѣчитъ всему направленію Кантовской философіи съ его уваженіемъ къ натурѣ человѣка какова она есть. Положимъ, что это не важно—Кантъ не Богъ, противорѣчитъ которому непозволительно—но въ такомъ случаѣ не нужно было на него и ссылаться, или, разъ ужъ сославшись, слѣдовало нѣсколько поосновательнѣе анализировать его нравственную теорію, діаметрально противоположную теоріи самого проф. Мечникова, если только можно назвать теоріей тѣ отрывки мыслей, которые заключаются въ девятомъ изъ его «оптимистическихъ очерковъ».

Покончивъ съ Кантомъ, или лучше сказать насильно завербовавъ его въ свои союзники, авторъ цитируетъ Вагнеръ и Паульсена, понимающихъ высшее благо какъ совершенное счастье, и опредѣляющихъ послѣднее какъ полное развитіе человѣческой природы въ человѣческомъ обществѣ, что, по ихъ мнѣнію, и служить цѣлью существованія человѣка.

Затѣмъ авторъ цитируетъ еще Сутерлянда, по мнѣнію котораго нравственнымъ поведеніемъ должно называться такое, которое руководствуется «раціонализированной симпатіей» (*sympathie raisonnée*), съ чѣмъ и самъ вполне соглашается, и изъ чего выводитъ, что нравственность должна быть основана на научныхъ данныхъ.

Въ третьей главѣ авторъ переходитъ къ опять таки слишкомъ поверхностному развитію своихъ собственныхъ взглядовъ. Начинаетъ онъ съ нравственности индивидуальной, то есть съ разсмотрѣнія обязанностей человѣка по отношенію къ себѣ самому.

Почему лѣнь и пьянство считаются безнравственными, спрашиваетъ онъ, разъ то и другое суть естественныя стремленія природы, хотя бы и больной? Не потому ли, что эти пороки мѣшаютъ нормальнымъ образомъ проходить полный циклъ жизни? А между тѣмъ лица, страдающіе этими пороками, оправдываются тѣмъ, что такова ужъ ихъ натура.

Въ примѣрѣ результатовъ такого отношенія къ слабостямъ своей природы, авторъ приводитъ исторію

двухъ братьевъ, изъ коихъ одинъ, очень умный и способный, съ ранней молодости велъ жизнь очень веселую и предавался разнымъ эксцессамъ, ссылаясь на то, что у всякаго въ жизни свой путь; а другой братъ жилъ очень скромно, занимаясь науками. Первый умеръ 56-ти лѣтъ отъ роду, рассказывая въ томъ, что разстроилъ свое здоровье, а второй—живъ до сего времени и, будучи уже старикомъ, не потерялъ способности къ работѣ. Мораль этой исторіи, по автору, состоитъ въ томъ, что молодые, у которыхъ истинность жизни еще не развитъ, растрачиваютъ свое здоровье не предвидя, что оно имъ очень понадобится именно тогда, когда инстинктъ этотъ разовьется, то есть уже въ зрѣлые годы.

Къ тому же заключенію приводитъ автора и смерть его брата, Ивана Ильича,¹⁾ который умеръ 45-ти лѣтъ отъ роду, отъ пѣмміи. Но изъ приводимыхъ авторомъ предсмертныхъ словъ покойнаго трудно, мнѣ кажется, вывести такое заключеніе. Иванъ Ильичъ Мечниковъ, всегда очень боявшійся смерти, сказалъ передъ своей кончиною: «Разъ всякій человѣкъ долженъ умереть, то слѣдуетъ съ этимъ помириться, тѣмъ болѣе что не все ли равно: умереть въ 45 лѣтъ или позднѣе?» Изъ этихъ словъ, скорѣе, мнѣ кажется, можно заключить, что инстинктъ жизни, очень сильный у Ивана Ильича, пока онъ былъ здоровъ, передъ кончиною, успѣлъ замѣниться инстинктомъ смерти.

Вообще, изъ двухъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ, я бы не могъ вывести никакого заключенія относительно законовъ индивидуальной нравственности. Но онъ ихъ выводитъ, утверждая, что эта нравственность должна состоять единственно въ соблюденіи правилъ ортобіоза, то есть въ содѣйствіи развитію инстинкта жизни. А такъ какъ натура не снабдила этимъ инстинктомъ молодыхъ людей (развивается онъ,

¹⁾ Которая, по словамъ проф. Мечникова, послужила темой знаменитаго разсказа Л. Н. Толстого; «Смерть Ивана Ильича,» хотя, по моему, между душевнымъ состояніемъ обоихъ умирающихъ существуетъ такая же діаметральная противоположность, какъ между мировоззрѣніями проф. Мечникова и Л. Н. Толстого.

будто-бы, только въ зрѣлые годы), то слѣдуетъ передѣлать самую натуру.

Изолированнаго человѣка, однако же, не существуетъ на свѣтѣ—говорить онъ далѣе—и потому каждый новорожденный ребенокъ, уже съ первыхъ дней своей жизни, долженъ привыкать къ условіямъ общенія, то есть подчинять свои естественныя инстинкты требованіямъ окружающихъ, и даже подъ страхомъ кары. Онъ, значить, на первыхъ же шагахъ бываетъ принужденъ слѣдовать извѣстнымъ нравственнымъ законамъ, въ составленіи которыхъ участвуетъ разумъ.

Выросши, и въ свою очередь сдѣлавшись отцами и матерями, молодые супруги принуждены тоже сдерживать свои естественныя стремленія, какъ въ виду обязанностей другъ къ другу, такъ и въ виду обязанностей по отношенію къ дѣтямъ. Обязанности эти въ инстинктѣ не даны (откуда же онѣ взялись?), а потому они разъясняются молодымъ родителямъ людьми болѣе опытными, и если родители не слушаютъ этихъ разъясненій, то поведеніе ихъ можетъ быть названо безнравственнымъ.

Воспитавъ дѣтей физически, родители обязаны позаботиться о внушеніи имъ понятія объ ортобіозѣ, какъ о пути, ведущемъ къ наивысшему счастью, то есть къ нормальной эволюціи инстинкта жизни, заканчивающейся здоровой старостью и развитіемъ инстинкта смерти.

Привыкнувъ съ раннихъ лѣтъ къ условіямъ общенія, и увидавъ на опытѣ, что безъ помощи другихъ людей ему не обойтись, каждый человѣкъ научается, ради собственной выгоды, сдерживать свои противупообщественныя инстинкты и не вредить ближнимъ. Хотя эта истина и не нуждается въ особыхъ доказательствахъ, но авторъ считаетъ нужнымъ иллюстрировать ее примѣрами, для чего указываетъ на необходимость хорошаго обращенія съ прислугой, отъ которой, въ противномъ случаѣ, «можно заразиться какой-нибудь болѣзью,» а кромѣ того напоминаетъ намъ, что взрывы гнѣва «могутъ обусловить апоплексическій ударъ и сахарное мочеизнуреніе».

Считаетъ онъ также нужнымъ напомнить читате-

лямъ, что роскошь, изысканный столъ, бессонныя ночи, и проч. могутъ, съ одной стороны, окончательно разстроить здоровье, а съ другой—послужить причиною бѣдности ближнихъ. Эту послѣднюю угрозу онъ, однако же, считаетъ не существенной, такъ какъ люди вообще больше руководствуются эгоизмомъ чѣмъ симпатіями, поэтому бѣдностью ближнихъ ихъ напугать невозможно.

Но пугать ихъ и приваживать, то есть обставлять нравственные законы карами и наградами, необходимо, потому что человѣкъ—эгоистъ, и потому что всѣ законодатели такъ дѣлаютъ, даже самъ Іисусъ Христосъ, въ нагорной проповѣди, не отступилъ отъ этого правила (слѣдуютъ ссылки на Евангеліе).

Г. Спенсеръ, однако же, рекомендуетъ не требовать отъ людей слишкомъ трудныхъ нравственныхъ дѣяній, потому что иначе эти требованія останутся невыполненными, какими бы наградами и наказаніями ни были обставлены. Онъ надѣется, что со временемъ родъ человѣческій станетъ инстинктивно-нравственнымъ, такъ что ни наградъ, ни наказаній для него не потребуются, вся общественность будетъ основана на естественной симпатіи между людьми, и вотъ тогда то наступитъ настоящій рай. Но авторъ не вѣритъ въ наступленіе этого рая и даже въ его возможность среди людей, пропитанныхъ слишкомъ сильно развитой симпатіей другъ къ другу. Такая симпатія, по мнѣнію проф. Мечникова, можетъ явиться только въ видѣ реакціи на какое-нибудь крупное общественное бѣдствіе, а когда бѣдствіе пройдетъ, то она сдѣлается не только бесполезной, но даже стѣснительной и вредной. Это замѣчаніе особенно характерно для настроенія проф. Мечникова, который вообще считаетъ сочувствіе и услуги ближнихъ оскорбительными, чему мы и дальше увидимъ доказательства.

А самъ онъ доказываетъ стѣснительность и вредъ симпатіи примѣромъ героини какого-то романа Д. Эллиота и признаніями Д. С. Милля. Первая, купивъ имѣніе и рассчитывая облагодѣтельствовать крестьянъ, была очень огорчена, когда узнала, что они не ну-

ждаются въ ея благодѣяніяхъ, а послѣдній признается, что въ юности желалъ сдѣлать весь міръ счастливымъ съ помощью разныхъ реформъ, но потомъ убѣдился, что и самъ то онъ не былъ бы счастливъ при осуществленіи этихъ реформъ, что его тоже очень огорчило. Авторъ не замѣчаетъ, что примѣры его говорятъ не о симпатіяхъ и не объ услугахъ вообще, а только о «медвѣжьихъ» услугахъ, притомъ основанныхъ отчасти на себялюбіи и тщеславіи. Но въ такомъ случаѣ проще было бы указать на соответствующую басню Крылова тѣмъ болѣе что главное, дѣйствующее въ ней лицо, руководствовалось чистой симпатіей.

Отрицаая Спенсеровскій рай, основанный на всеобщихъ симпатіяхъ другъ къ другу, авторъ чертитъ планъ своего собственнаго рая, основаннаго на полномъ изгнаніи наукою всякаго зла изъ жизни людей, причемъ симпатіи и самопожертвованія станутъ ненужными. Судя по примѣру такого самопожертвованія, затѣмъ приводимому (врачъ погибъ отъ дифтерита, спасая больного ребенка), и по рецепту, долженствующему навсегда избавить человечество отъ необходимости жертвовать собою (антидифтеритная сыворотка), надо думать, что авторъ имѣетъ въ виду только зло физическое, то есть болѣзни и смерть: рай наступитъ тогда, когда первыя исчезнутъ, а послѣдняя станетъ желанною (если только тоже не будетъ побѣждена наукою).

Возможность и даже близость этого рая авторъ доказываетъ тѣмъ, что вотъ уже человѣскія жертвы, когда то приносимыя людьми Богу, и считавшіяся высоконравственными, исчезли навсегда. Недалеко, стало быть, и такое время, когда люди тоже откажутся не только отъ жертвъ, приносимыхъ имъ ближними, но даже отъ всякихъ взаимныхъ услугъ, и будутъ каждый довольствоваться самимъ собою, не дѣлая никому никакого добра, ни изъ-за долга—по Канту, ни изъ-за симпатіи—по Спенсеру...

Для скорѣйшаго наступленія такого рая нужно однако же радикально измѣнить природу человѣка по заранѣ выработанному наукою идеалу. Въ настоящемъ ея видѣ, будучи наслѣдіемъ звѣроподобныхъ

предковъ, она не можетъ служить субстратомъ рациональной нравственности. Древній идеалъ гармоничнаго функционирования всехъ органовъ тѣла **человѣческаго** долженъ быть отброшенъ. Регрессирующие органы слѣдуетъ совсѣмъ изъять изъ обращенія.

Что такого рода насильственное и притомъ чисто-физическое воздѣйствіе на **человѣческую** природу, съ цѣлью ея улучшения, вполне возможно, это доказывается примѣрами Ремпо (**Rimpau**) и Бербанка (**Burbanc**), успѣвшихъ, при помощи чисто-научныхъ методовъ, вывести новые, идеальные сорта пшеницы и картофеля, а также кактусъ безъ шиповъ, вишни безъ косточекъ и проч. Все это потребовало, конечно, глубокихъ знаній и много времени, но въ концѣ концовъ увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ.

Въ приложеніи къ **человѣку**, методы воздѣйствія на его природу (тоже способную подчиниться такимъ воздѣйствіямъ, какъ и все живое) должны быть нѣсколько измѣнены конечно. Людей, на примѣръ, нельзя по произволу скрещивать, какъ вышеупомянутые ученые поступали съ растениями, но все же, составивъ себѣ идеальный планъ предстоящаго дѣла, можно придумать и средства къ его выполненію. Идеаломъ, конечно, долженъ быть ортобіозъ, хотя не слѣдуетъ добиваться черезчуръ продолжительной жизни во что бы то ни стало: если инстинктъ смерти явится раньше полнаго истощенія силъ, то ему можно удовлетворить и при помощи самоубійства, которое въ такихъ случаяхъ является дозволительнымъ.

Дозволительнымъ и даже необходимымъ, съ точки зрѣнія ортобіоза, является также ограниченіе дѣтороженія, такъ какъ **человѣкъ**, благодаря наукѣ, избавляющей его отъ болѣзней и удлиняющей его жизнь, не нуждается уже въ увеличеніи потомства, которое только потребовало бы отъ него лишнихъ заботъ, а кромѣ того усилило бы и ожесточило борьбу за существованіе, сдѣлавъ ее еще болѣе безнравственною ¹⁾

¹⁾ Покойный Д. И. Менделѣвъ, наоборотъ, считалъ стремленіе къ размноженію главнымъ отличіемъ живыхъ существъ отъ неодушевленной природы, а борьбу за существованіе—главнымъ двигателемъ прогресса.

Для созданія идеальной человѣческой природы слѣдуетъ поступать подобно Рэмпо и Бербанку, то есть предварительно изучить до тонкости природу нынѣ существующую, а потомъ приступить къ ея передѣлкѣ. Изучать природу нужно не только въ анатомо-физиологическомъ отношеніи, какъ какую-нибудь изолированную машину, а и въ отношеніяхъ общественныхъ. Для этого слѣдуетъ поддерживать всѣми силами распространеніе научныхъ знаній. Невѣжество должно быть признано безнравственнымъ.

Но подъ именемъ науки авторъ, въ данномъ случаѣ, подразумѣваетъ не одни книжныя знанія, а и личный рационализированный и систематизированный опытъ, такъ какъ Рэмпо и Бербанкъ не изъ книгъ почерпнули свои знанія, а именно изъ такого опыта. Значитъ руководителями и наставителями научнаго воздѣйствія на человѣческую природу, съ цѣлью ея нравственнаго усовершенствованія, должны быть люди, такимъ опытомъ обладающіе. Идеаль ортобіоза вообще требуетъ, чтобы всякими общественными дѣлами и предпріятіями руководили именно такіе люди, которые, конечно, не могутъ быть молодыми. Возрастъ между 60 — 70 годами какъ разъ для этого пригоденъ, тѣмъ болѣе что благодаря правильному прохожденію цикла жизни, лица, находящіеся въ этомъ возрастѣ, будутъ вполне работоспособными.

Всѣ современные фетиши: всеобщая подача голосовъ, общественное мнѣніе, плебисциты и референдумы, привлекающіе невѣжественную массу къ обсужденію вопросовъ, требующихъ глубокихъ и разностороннихъ знаній, падутъ тогда, какъ пали древніе идола²⁾. Прогрессъ науки замѣнитъ ихъ другими учрежденіями, состоящими изъ лицъ болѣе нравственныхъ и компетентныхъ. Культура знаній займетъ тогда первое мѣсто въ жизни. вмѣсто міеологии и исторіи литературы, юношество возьмется тогда за изученіе гигиены и вообще естественныхъ наукъ. Эти послѣднія займутъ тогда мѣсто различныхъ нравственныхъ ученій и знаніе замѣнитъ какъ долгъ, такъ и симпатію,

²⁾ Въ этомъ нельзя не сочувствовать проф. Мечникову

весьма часто приносящіе больше вреда чѣмъ пользы (слѣдуютъ примѣры медвѣжьихъ услугъ въ общественной и частной жизни).

Послѣднія страницы разбираемой мною книги посвящены отвѣтамъ автора на упреки, дѣлаемые ему критиками его философскихъ взглядовъ.

На упрекъ въ томъ, что онъ въ своей системѣ отводитъ слишкомъ много мѣста гигиенѣ тѣла, авторъ отвѣчаетъ, что иначе и быть не могло, ибо здоровье есть главное условіе существованія, что всѣ религіи вмѣняютъ людямъ въ обязанность о немъ заботиться, и что только одно христіанство относилось съ презрѣніемъ къ гигиенѣ, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока она находилась во младенчествѣ и не успѣла еще оказать человѣчеству такихъ услугъ, какія оказываетъ за послѣднее время.

На упрекъ въ томъ, что онъ совсѣмъ не отводитъ мѣста альтруизму, авторъ отвѣчаетъ, что онъ дѣйствительно считаетъ эгоизмъ первенствующимъ двигателемъ поведенія, но что самый этотъ эгоизмъ заставитъ людей относиться другъ къ другу корректно и справедливо, тѣмъ болѣе что такое отношеніе не потребуетъ уже отъ нихъ тяжелыхъ жертвъ и особеннаго самоотреченія. Впрочемъ, водвореніе научныхъ идеаловъ и борьба съ предрасудками долго еще будутъ давать мѣсто всевозможному героизму, такъ что любители послѣдняго могутъ успокоиться.

На упрекъ за излишнюю вѣру въ науку авторъ отвѣчаетъ, что нельзя не вѣрить тому, кто исполняетъ свои обѣщанія. Религіи, требуя слѣпой вѣры, обѣщали излѣчить человѣчество отъ всѣхъ золъ, и обѣщанія этого не выполнили, а наука и безъ всякихъ обѣщаній успѣла уже спасти людей отъ многихъ болѣзней и сдѣлать ихъ существованіе болѣе сноснымъ. Поэтому она имѣетъ полное право на довѣріе человѣчества.

Наконецъ, на упрекъ въ томъ, что авторъ, строя свою систему на принципѣ цѣлей, является метафизикомъ, что онъ признаетъ какую то естественную продолжительность жизни и какой то нормальный цикл ея, какъ будто бы самой природою заранѣе устано-

вленный, съ какими то цѣлями, по какому то предвзятому плану, проф. Мечниковъ вполне резонно отвѣчаетъ, что въ метафизикѣ онъ совершенно неповиненъ, что никакихъ плановъ и цѣлей природы онъ не знаетъ, а становить свои собственные планы и цѣли, свой идеаль, по которому считаетъ нужнымъ перестроить человѣческую натуру ради удобствъ земной жизни человѣчества. Природа, по его мнѣнію, никакихъ цѣлей и намѣреній не имѣетъ и даже о сохраненіи вида не заботится, такъ какъ погубила уже многое множество видовъ, организованныхъ не хуже человѣческаго (антропоидныя обезьяны — Дриопитеки, напримѣръ), такъ что намъ самимъ нужно позаботиться о своей цѣлости, и человѣкъ—существо, способное на великія дѣла, долженъ употребить всю свою волю для достиженія идеаловъ, выработанныхъ наукою.

Вотъ и все.

Я передалъ содержаніе послѣдняго очерка проф. Мечникова почти дословно, самъ прочелъ его нѣсколько разъ, но точнаго и яснаго понятія о взглядахъ автора на нравственность не вынесъ, тѣмъ болѣе что онъ даже не опредѣляетъ, мнѣ кажется, самаго объекта нравственности—не говоритъ, что, по его мнѣнію, хорошо, и что дурно—что слѣдуетъ называть добромъ и что—зломъ. Мнѣ кажется, что онъ даже не видитъ никакого иного блага кромѣ здоровья и долготѣйшей жизни, иного зла кромѣ болѣзни и смерти. Но вѣдь болѣзнь и здоровье, жизнь и смерть принадлежать, я думаю, скорѣе къ области гигиеническаго законодательства, чѣмъ нравственнаго. Неужели же, кромѣ физической жизни, у человѣка нѣтъ еще и психической, въ которой, помимо болѣзни и смерти, есть зло другого рода—страсти и порочныя стремленія, здоровью ихъ обладателя не вредящія, но ближнимъ его могущія причинить даже смерть, не говоря уже о множествѣ другихъ неприяностей. Каковы же эти пороки, какъ ихъ отличить отъ достоинствъ, какъ отъ нихъ избавиться?

Вѣдь теперь идетъ «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей» —составленіе новаго нравственнаго кодекса. Самъ же авторъ говоритъ, что этого кодекса нельзя составить,

не передѣлавъ предварительно натуры человѣка, не приспособивъ его къ тому «новому вину», которое вольетъ въ нее наука. Ну такъ вотъ каково же будетъ это новое вино, къ чему именно наука будетъ приспособлять нашу натуру, какіе старые недостатки устранить изъ нея и какія новыя достоинства вложить?

Вѣдь не можетъ же быть, чтобы она ограничилась только устраненіемъ зубовъ, волосъ, толстыхъ кишекъ и проч., а затѣмъ сочла бы свою миссію созданія новой нравственности вполне оконченной! Не можетъ быть, чтобы она приспособила человѣка только къ долгой жизни, не заботясь о томъ, какова будетъ эта жизнь съ нравственной точки зрѣнія. Вѣдь вонъ тотъ пьяница, о которомъ проф. Мечниковъ упоминаетъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, больше ста лѣтъ прожилъ, а что толку въ такой жизни?

Не знаю какъ покажется читателямъ, а я, въ послѣднемъ очеркѣ проф. Мечникова, отвѣтовъ на всѣ эти вопросы не вижу. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ разобраться въ томъ, что онъ говорить.

Начинаетъ онъ съ доказательствъ необходимости участія разума въ рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ и съ отрицанія чисто интуитивной этики. Но на этотъ счетъ, кажется, теперь уже нѣтъ никакихъ разногласій между моралистами, да въ сущности едва ли онѣ когда-нибудь и были. Кто же когда либо думалъ, что основою нравственности можетъ быть одно только безотчетное стремленіе, неprovѣренное всѣми познавательными способностями человѣка вмѣстѣ взятыми? Вопросъ тутъ только въ томъ, какъ велика роль разума въ дѣлѣ опредѣленія добра и зла—можетъ ли онъ начисто замѣнить собою безотчетное чувство, совѣсть, вкусъ и проч. или долженъ только освѣдомлять ихъ и снабжать средствами?

Заповѣди тоже вѣдь были предназначены къ тому, чтобы руководить непосредственнымъ чувствомъ отъ имени Высшаго Разума. Чувство говоритъ мнѣ: укради, отомсти, и проч., а заповѣди предписываютъ: «не укради», «люби враговъ твоихъ» и проч. Когда люди вѣрили въ Высшій Разумъ, отдѣльный отъ ихъ собственного, то въ каждомъ данномъ случаѣ должны

были слѣпо подчиняться его велѣніямъ подѣ страхомъ кары. Но именно это слѣпое подчиненіе и вызвало наконецъ противъ себя реакцію, да какую! Самъ Иисусъ Христосъ сказалъ, что «сынъ человѣческой господинъ и субботы есть». Этими словами онъ какъ бы перенесъ верховный судъ надъ дѣлами человѣческими въ душу самого индивидуума, причемъ заповѣди превратились не въ предписанія, а въ простые совѣты въ общіе выводы разума коллективнаго, основанные на опытѣ всего человѣчества.

Но люди, по большинству, не въ состояніи, должно быть, вмѣстить такой страшной отвѣтственности за свое поведеніе и, попрежнему, до сихъ поръ ищутъ категорическаго императива внѣ себя. Такимъ императивомъ и долженъ быть тотъ новый нравственный законъ, тотъ новый выводъ коллективнаго разума, который предстоитъ создать человѣчеству, возмущившемуся противъ слѣпота подчиненія древнимъ заповѣдямъ. Законъ этотъ, слѣдовательно, не долженъ требовать такого подчиненія, долженъ давать просторъ личному чувству и личному разуму, причемъ роль послѣдняго не можетъ быть диктаторскою, такъ какъ всѣ способности и стремленія человѣка равноправны. Нетолько личный, но и коллективный разумъ, слѣдовательно, не можетъ предписать мнѣ любить моихъ враговъ, когда чувства любви нѣтъ въ душѣ моей, но онъ не можетъ предписать и равнодушія къ чужимъ страданіямъ во имя собственной пользы, разъ я сострадаю ближнимъ до забвенія объ этой пользѣ. Онъ можетъ только освѣдомить меня о послѣдствіяхъ того или другого моего поступка, о коллективной оцѣнкѣ его человѣчествомъ, а выборъ между разными направленіями моего поведенія долженъ быть представленъ непосредственному моему чувству, совѣсти, вкусу, безотчетному сознанию долга—кантовскому «императиву» и проч. за ихъ личную отвѣтственность передъ коллективнымъ мнѣніемъ человѣчества.

Между тѣмъ, возмущившись противъ заповѣдей, данныхъ отъ имени Высшаго Разума, человѣчество за послѣднее время очевидно вознамѣрилось передать бразды правленія своей нравственностью разуму низ-

шему, то есть простому житейскому расчету, безъ всякаго участія чувства, совѣсти, вкуса и проч. Въ результатъ такой передачи, появилась такъ называемая «утилитарная» теорія нравственности, отрицающая нравственную красоту, даже не признающая ни добра, ни зла, какъ сущностей, постигаемыхъ отдѣльно отъ пользы или выгоды, вреда или невыгоды. По этой теоріи, поступки людей являются хорошими или дурными только въ виду ихъ большей или меньшей разумности, большей или меньшей цѣлесообразности, причемъ разумность и цѣлесообразность измѣряются успѣхомъ: всѣ средства, ведущія къ цѣли, считаются дозволенными, а сама цѣль оцѣнивается опять-таки единственно съ точки зрѣнія пользы или выгоды.

Высказавшись за участіе разума *) въ рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ, проф. Мечниковъ не говоритъ, однакоже, какъ велико должно быть это участіе. Долженъ ли разумъ быть абсолютнымъ диктаторомъ, категорически отмѣняющимъ рѣшенія чувства, совѣсти, вкуса, долга и проч? Имѣю ли я право, напримѣръ, въ противность здравому разсудку, въ ущербъ нормальному прохожденію цикла моей жизни, и безъ всякой для себя выгоды, спасти утопающаго, единственно въ угоду безотчетному стремленію?

Затѣмъ, говоря что «польза есть цѣль всякаго нравственнаго поступка», авторъ какъ бы причисляетъ себя къ сторонникамъ утилитарной теоріи нравственности, но потомъ самъ же признаетъ ея несостоятельность въ виду того, что трудно опредѣлить во имя чьей пользы долженъ быть совершенъ поступокъ—своей собственной, своихъ близкихъ, единовѣрцевъ, единоплеменниковъ, людей той же расы или всего человѣчества, а между тѣмъ интересы этихъ человѣческихъ группъ могутъ діаметрально расходиться. Наконецъ, онъ не опредѣляетъ даже, что слѣдуетъ называть пользой, кто и какъ долженъ опредѣлить это понятіе. Вѣдь вотъ теперь анархисты бросаютъ бомбы ради пользы всего человѣчества, а это послѣднее, въ лицѣ правительствъ всѣхъ странъ и большей части

*) Собственно говоря—разсудка (raisonnement).

общества, вѣшаетъ или убиваетъ ихъ ради той же пользы. Какъ тутъ быть? Кто правъ, кто виноватъ?

Впрочемъ, разъ проф. Мечниковъ, признавая основной принципъ утилитаристовъ, отрицаетъ саму теорію во имя ея практической неприменимости, то не къ нему слѣдуетъ и обращаться съ этими вопросами.

Но какихъ же взглядовъ самъ то онъ держится?

Изъ разбора нравственной теоріи Канта основывающаго всю этику на категорическомъ императивѣ, то есть на безотчетномъ стремленіи къ правдѣ, добру и красотѣ, хотя и въ разной степени по свойственному всякой душѣ—или, пожалуй, натурѣ—человѣка, видно что авторъ и ее не раздѣляетъ. Да этику - рационалисту это и не полагается, такъ какъ кантовскій императивъ ирраціоналенъ.

Вслѣдъ за Кантомъ, авторъ упоминаетъ о Вапро и Паульсенѣ, наконецъ—о Сутерляндѣ.

Первые двое видятъ цѣль человѣческаго существованія, а стало быть и его нравственный законъ, въ возможно полномъ развитіи натуры человѣка *), а послѣдній—въ разумной, или лучше сказать обдуманной (raisonnée) симпатіи. Съ ними, въ особенности съ Сутерляндомъ, авторъ какъ будто-бы согласенъ, но это только кажется, какъ увидимъ ниже.

Признавая что нравственность проявляется главнымъ образомъ во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми, авторъ, при изложеніи своихъ собственныхъ взглядовъ, именно этихъ то отношеній почти и не касается. Онъ не только не видитъ абстрактныхъ зла и добра, но даже и въ конкретномъ-то видѣ представляетъ ихъ себѣ единственно какъ здоровье и болѣзнь, долгая жизнь и ранняя смерть. Изъ примѣровъ, имъ приводимыхъ, ясно, что онъ этику смѣшиваетъ съ гигиеной. Не слѣдуетъ кутить и предаваться эксцессамъ; нельзя не слушать совѣтовъ опытныхъ людей при воспитаніи потомства; нельзя дурно обращаться съ прислугою; нельзя гнѣваться. И все это

*) Определеніе довольно расплывчатое, такъ какъ неизвѣстно, всѣ ли стороны натуры слѣдуетъ развивать. Въ составъ ея входятъ, напримѣръ, инстинкты трусости, лживости и проч., съ ними какъ быть?

потому что иначе можно сократить свою жизнь, или жизнь дѣтей; можно чѣмъ-нибудь заразиться; можно умереть отъ удара или нажать диабетъ.

Ну а если-бы свое то здоровье и своя жизнь были въ безопасности, то можно ли бы было держать прислугу въ свиномъ хлѣбѣ? Можно-бы было предаваться всевозможнымъ скотскимъ эксцессамъ? Можно было-бы поминутно сердиться и драться?

На эти вопросы, пожалуй, проф. Мечниковъ не захочетъ отвѣчать, потому что, съ гигиенической точки зрѣнія, его «нравственные законы» неуязвимы (хотя, въ доброе старое время люди и кутили и дрались и кожу съ рабовъ драли и все-таки ухитрялись доживать до глубокой старости), но что же бы онъ отвѣтилъ на такой, напримѣръ, вопросъ: «учитель! я завидую такому-то, и мнѣ хочется оклеветать его, хорошо ли это будетъ съ нравственной точки зрѣнія?» или на такой: «я состою членомъ комитета анархистовъ, подготовляющаго выступленіе съ бомбами, позволительно ли мнѣ донести на него полицію, имѣя въ виду, что за это я получу деньги, которыя обезпечатъ мнѣ безпрепятственное прохожденіе естественнаго цикла моей жизни?»

Вѣдь такихъ вопросовъ можетъ быть предложено ему безчисленное множество и, если судить по взглядамъ, изложеннымъ въ этической части его философіи, то онъ долженъ отвѣчать на нихъ такъ: «да дѣлайте что хотите, лишь-бы не испортить здоровья; во имя ортобіоза все дозволено».

Я увѣренъ, конечно, что проф. Мечниковъ такъ не отвѣтитъ. Онъ думаетъ, что такіе вопросы даже возникнуть не могутъ, что главный двигатель человѣческаго поведенія—личный эгоизмъ—заставитъ людей относиться другъ къ другу корректно и справедливо.

Но вѣдь это уже слишкомъ старо. Такъ могли думать теоретики-доктринеры, не выдавшие приложенія своихъ принциповъ къ дѣлу. Они могли думать, что такъ какъ человѣкъ даже любитъ и собою жертвуетъ только изъ эгоизма—потому что это ему полезно, приятно или выгодно—то стоитъ лишь разъ навсегда указать ему какъ дважды-два-четыре: что страсти раз-

рушаютъ его тѣло; что порочныя склонности отзы-
раются на его собственныхъ интересахъ; что всякое
василіе, какъ и всякая палка, имѣетъ два конца; что
личное благо индивидуума находится въ прямой за-
висимости отъ блага общаго и что прямая его выгода
требуетъ честнаго служенія послѣднему. Все это такія
истины, въ которыхъ, казалось бы, сомнѣваться не-
возможно, а убѣдившись въ ихъ справедливости, чело-
вѣкъ несомнѣнно, сейчасъ-же станетъ добродѣтель-
нымъ гражданиномъ, страсти и пороки исчезнутъ, а
на землѣ водворится рай.

Но вѣдь жизнь все это опровергла уже. Кто же те-
перь не знаетъ что лезть, ложь, клевета, даже воров-
ство, убійство и прочія проявленія порочныхъ склон-
ностей, въ практической жизни, для «разумнаго эго-
иста», могутъ быть въ высшей степени полезными (а
стало быть и нравственными), если съ ними умненько
обращаться. Кто же не знаетъ, что палка дѣйствительно
о двухъ концахъ, но что если держать въ рукахъ
покрѣпче одинъ изъ нихъ, то о другомъ можно не
безпокоиться; что личное мое благо дѣйствительно свя-
зано съ общимъ, но честно содѣйствуя развитію по-
слѣдняго я получу изъ него всего только одну сто-
милліонную долю, тогда какъ идя своимъ, чисто
эгоистическимъ путемъ, то есть, умненько обманывая
или насилуя общество, я могу урвать хотя бы двѣ
стомилліонныхъ—и то вѣдь выгода. Изъ за чего же
мнѣ, «разумному эгоисту», не вѣрующему ни въ Бога,
ни въ загробную жизнь, ни въ какіе нибудь отвлечен-
ные идеалы, заботиться о благѣ общемъ, о процвѣ-
таніи вида, о водвореніи рая на землѣ, если рай этотъ
наступитъ лишь тогда, когда изъ меня, по выраженію
Базарова, будетъ расти лопухъ?

А что касается страстей, разрушающихъ мое тѣло,
то не въ удовлетвореніи ли ихъ и состоитъ настоящее
личное счастье, а это послѣднее не есть ли единствен-
ная цѣль эгоистической жизни? Изъ-за чего же я
буду тянуть скучную и нудную канитель сомовоздер-
жанія, все таки въ концѣ концовъ приводящую къ
неизбѣжной смерти, къ тому же самому разрушенію
тѣла, только немножко болѣе позднему, да и то если

на меня завтра же не обрушится какой-нибудь кар-
низъ, или другая «эгоистическая личность» не под-
стрѣлитъ меня ради своей или общей пользы?

Разъ всѣ эгоисты, то никто не обязанъ заботиться
о чужой или общей выгодѣ если для него она не вы-
годна; всѣ средства хороши если ведутъ къ цѣли; всѣ
цѣли хороши если разумны, а разумно все то, что слу-
жить къ выгодѣ, пользѣ или удовольствію «эгоистич-
ной личности». Какъ же тутъ не возникнуть вопро-
самъ, на которые проф. Мечниковъ не считаетъ нуж-
нымъ отвѣтить?

Онъ увѣряетъ, что наука устранить изъ жизни
всякое зло. Но вѣдь какое же зло? Болѣзни и прежде-
временную смерть, да и то едва-ли. А какъ она бу-
детъ устранять глупость, зависть, ненависть, ревность,
лѣнь, лживость, нахальство, хвастовство, измѣну, пре-
дательство и прочія порочныя склонности, особенно
свойственныя и особенно полезныя для эгоиста, хотя
бы и «разумнаго»?

Не всѣ вѣдь эгоисты соответствуютъ тому поня-
тію, какое объ нихъ себѣ составили моралисты теоре-
тики. Громадное ихъ большинство способно только къ
самымъ низменнымъ проявленіямъ эгоизма, притомъ
наиболѣе узкаго. Вѣдь посмотрите что у насъ теперь
дѣлается: съ тѣхъ поръ какъ понятіе о нравственной
красотѣ какъ объектѣ нравственнаго закона было от-
вергнуто рациональной этикой, для нравственно-не-
красивыхъ инстинктовъ человѣка наступилъ полный
просторъ. Вѣдь если цѣль и средства оцѣниваются
только съ точки зрѣнія пользы и разумности, то
нравственная красота перестаетъ быть для эгоиста обя-
зательною. «Ну да!» говоритъ онъ, «укралъ, убилъ,
продалъ, наклеветалъ, солгалъ, но вѣдь ради интере-
совъ партіи, ради торжества такой то, полезной по
моему мнѣнію идеи, наконецъ—ради удобнѣйшаго про-
хожденія нормальнаго цикла моей жизни, на что я
имѣю право въ качествѣ разумной эгоистической лич-
ности. Горжусь своимъ поступкомъ».

Давно ли редакторъ какой-то нашей газеты заяв-
лялъ, что теперь говорить правду — преступленіе?
Давно ли, въ нашей печати, проводилась мысль, что

ради достиженія такой то, или иной, политической цѣли (всѣ партіи это проповѣдывали), все дозволено — и воровство, и убійство, и предательство, и какая угодно подлость? Да развѣ теперь все это не практикуется въ широкихъ размѣрахъ, съ самыми разнообразными, и ужъ конечно съ чьей нибудь точки зрѣнія разумными и для кого-нибудь полезными цѣлями?

Такая разнузданность несомнѣнно есть результатъ господства рациональной этики, или, лучше сказать, отсутствія всякихъ этическихъ правилъ. При твердой вѣрѣ хотя бы въ однѣ только заповѣди Моисея, само общество не допустило бы своихъ членовъ распоясаться до такой степени. Религіозная проповѣдь хотя и не уничтожила, и даже, пожалуй, не уменьшила относительнаго количества зла на землѣ (за что и не бралась, впрочемъ: рай она обѣщала лишь на небесахъ), но она все-таки измѣнила и смягчила его формы, заставила прятаться, стыдиться, а въ общемъ — держала тонъ личной и общественной жизни на высокомъ уровнѣ — учила жить по человѣчески. А вѣдь теперь наивные теоретики — рационалисты, заблудившіеся въ дебряхъ «лукаваго умствованія», сами того не сознавая учатъ людей скотству.

Одинъ изъ современныхъ моралистовъ — А. Менгеръ *) провозгласилъ напимѣрь, такую формулу: «Нравствененъ тотъ, кто приспособляется къ социальнымъ соотношеніямъ силъ; безнравствененъ тотъ кто имъ сопротивляется». Но вѣдь по этой формулѣ, Иисусъ Христосъ, не сумѣвшій «приспособиться къ социальнымъ соотношеніямъ силъ» своей эпохи, является безнравственнымъ, такъ же какъ и всѣ его послѣдователи, — мученики за идею, плившіе «противъ теченія». А вотъ Иуда Искариотъ оказывается вполне нравственной личностью, такъ же какъ и всѣ его подражатели — «гороховыя пальто», измѣнники и предатели раз-

*) Книжки котораго: „Новое ученіе о нравственности“ и „Новое ученіе о государствѣ“ я совѣтую прочитать каждому, не успѣвшему еще разобратся въ своихъ убѣжденіяхъ. Reductio ab absurdum, въ этихъ случаяхъ, очень полезно.

наго рода, потому что всѣ они служатъ, реальной силѣ. Разница между ними зависитъ только отъ оцѣнки той силы, которой они служатъ, но такъ какъ оцѣнка эта индивидуальна, да и нѣтъ для нея иного критерія, кромѣ личной выгоды, то каждый можетъ остаться при своемъ мнѣніи, а самый фактъ измѣны или предательства долженъ быть считаемъ вполне нравственнымъ, или по крайней мѣрѣ безразличнымъ **).

Вѣдь вотъ г. Леонидъ Андреевъ воспѣлъ же Иуду Искариота, а гг. декаденты, символисты и прочіе современные беллетристы «съ вывертомъ» и съ разными «изгибами мысли», давно уже воспѣваютъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ человѣческихъ.

Однимъ словомъ, проповѣдь рациональной этики и вѣра въ «разумный эгоизмъ» какъ въ единственный законный, и притомъ ведущій ко благу, двигатель человѣческаго поведенія, на дѣлѣ, привели къ полному практическому аморализму, то-есть, попросту говоря, къ нравственному безразличію, къ тому, что не только все дозволено, но и все хорошо.

Между тѣмъ теоретическій аморализмъ, представляющій собою не что иное какъ осуществленіе права живой души человѣческой отмѣнять всякія «субботы», то есть писанія заповѣди и правила — того права, которое признано самимъ Иисусомъ Христомъ — вовсе не отрицаетъ добра и нравственной красоты, а только даетъ имъ другое опредѣленіе. Для него далеко не все одинаково хорошо, а если все дозволено такъ только тому, кто, хотя бы не стѣсняясь заповѣдями, стремится не къ личной сытости въ широкомъ смыслѣ этого слова, а къ правдѣ, добру и красотѣ по свободному влеченію своей природы — по чувству, по совѣсти, по крайнему разумнью и,

*) Не думаю, чтобы и самъ А. Менгеръ вполне согласился съ такимъ необходимымъ выводомъ изъ его формулы. Вообще, ученые теоретики, будучи умными и превосходными въ нравственномъ смыслѣ людьми, нерѣдко приходятъ къ выводамъ, удивляющимъ ихъ самихъ. Вотъ какъ Шпгалець („Бѣсы“), который, начавъ писать проектъ полнаго освобожденія человѣчества отъ всѣхъ путъ, неожиданно дописался до полнаго его закрѣпощенія.

въ силу живого сознанія долга (категорическаго императива). Амoralисты-теоретики, правда, впадаютъ, на первыхъ порахъ, въ крайности—въ силу контраста съ прошлымъ ищутъ правды, добра и красоты въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, согласно заповѣдямъ, свалены только грѣхи да пороки *). Но они все таки же ищутъ идеала, какъ искалъ его, на примѣръ, Раскольниковъ. Не найдя его, тамъ гдѣ искали, они и раскаются подобно Раскольникову. Съ тѣмъ что все хорошо они никогда не помиряются, «въ добру и злу постыдно равнодушными» не сбѣлаются, такъ какъ не «меда» ищутъ, а правды.

А вотъ толпу-то, съ радостью подхватившую ихъ крайности, практическій аморализмъ несомнѣнно приведетъ къ полному оскотѣнію—къ апоѳеозу «торжествующей свиньи», хотя, разумѣется, не надолго, потому что человѣческая натура вовсе не такъ плоха, какъ это думаетъ авторъ.

Желаетъ ли проф. Мечниковъ содѣйствовать такой «эволюціи нравственныхъ началъ?»

Ну, конечно же нѣтъ! Онъ, какъ и всѣ благодушные теоретики, съ самыми лучшими намѣреніями, задумавъ поставить науку на мѣсто чувства, совѣсти и долга, сбѣтъ практическій аморализмъ совершенно невольно и безсознательно. Онъ забываетъ, что наука и вообще разумъ человѣческій, при всемъ его могуществѣ, не можетъ отличить добра отъ зла—нравственной красоты отъ нравственнаго безобразія—точно такъ же, какъ не можетъ отличить вкуснаго отъ невкуснаго, красиваго отъ некрасиваго. Между тѣмъ, помимо болѣе высоко развитаго разума, человѣкъ только совѣстью да эстетическимъ вкусомъ и отличается отъ вышеупомянутой свиньи, для которой, дѣйствительно, не только все дозволено, но и все хорошо, что ведетъ къ «нормальному прохожденію естественнаго цикла ея личной жизни».

Вѣдь вотъ, на примѣръ, какой рай сулить намъ

*) Несмотря на то что сами—Ницше и Максъ Штирнеръ на примѣръ—«комара обидѣть» были неспособны, никакихъ грѣховъ не совершали и никакими особыми пороками не отличались.

проф. Мечниковъ, послѣ передѣлки человѣческой природы по способу Рэмпо и Бербэнка, столь успѣшно создавшихъ вишни безъ косточекъ и кактусъ безъ шиповъ:

Всѣ эгоисты, во всѣхъ случаяхъ жизни довольствующіеся сами собою; никто не руководствуется ни чувствомъ, ни совѣстью, ни долгомъ, потому что и надобности въ этомъ нѣтъ—наука все зло устранила и всѣхъ одинаково снабдила всѣмъ необходимымъ; всякія услуги одного человѣка другому, а ужъ особенно какія бы то ни было самопожертвованія считаются, поэтому, оскорбительными; всѣ изучаютъ гигиену и естественныя науки, не интересуясь никакими мифологіями и исторіями литературъ; каждый живетъ исключительно заботой о сохраненіи своего здоровья на долгіе годы—ѣсть, съ этой цѣлью, болгарскую простоквашу, впрыскиваетъ себѣ различныя сыворотки, избавляется отъ волосъ, зубовъ, толстыхъ кишекъ, и прочихъ регрессирующихъ органовъ, а въ концѣ концовъ радостно доживаетъ до появленія инстинкта смерти.

Да вѣдь это, по моему, не рай, а богадѣльня, населенная хотя и очень учеными, но себялюбивыми, брезгливыми, мнительными и строптивыми старичками!

Неужели эти самые старички начнутъ теперь, отъ имени науки, не только «переоцѣнивать цѣнности», то есть искажать тѣ вѣковѣчные нравственные идеалы, которыми живетъ человѣчество, но даже передѣлывать природу человѣка по своему образу и подобию?

«Переоцѣнку цѣнностей», то есть эволюцію нравственныхъ началъ, не мы выдумали—она совершается непрерывно за все время существованія человѣчества, въ связи съ измѣненіемъ самой природы человѣка и окружающихъ ее условій. Въ этой переоцѣнкѣ, разумъ и наука всегда играли и всегда будутъ играть роль крупную, хотя не первенствующую, потому что нравственные догмы, опредѣляемые безотчетными стремленіями человѣка, ей неподсудны: никакая наука не можетъ заставить меня любить то, что я ненавижу и уважать то, что я презираю, или наоборотъ. Наука можетъ только болѣе или менѣе точно, болѣе или менѣе подробно освѣдомить меня относительно сущности

объектовъ моей любви или ненависти, но надъ самыми этими чувствами не властна, да и не должна быть властною, потому что чувство и разумъ равноправны, и дѣйствуютъ только по взаимному соглашенію. Наука есть лишь то «горнило сомнѣнія», черезъ которое обязательно должны пройти всѣ безотчетныя стремленія человѣка для того, чтобы стать сознательными и прочными. Но такъ какъ сама она не закончена и никогда не можетъ быть законченною (для этого пришлось бы исчерпать природу), то она и не должна претендовать на категорическую императивность своихъ приговоровъ.

Давно ли, нацримеръ, наука признавала «жизненную силу», а теперь эту силу отрицаетъ: давно ли она считала матерію вѣчной, а теперь признаетъ ее «временнымъ явленіемъ»; давно ли считала энергію «свойствомъ матеріи», а теперь считаетъ матерію «проявленіемъ энергіи»; давно ли считала мясо, да еще сырое, самой подходящей пищей для человѣка, а теперь вотъ даже сырые фрукты осуждаетъ и совѣтуетъ налегать на болгарскую простоквашу, и такъ далѣе. Сегодня она осуждаетъ натуру человѣка и рекомендуетъ передѣлывать ее по способу Рэмпо и Бербэнка, а завтра, можетъ быть, рѣшить, что ошиблась, и что сама должна перестроить свои гипотезы, въ виду новыхъ данныхъ, въ этой самой натурѣ подмѣченныхъ; сегодня она говоритъ, что личный эгоизмъ есть единственный законный моторъ человѣческаго поведенія, а завтра, пожалуй, отъ своихъ же собственныхъ адептовъ потребуетъ самопожертвованія на пользу общую, и проч.

Вообще, наука не есть что-либо законченное, неизмѣнное. Она течетъ, такъ сказать, и взгляды ея мѣняются во всякомъ случаѣ быстрѣе, чѣмъ чувства и бессознательныя стремленія натуры человѣческой, а потому передѣлывать послѣднюю, согласно безпрестанно мѣняющимся взглядамъ науки, было бы непостоятельно.

Да наконецъ, трудно вѣдь рѣшить, кто именно, изъ ученыхъ, является въ данную минуту законнымъ представителемъ современной науки: проф. Менделѣевъ

или проф. Мечниковъ? Матеріалисты-раціоналисты—Геккель и Бюхнеръ, или мистики-спиритуалисты—Круксъ, Уоллесъ, Фламмаріонъ, Вассманъ и проч.? Каждый изъ нихъ компетентенъ въ своей сферѣ, въ своей специальности, но въ общенаучномъ міровоззрѣніи ихъ одинаково компетентными признать никакъ нельзя, а сами они едва ли когда-нибудь сговорятся относительно этого міровоззрѣнія.

Кто же тогда долженъ явиться судьбою между ними и міровоззрѣніями, каждому изъ нихъ свойственными?

Увы! Таже несовершенная натура человѣческая, таже совокупность познавательныхъ способностей человѣка—разума, совѣсти и вкуса, которая вольна признать справедливымъ Менделѣева или Мечникова, Геккеля или Вассмана.

Что касается меня, то я ни въ какомъ случаѣ не довѣрю передѣлки своей натуры старичкамъ проф. Мечникова, да и не желаю быть передѣланнымъ по ихъ образу и подобию...

НБ ОНУ імені І. Мечникова

